

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-12-2023

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 fvrd@rambler.ru

Тиберио Грациани — директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАЕН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Буданова Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),

профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvr@rambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenkam@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кочеров О.С. Вечное возрождение дракона: ловушка дискурсивной силы и деколониальная критика теории международных отношений	1
Элдиб А.М. Идеологическое сближение исламской революции и "Братьев-мусульман"*	21
Шугуров М.В., Колодуб Г.В. Санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки: природа, особенности и последствия	32
Чипизубова П.А. Влияние внешних акторов на динамику памирского кризиса 2018-2022 гг.	57
Аветисян А.А. Особенности внешней культурной политики Итальянской Республики в странах постсоветского пространства (на примере итало-узбекских отношений)	69
Аварский Р.И., Джаббаринасир Х.Р. Иранская концепция исламского университета (на примере места и значения Университета Имама Садика и его влияния на правительство президента Ирана Эбрахима Раиси)	82
Англоязычные метаданные	96

Contents

Kocherov O.S. Eternal return of the dragon: discursive power trap and decolonial critique of international relations theory	1
Eldeeb A.M. Ideological Rapprochement of the Islamic Revolution and the Muslim Brotherhood	21
Shugurov M.V., Kolodub G.V. CERN's sanctions regime against Russian science: nature, features and consequences	32
Chipizubova P.A. The Impact of External Dynamics of the Pamir Crisis in 2018-2022	57
Avetisyan A.A. Features of the external cultural policy of the Italian Republic in the countries of the post-Soviet space (on the example of the relations between Italy and Uzbekistan)	69
Avarskii R.I., Dzhabbarinasir K.R. The Iranian concept of an Islamic university (on the example of the place and significance of Imam Sadiq University and its influence on the government of Iranian President Ebrahim Raisi)	82
Metadata in english	96

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Кочеров О.С. — Вечное возрождение дракона: ловушка дискурсивной силы и деколониальная критика теории международных отношений // Мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 1 - 20. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.69205 EDN: WWGCHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69205

Вечное возрождение дракона: ловушка дискурсивной силы и деколониальная критика теории международных отношений

Кочеров Олег Сергеевич

кандидат политических наук

научный сотрудник, сектор восточных философий, Институт Философии Российской Академии Наук;
доцент, факультет политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук

603064, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, 70, кв. 40

✉ netherdead@yandex.ru

[Статья из рубрики "Концепции политического устройства мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.69205

EDN:

WWGCHI

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Дата публикации:

05-12-2023

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискурсивной силы и смежных концептов (институциональной силы, нормативной силы, эпистемической силы) как важной части внешнеполитической стратегии современной КНР. Особое внимание уделяется академическому измерению дискурсивной силы, проявляющемуся в формировании китайской теории международных отношений как способа конструирования современной китайской идентичности и инструмента критики западной концептуализации глобальных процессов и роли Китая в них. В связи с тем, что вестфальская идентичность несёт для Пекина определённые риски (противоречие экономической открытости Китая, потенциальная утрата уникальной китайской идентичности, исполнение самосбывающегося пророчества о конфликте КНР и США), Чжуннаньхай активно

пытается осмыслить свою идентичность через развитие эпистемической силы, одним из проявлений которой является возникновение китайской школы международных отношений. При этом основными двумя стратегиями Китая при взаимодействии с западной теорией международных отношений становятся (1) повышение её инклюзивности через включение в неё китайских концепций и методов исследования и (2) создание альтернатив западной теории международных отношений. На более фундаментальном уровне теоретизации незападных международных отношений первая стратегия в целом соотносится с проектом «глобальных международных отношений», а вторая с деколониальным/постколониальным подходом к международным отношениям.

При помощи деколониальной герменевтики рассматриваются основные недостатки «глобальных международных отношений» и лежащей в их основе эпистемической культуры, а также вскрываются проблемы, возникающие при накоплении Китаем дискурсивной силы. На основе анализа можно сделать вывод о трёх потенциальных стратегиях КНР: вестфальская дискурсивность, вестфальская дискурсивность с китайской спецификой и критическая дискурсивность. При этом первые две стратегии чреваты попаданием КНР в ловушку дискурсивной силы: пытаясь противостоять западной дискурсивной агрессии через накопление дискурсивной силы, Пекин начинает интернализировать присущие западной политической модели властные структуры и нарративы или романтизировать альтернативные им системы воспроизводства власти имперского Китая, чем подкрепляет существующие в отношении его опасения и в итоге занимает менее выгодную стратегическую позицию. Для выхода из этой ловушки в статье предлагается ряд путей (развитие сотрудничества со странами глобального Юга, взаимодействие с их эпистемическими культурами, критическое переосмысление современных китайских концепций международных отношений).

Ключевые слова:

дискурсивная сила, эпистемическая сила, деколониальная теория, незападная ТМО, колониальный дом ТМО, дихотомия идентичности, китайская ТМО, глобальные международные отношения, ловушка дискурсивной силы, внешнеполитическая стратегия

Уверю вас, единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного.

Е. Шварц. «Дракон»

Перо сильнее меча: дискурсивная сила как важный компонент внешнеполитической стратегии КНР

Одна из объективных тенденций международных отношений на современном этапе – повышение удельного веса незападных акторов как в региональной, так и в глобальной политике. При этом рост могущества таких стран проявляется не только в политических, экономических и военных аспектах (которые, безусловно, остаются крайне важными факторами международной динамики), но и в других отношениях – прежде всего в попытках реализовать себя на институциональном, нормативном и дискурсивном уровнях, во многом представляющих собой фундамент современной мирополитической архитектуры.

Многие современные международные институты не отвечают запросам и интересам стран глобального Юга. К примеру, такие столпы международной финансовой системы, как группа Всемирного банка или Азиатский банк развития, фактически являются

проводниками интересов западных стран и их незападных партнёров в связи с довольно консервативной политикой распределения квот, из-за которой, несмотря на все попытки незападных стран добиться большей репрезентации и инклюзивности, направление работы этих организаций и условия предоставления ими кредитов продолжают определяться крупнейшими дольщиками (прежде всего США и Японией). В связи с этим незападные акторы начали выстраивать альтернативную международную финансовую архитектуру. Яркими примерами таких институций являются китайский Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития, созданный под патронажем БРИКС.

В то же время дискуссионным остаётся вопрос о том, насколько такие институции действительно отражают интересы всего «глобального Юга», а не только его наиболее развитых представителей. Так, Китай часто обвиняют в том, что он выстраивает свою стратегию кредитования таким образом, чтобы ввергнуть менее развитые страны в долговую ловушку и затем эксплуатировать их зависимость от Пекина. КНР отвергает все подобные обвинения, но проблема заключается в том, что эту критику озвучивают далеко не только западные страны [\[26, 32\]](#).

Не меньший интерес для незападных стран представляет и нормативный уровень. Многие страны глобального Юга согласны далеко не со всеми теми нормами, которые, по мнению США и их партнёров, должны регулировать политические процессы в международных отношениях. В то же время это, вопреки общераспространённому мнению, не означает, что незападные страны выступают против «порядка, основанного на правилах»[\[1\]](#) - в действительности они просто хотят обладать большим весом в вопросах определения того, какими должны быть правила глобального взаимодействия.

Прежде всего нормативная сила означает переосмысление уже существующих практик. В частности, современное китайское руководство крайне негативно относится к концепту гуманитарной интервенции в связи с тем, что США во многом дискредитировали эту практику своими вторжениями. Тем не менее, в прошлом КНР демонстрировала поддержку ряду операций, которые осуществлялись по решению Совета Безопасности ООН [\[37, с. 207\]](#). Кроме того, учитывая, что Китай уже давно выступает за реформирование Совбеза [\[46\]](#) через включение в него новых участников и повышение в нём роли регионов, вполне вероятно, что Пекин может выступить и за такую норму, которая допускала бы гуманитарную интервенцию против какой-либо из стран региона в том случае, если другие страны региона выступают за проведение такой операции.

Нормативная сила выражает и стремление незападных стран в большей степени отразить в глобальной повестке свои ценности. Яркий пример артикуляции норм в этом контексте – Бангкокская декларация по правам человека 1993 г., в которой страны-подписанты с одной стороны выразили поддержку концепции прав человека, а с другой стороны подчеркнули незыблемость принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела, а также необходимость учёта влияния региональных культурных контекстов на сущность прав человека в конкретных странах.

Наконец, ещё более важной, чем возможность влиять на политику международных институций и играть роль в артикуляции международных норм, является возможность влиять на глобальный дискурс – дискурсивная сила[\[2\]](#). В самом общем виде под ней имеется в виду способность политического актора задавать глобальную повестку, распространять выгодную для себя интерпретацию различных социально-политических процессов в качестве мейнстримного нарратива. Ярким примером тут может служить

международная дискуссия относительно китайской политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Западные страны критикуют деятельность КНР и обвиняют её в грубом систематическом нарушении прав человека. Официальная позиция Пекина же заключается в том, что синьцзянские трудовые лагеря предназначены для идеологического перевоспитания радикальных элементов (потенциальных террористов и сепаратистов). В 2021 г. на заседании Совета по правам человека ООН 69 стран заявили о своей поддержке деятельности КНР в Синьцзяне [\[31\]](#). На 2023 г., согласно заявлению официального представителя МИД КНР Мао Нин, уже почти 100 стран публично выступили за то, что синьцзянский вопрос является внутренним делом КНР [\[38\]](#). При этом стоит отметить, что многие из поддержавших КНР стран – небольшие государства, во многом зависящие от китайской финансовой и экономической помощи. В то же время более развитые экономики могут поддерживать Китай как из-за нежелания терять выгодного экономического партнёра, так и из-за принципа обоюдного невмешательства во внутренние дела друг друга: если они поддержат китайский нарратив о Синьцзяне, то и КНР в дальнейшем будет закрывать глаза на практики ближневосточных режимов (при этом, однако, неофициальные оценки политики Пекина в арабских странах весьма смешанные [\[40, с. 127-131\]](#)).

В связи с этим неудивительно, что в последние годы дискурсивная сила становится одним из важнейших компонентов китайской внешнеполитической стратегии. Как отмечает И.Е. Денисов, в современном китайском политическом пространстве довольно широко распространена идея о том, что «тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет "право организовывать" мировой порядок, тот и обладает ключевой властью» [\[6, с. 44\]](#). Эксперты отмечают различные области, в которых Пекин пытается применять дискурсивную силу: продвижение китайского проекта «Один пояс, один путь» [\[1\]](#), цифровизация [\[9\]](#) и многие иные сферы.

В то же время у дискурсивной силы есть ещё одно измерение, которое можно назвать эпистемической силой. Она связана с контролем не столько над глобальной повесткой и её интерпретацией, сколько над самим производством знания: тем, какие способы получения и верификации знания считаются легитимными, при помощи каких структур и практик знание производится, какие производители знания считаются наиболее авторитетными. Особую роль этот вид дискурсивной власти играет прежде всего в дискуссиях о статусе и сущности общественных наук – в том числе и современной теории международных отношений (ТМО) и прочих смежных академических дисциплин. В связи с этим целесообразно рассмотреть дискурсивную силу в контексте поиска Китаем своей политической идентичности и отражения этих поисков в теоретических построениях китайской школы МО.

Дискурсивная сила и вестфальская идентичность

Многие специалисты-международники уже давно обратили внимание на то, что современные политические дисциплины представляют собой теоретизацию опыта исключительно западных стран, который в ходе колонизации стал по умолчанию считаться общечеловеческим опытом. В связи с этим незападные страны должны были отказаться от своих традиционных способов концептуализации политического пространства и перенять западные политические категории и нарративы. Всё это привело по меньшей мере к трём фундаментальным изменениям в западных политических картинах мира:

1 . В онтологическом плане глобальное политическое пространство стало

концептуализироваться как вестфальская множественность национальных государств. Политический порядок в таком пространстве возникает в результате либо распределения сил между наиболее могущественными игроками, либо достижения договорённостей о «правилах игры» (вполне возможно и сочетание этих вариантов). Хотя некоторые государства и могут пытаться преодолеть анархию международных отношений через кооперацию и объединение в более крупные политические конфигурации (например, ЕС), в настоящее время не существует глобальной наднациональной институции, которая могла бы полноценно контролировать мирополитические процессы, что во многом объясняется нежеланием национальных государств жертвовать своим суверенитетом.

2 . В этическом плане мейнстримная западная теория международных отношений предлагает на выбор либо реалистскую «этику» (разведение политических и нравственных вопросов, борьба за выживание и повышение могущества как важнейшая тенденция международных отношений), либо либеральную этику (мирное сосуществование зависимых друг от друга капиталистических либеральных демократий)

3 . В плане логики действия акторов международных отношений обычно концептуализируются в терминах рационального участия в играх с нулевой суммой. Считается, что государства всегда исходят исключительно из своих интересов, стремятся максимизировать свою выгоду и выбирают для этого наиболее рациональные средства. Хотя либеральная логика рисует несколько иную картину мира, где взаимодействие приносит гораздо больше выгод (как индивидуальных, так и коллективных), чем противостояние, она точно так же абсолютизирует экономический интерес и индивидуальную игровую рациональность.

Конечно, западная теория международных отношений не должна редуцироваться только к противостоянию реализма и либерализма. К примеру, английская школа международных отношений концептуализирует глобальное пространство в терминах «общества государств», что, по оценке ряда специалистов [\[41, с. 2\]](#), гораздо ближе к традиционному китайскому представлению о глобальном порядке. Тем не менее, во многом такие теории продолжают оставаться на периферии западной политической науки.

Не стоит также считать, что незападный политический опыт и пути его концептуализации во всём радикально отличались от западных практик. Безусловно, в различных незападных культурах можно найти схожие с западными мотивы политической философии, стратегии и элементы политического воображения (достаточно упомянуть философию китайского легизма, которая имеет много общего с западным политическим реализмом). В то же время даже в таких случаях не стоит ставить знак равенства между интеллектуальными течениями в других традициях, поскольку зачастую при более тщательном рассмотрении между ними проявляются крайне важные различия.

Очевидно, что незападные страны во многом приняли правила «вестфальской игры», модернизировались по западному образцу и преобразовались в национальные государства. В то же время дискуссионным остаётся вопрос о том, в какой мере они действительно интернализовали эти политические нормы и концептуальные схемы. Так, многие исследователи отмечают, что Китай в целом является защитником классической версии Вестфальской системы, в то время как США зачастую отходят от неё, пытаясь изменить правила игры в свою пользу [\[44\]](#). Однако у этого тезиса есть ряд проблем.

Во-первых, на современном этапе вестфальская государствоцентристская онтология международных отношений сталкивается с довольно серьёзными вызовами. С одной

стороны, глобализация привела к увеличению трансграничных финансовых и инвестиционных потоков, возникновению глобальных цепочек поставок, расширению влияния ТНК. Наряду с этим благодаря информационным технологиям люди по всему миру всё активнее ощущают себя частью глобального пространства, становятся участниками разнообразных международных организаций и неформальных сообществ, что приводит к интенсификации трансграничных перемещений «туристов и террористов». Всё это приводит к тому, что границы становятся всё более прозрачными. В связи с этим Китай как активный участник и один из главных бенефициаров таких процессов вынужден балансировать между принципом незыблемости суверенитета, который подразумевает значительный политический контроль над суверенной территорией и минимизацию внешнего влияния на неё, и принципом открытости, который приносит Пекину значительные дивиденды, но вместе с тем расширяет и иностранное присутствие в КНР.

Кроме того, помимо экономических процессов китайское руководство вовлечено и в некоторые политические практики, которые также во многом размывают концепцию вестфальского суверенитета. Прежде всего речь идёт о принципе «одна страна, две системы», который предоставляет жителям китайских специальных административных районов значительную автономию (в том числе и право на членство в международных организациях в качестве самостоятельных единиц). Сюда же можно отнести и знаменитый принцип Дэн Сяопина, нацеленный на разрешение споров в Южно-Китайском море – «отложить разногласия и совместно осваивать» (*гэчжи чжэньи гунтун кайфа* 搁置争议共同开发) – в соответствии с которым стороны замораживают дискуссии о разграничении исключительных экономических зон и занимаются взаимовыгодным сотрудничеством.

С другой стороны, государствоцентристская онтология сталкивается и с вызовом со стороны разнообразных сепаратистских движений, которые апеллируют к праву на самоопределение. В рамках западной ТМО довольно сложно разработать механизмы для мирного разрешения подобных вопросов, из-за чего в современном мире существует множество неразрешённых и регулярно вспыхивающих вновь территориальных конфликтов.

Во-вторых, западная ТМО (как и предшествующая ей политико-философская традиция) использовалась для порабощения незападных стран, что отразилось на её основных политических категориях и нарративах. Выступая в поддержку вестфальской идентичности, западные страны во многом легитимируют ту «колониальную матрицу власти» [\[36\]](#), которая привела к их угнетению. Конечно, Вестфальская система ставила во главу угла суверенитет, что в идеале должно было бы привести и к уважению территориальной целостности незападных стран и сообществ. Проблема, однако, заключалась в том, что хоть все суверенитеты и равны, далеко не все обладают суверенностью: в рамках колониальной экспансии понятие суверенитета стало фактически применяться только по отношению к западным державам, в то время как незападным культурам отказывали в суверенитете прежде всего из-за их расовой принадлежности [\[25\]](#). Таким образом, хотя понятие национального суверенитета само по себе не является империалистским, его длительное использование в дискриминационных практиках во многом дискредитировало эту концепцию.

Несмотря на то, что при зарождении ТМО одной из важнейших целей была максимальная интернационализация дисциплины, неотрефлексированные империалистские, европоцентристские основания ТМО значительно помешали реализации этой задачи [\[33\]](#).

По мнению американского исследователя Д. Хобсона, несмотря на то что современные международники во многом отрешаются от проблематичного политического дискурса начальных этапов становления ТМО, дисциплина до сих пор продолжает исходить из весьма расистских основополагающих допущений [\[29\]](#). Таким образом, принятие Китаем вестфальской логики в определённом смысле означает победу западной идентичности, воцарение западной культурной (теоретической, эпистемической) гегемонии.

Третья проблема с вестфальской картиной мира заключается в том, что артикулированные в её рамках принципы баланса сил и приоритета национальных интересов выливаются в довольно антагонистическую международную политику. Это привело к тому, что незападные страны сначала были насильственно включены в западную систему международных отношений, а после их становления в качестве независимых национальных государств концептуализированы как угрозы влиянию традиционных держав (прежде всего США). В связи с этим в последние пару десятилетий огромную популярность получил нарратив о неизбежном столкновении США и КНР. «Предсказание» этого столкновения во многом заложено в теории передачи власти А. Органского и «ловушке Фукидида» А. Грэхема [\[5\]](#). Несмотря на то, что достоверность этих прогнозов ставится под сомнение многими критикам, проблема заключается в том, что повышенное внимание к подобным нарративам сильно влияет на политический курс основных акторов международных отношений, из-за чего эти концепции вполне могут стать самосбывающимися пророчествами [\[28, с. 143-154\]](#). Китайское руководство на постоянной основе заявляет о том, что конфликт между США и КНР не является неизбежным [\[3\]](#), и неоднократно интерпретировало китайский внешнеполитический курс как «мирное развитие» [\[13\]](#). Тем не менее, нарратив о грядущем противостоянии КНР и США остаётся крайне популярным, и это подтверждает тезис о том, что китайской дискурсивной силе во всех её проявлениях будет весьма сложно реализоваться в мире, где социальное знание производится и воспроизводится во многом по западным образцам, где западная политическая наука считается наиболее авторитетной, а западное академическое сообщество обладает привилегированным доступом к ведущим научным журналам и исследовательским ресурсам.

Таким образом, хотя приверженность КНР вестфальской идентичности во многом помогает КНР защищать свои национальные интересы и одновременно с тем эксплуатировать ошибочные действия и заявления западных стран, она несёт и риски для Пекина. В связи с этим неудивительно, что одним из проявлений китайской дискурсивной и эпистемической силы становится академическая дискурсивная сила (*сюэшу хуаюй цюань* 学术话语权). Прежде всего под этим понимают популяризацию китайского языка как *lingua franca* международного академического общения, а также разработку и продвижение оригинальных китайских концепций, теорий и методов исследования [\[2\]](#). В контексте ТМО академическая дискурсивная сила означает создание китайской школы международных отношений.

Китайская теория международных отношений как проявление дискурсивной силы

Одним из важнейших мотивов китайской ТМО становится обращение к классическому китайскому философскому наследию как источнику уникальной китайской идентичности. При этом можно говорить о двух стратегиях такого обращения.

Первая стратегия заключается в поиске в китайской интеллектуальной традиции таких элементов, которые могли бы обогатить западную ТМО в концептуальном или инструментальном плане. Ярким представителем этого подхода является Янь Сюэтуан –

политолог, настолько тонко понимающий логику развития современной КНР, что, по мнению М.Ю. Коростикова, его работы «в период правления Си Цзиньпина будут и дальше приоткрывать завесу над хитросплетениями китайской внешней политики и предвосхищать действия руководства страны» [11, с. 123]. Янь проводит анализ подходов классических китайских философов при помощи инструментария западной политической науки и на основе полученных результатов выстраивает новую теоретическую разновидность западного политического реализма – моральный реализм (*даои сяньшичжуи* 道义现实主义). Согласно этой теории, лидерство в мирополитической конфигурации зависит от ряда факторов, из которых одним из важнейших следует считать нравственные качества политических лидеров. Под нравственностью здесь имеется в виду не попытка представить ценности определённой культуры в качестве универсальных, а соответствие тем нравственным принципам, которые разделяет большинство акторов (т.е. правилам, на которых основан порядок). Чем в большей степени лидер соблюдает эти правила и подтверждает свою приверженность им на практике, тем более легитимным он представляется другим акторам и тем больше у них оснований поддерживать существующий политический порядок [12]. В то же время на современном этапе ни США, ни Китай не могут претендовать на лидерство (в частности, из-за неоднородности идеологий этих стран), из-за чего мировой порядок эволюционирует в сторону биполярной системы. Это, впрочем, не означает неизбежность конфликта – в противовес «ловушке Фукидида» Янь Сюэтуна приводит пример соперничества древнекитайских царств Цзинь и Чу, который доказывает, что биполярная конфигурация может быть стабильной и в целом мирной [14].

Другая стратегия заключается в попытках выйти за концептуальные рамки западной ТМО и разработать альтернативу ей на основе китайской интеллектуальной традиции. Один из важнейших представителей такого подхода – Чжао Тинъян, который реинтерпретирует в своих работах [47] традиционную китайскую геополитическую модель Тянься. По мнению исследователя, эта модель является гораздо более привлекательной для остального мира и более инклюзивной, чем современная западная модель международных отношений, в связи с чем необходимо выстраивать все международные интеракции на основе четырёх её принципов:

1. Интернализация мира, т.е. необходимость осмыслить политическое пространство не как совокупность национальных государств, а как максимально инклюзивный космополитический континуум, в котором есть место для всех культур и политических систем;
2. Реляционная рациональность, которая должна дополнить индивидуалистическую рациональность и тем самым сместить фокус с реализации личных интересов на достижение гармонии между личным и общим;
3. Конфуцианское улучшение, являющееся развитием концепции эффективности В. Парето. Согласно Чжао, в соответствии с конфуцианской максимой «если ты сам хочешь твердо стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой крепко стоял на ногах» [10, с. 180] это улучшение означает принятие всеми участниками политического процесса стратегии, которая направлена на такое улучшение во всеобщих интересах, при котором не только не будет происходить ухудшения положения каких-либо акторов, но и изменение обязательно будет в их интересах.
4. Универсализм совместимости, который означает, что универсальными могут быть только те ценности, которые фигурируют в отношениях людей друг с другом.

Как можно видеть, предложенные Чжао основополагающие принципы мирополитической системы значительно отличаются от традиционных оснований западной политической модели. Следует отметить, что работа Чжао вызвала серьёзный интерес в китайском академическом сообществе, что обусловило возникновение многих других основанных на переосмыслении *Тянься* концепций [\[24\]](#).

Конечно, китайская политическая мысль не ограничивается только этими двумя направлениями (многие китайские международники вообще не обращаются к классическому китайскому наследию). Тем не менее, эти направления пользуются значительной популярностью и, что важнее для целей настоящей статьи, во многом соответствуют общим тенденциям в становлении незападной ТМО.

Проблема соотношения западной и незападных ТМО

Китайская ТМО является далеко не единственным ответом глобального Юга на дикурсивную и эпистемическую доминацию западной мысли. Аутентичные ТМО появляются и во многих других незападных странах. Кроме того, многие западные исследователи-международники также заявляют о необходимости большей инклюзивности западной ТМО или даже её радикального переосмысления с незападных позиций. Тем не менее, проблема соотношения западной и незападных теорий международных отношений во многом остаётся нерешённой.

Во-первых, если западная теория международных отношений не может объяснить какие-либо явления в незападных контекстах, это не означает, что для их объяснения необходима незападная теория. Как и другие науки, теория международных отношений развивается постепенно, через выдвижение гипотез и их верификацию на различном материале. Соответственно, для объяснения специфики незападных политических процессов западной теории международных отношений просто нужно больше внимания уделить незападному материалу, привлекать его для корректировки западных гипотез. Как отмечает А. Воскресенский, во всё более усложняющемся международном взаимодействии нужны новые методы глобального управления, а не «заявления о том, что наш мир трещит по швам, и для того, чтобы осознать это, нам нужно заместить западную ТМО её незападными вариантами» [\[43, с. 1\]](#)

Во-вторых, какова объяснительная сила незападных теорий международных отношений? Если они объясняют только тот контекст, в котором зародились, но при этом не могут объяснить политические процессы в других регионах, то это фактически равнозначно заявлению о том, что народы в конкретном регионе земного шара радикально отличаются от других народов в других регионах в своих практиках, что звучит крайне эссенциалистски. Если же незападные теории претендуют на универсальное объяснение политических процессов по всему миру, то их сторонникам предстоит колоссальная работа по реструктурированию ТМО, и не факт, что они готовы проводить такую работу.

Эти и многие другие подобные вопросы отразились в ряде подходов к незападным теориям международных отношений. Один из наиболее влиятельных проектов – концепция «глобальных международных отношений», предложенная А. Ачарией и Б. Бузаном. На их взгляд, необходимо интегрировать в западную теорию международных отношений незападные концепты и методы и с их помощью переосмыслить первую в более широком историко-культурном контексте [\[21\]](#). У этого проекта появилось множество последователей, хотя Ачария и Бузан признают, что влияние глобальных МО на мейнстримную западную теорию международных отношений всё ещё весьма

ограничено [\[22\]](#).

Одним из важных компонентов глобальных МО является идея о «региональных мирах» (regional worlds). Ярким примером этой идеи служит концепция мультиплексного мира (multiplex world). Ачария сравнивает мир с кинотеатром, под одной крышей которого есть несколько залов, где идут различные фильмы, и зритель может выбрать любой из них [\[20\]](#). Точно так же и в современных международных отношениях во многих регионах начинают возникать такие порядки, которые черпают вдохновение из традиционных политических культур стран этих регионов.

На первый взгляд подход в духе глобальных МО вполне отвечает веяниям времени, а также соответствует современной китайской дискурсивной стратегии. Тем не менее, он проблематичен по ряду причин. Во-первых, довольно часто как западные, так и незападные исследователи, желая преодолеть колониальные стереотипы об отсталости незападных традиций, при разработке своих концепций воспроизводят иные стереотипы и точно так же эссенциализируют незападные культуры (например, сводят китайскую культуру к конфуцианству, а конфуцианство к гармонии) [\[39\]](#).

Во-вторых, более фундаментальная, проблема заключается в том, что в рамках глобальных МО и прочих проектов, посвящённых повышению инклюзивности западной ТМО, исследования проводятся в концептуальных рамках определённой эпистемической культуры. Другими словами, хотя в кинотеатре А. Ачарьи есть залы и фильмы почти на любой вкус, что нам известно о самом кинотеатре, принципах его работы и его владельцах? Кем сняты предложенные для просмотра фильмы? На каком языке они демонстрируются? Можем ли мы выбрать для просмотра фильм не из предложенного нам списка? Для того, чтобы лучше понять суть этой проблемы, необходимо обратиться к деколониальной критике западной ТМО.

Критика колониального дома международных отношений

Специфика деколониального/постколониального [\[4\]](#) подхода к международным отношениям ярко выражена в предложенной А. Агафангелу и Л. Линг [\[23\]](#) метафоре «колониального дома», при помощи которой ёмко описываются властные отношения, царящие внутри дисциплины.

Самое почетное место в этом колониальном имении занимает супружеская пара – реализм и либерализм, которые, несмотря не все их видимые противоречия, на деле исходят из во многом схожих предпосылок и прекрасно дополняют друг друга. Реализм осуществляет контроль над домом при помощи силы, в то время как либерализм использует другой рычаг – интерес. При этом они давно поняли, что сила и экономический интерес тесно взаимосвязаны, в связи с чем выстраивают единую властную инфраструктуру, предназначенную лишь для удовлетворения appetites западной политической элиты.

Вместе с реализмом и либерализмом в доме проживают их послушные отпрыски: неолиберализм, либеральный феминизм, позиционный феминизм (феминистская эпистемология), а также наследник – неореализм. Неолиберализм развивает идеи своих родителей, «превращая реалистскую теорию гегемонистской стабильности в удобное для использования пособие для управления над счастливыми потребителями» [\[23, с. 52\]](#). В союзе со своими сёстрами-феминистками неолиберализм предоставляет политическую и дискурсивную власть белым богатым западным женщинам, которые пропагандируют либеральные практики как средство эмансипации и вместе с тем, выступая от лица

женщин всего мира, заглушают голоса гораздо менее привилегированных женщин глобального Юга, тем самым воспроизводя и закрепляя существующие властные практики и отношения. Неореализм, плод внебрачной связи между реализмом и экономикой, хозяйкой дома по соседству, озабочен лишь собственным статусом в иерархии, из-за чего с большим подозрением относится к остальным членам семьи МО и готов пойти на что угодно для сохранения своего доминантного положения.

Ко второй группе обитателей дома относятся сыновья и дочери, находящиеся в немилости у реализма и либерализма из-за своего бунтарства. Это марксизм, грамшианская политическая экономия, постмодернизм и конструктивизм, а также «падшие дочери»: постмодернистский феминизм и квир-теория. Все они пытаются побороть своих родителей с помощью критической теории, но при этом схожи с ним в том, что полагаются исключительно на западную интеллектуальную традицию в лице критической теории.

К третьей группе обитателей дома относится прислуга – регионоведение и сравнительная политология. Прислужой они являются в том смысле, что их основная функция – сбор этнографического материала, на основе которого их хозяева могут заниматься теоретизированием, высокой политикой. Другими словами, в рамках этих областей происходит инструментализация и объективация представителей незападных культур: они всегда выступают лишь в виде информантов, объектов исследования, а не субъектов. В то же время они, пользуясь своим служебным положением, могут периодически тайно запускать в колониальный дом любовников владельцев имения или их незаконнорождённых детей (например, азиатский капитализм, который возник в результате тайной связи между либерализмом и конфуцианством и неоднократно пытался продемонстрировать владельцам колониального имения свою привлекательность до тех пор, пока Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. не разрушил его планы).

Наконец, снаружи дома находятся те, кто выступает против существующей в нём системы. Это критики ориентализма, постколониальная ТМО, а также предлагаемый А. Агафангелу и Л. Линг «миризм» (worldism). С их точки зрения, кинотеатр А. Ачарьи расположен внутри колониального дома, и все желающие попасть на сеанс должны либо получить приглашение хозяев имения, либо проникнуть в дом тайком. Тем не менее, все такие гости всегда отдаются на милость хозяев, которые обладают полной властью над имением МО. В связи с этим представители этих подходов выступают против самой структуры власти, воплощённой в колониальном доме, и навязанных ей идентичностей.

Какова же деколониальная альтернатива западной ТМО и глобальным МО? В целом деколониализм сближается с глобальными МО в рамках концепции «глобальных миров». В то же время оптика исследования этих миров во многом отличается. Так, Э. Вирамонтес выделяет следующие четыре критерия деколониальной теории международных отношений: (1) она скептически относится к тезису о необходимости поиска всеобщего универсального знания и вместо этого стремится осмыслить «плюриверсум»; (2) она отрицает позитивистский объективизм и стоит на позициях постпозитивизма и непозитивизма; (3) она стремится расширить понятие международного через проблематизацию онтологии национальных государств; (4) она ставит целью преодолеть дихотомию «Я-Другой» через дезэкзотизацию незападных культур и экзотизацию западных [\[42\]](#). Вместе с тем важнейшая проблема деколониализма/постколониализма заключается в том, что его крайне трудно транслировать в политическую практику, что во многом обусловлено его антивластной позицией. В целом деколониальный подход может влиять на политическую реальность

либо через академические практики (переосмысление методологических оснований исследований в общественных науках, идентификация проблемных мест в существующих властных отношениях), либо через деятельность активистских групп (в первую очередь этнических меньшинств).

Всё сказанное не означает, что глобальные МО и деколониальный подход невозможно примирить. В последние годы в западном академическом сообществе развернулась дискуссия [\[45\]](#), в рамках которой сторонники первого подхода признали существующие в нём проблематичные моменты и наметили основные пути сближения двух подходов. Тем не менее, на пути к этому всё ещё остаётся множество препятствий.

На основе анализа двух подходов к конструированию незападной ТМО можно проблематизировать концепцию дискурсивной силы в контексте её эпистемических оснований.

Ловушка дискурсивной силы

И.Ю. Зуенко и И.Е. Денисов считают, что на современном этапе Запад попал в «ловушку Ная» (или «ловушку мягкой силы»). По мнению исследователей, суть этой ловушки состоит в следующем: Запад считает, что Китай в силу авторитарности своего режима не способен эффективно проецировать мягкую силу, и что Пекин добивается расширения своего влияния фактически лишь через подкуп других стран [\[7\]](#). Эмпирические исследования же подтверждают, что Китай довольно эффективно продвигает на международной арене идею о том, что китайское авторитарное правительство справляется с современными социополитическими и экономическими вызовами гораздо эффективнее, чем демократические режимы [\[34\]](#).

В то же время, на наш взгляд, сам Китай рискует попасть в то, что можно назвать «ловушкой дискурсивной силы». Пытаясь противостоять западному дискурсу, концептуализирующему Китай как угрозу региональному и глобальному порядку, Пекин может выбрать одну из нескольких стратегий.

Во-первых, Китай может контратаковать западные страны с дискурсивных позиций защитника классического варианта Вестфальской системы МО, при этом никак не обращаясь к своему интеллектуальному наследию. Такой подход едва ли решает проблемы Китая, поскольку предоставляет крайне ограниченное пространство для маневра. Конечно, Пекин может эксплуатировать негативно воспринимаемые другими странами действия Запада (нарушения суверенитета стран глобального Юга), чтобы заработать «дискурсивные очки», но в рамках вестфальского дискурса (пусть даже и адаптированного к современным реалиям) он не сможет опровергнуть тезис о том, что является угрозой. Едва ли он сможет представить в позитивном свете и те свои международные практики, которые регулярно подвергаются критике (дипломатия «долговой ловушки», сотрудничество с режимами, обвиняемыми в масштабных нарушениях прав человека). Объясняется это тем, что при использовании западной политической оптики позитивные на первый взгляд практики Китая и предлагаемые им внешнеполитические концепты, нацеленные на создание гармоничного мира, будут восприниматься как замаскированное стремление Пекина максимизировать своё влияние. В то же время более фундаментальная проблема этого подхода заключается в том, что такой стратегией Китай легитимирует те властные практики и дискурсы, на которых и строится западная политическая модель.

Вторая стратегия заключается в том, чтобы сконструировать своеобразный вестфальский

дискурс с китайской спецификой. На наш взгляд, это та стратегия, которой придерживается современное китайское руководство. При таком подходе у Китая уже гораздо больше возможностей как для защиты своих интересов, так и для атаки западных нарративов, поскольку через обращение к эпизодам из своей истории Пекин может доказать, что законы западной ТМО далеко не универсальны и не всегда могут объяснять действия КНР на международной арене.

Одна из проблем с таким подходом заключается в том, что далеко не всегда Китаю удаётся донести до международной аудитории своё послание. Ярким примером здесь служит известный завет Дэн Сяопина «держатся в тени, стараясь ничем не проявлять себя» (*таогуан янхуэй* 韬光养晦). Во многом эта внешнеполитическая стратегия являлась прямым продолжением курса на независимую мирную внешнюю политику с поправкой на геополитические изменения (распад СССР) и означала создание благоприятной внешней среды для развития китайской экономики. Но, как отмечает В.Я. Портяков, в начале XXI в. на Западе предпринимались попытки «использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна... для обоснования различных модификаций "теории китайской угрозы"» [\[16, с. 4\]](#), в связи с чем в этом заявлении китайского лидера увидели намерение КНР отомстить за «столетие унижений». Очевидно, что во многом США уже тогда относились к Китаю с предвзятостью. Тем не менее, едва ли в этом случае помогло то, что в китайской культуре это выражение впервые появилось для описания действий танского правителя Сюань-цзуна (годы правления: 846-859), который, будучи принцем, долгое время притворялся простаком, чтобы не пострадать в дворцовых интригах, а, усыпив бдительность интриганов-евнухов, пришёл к власти и расправился со всеми своими политическими противниками.

Особенно насторожено относятся к обращению Китая к своей истории и культуре его соседи, отношения с которыми исторически складывались очень по-разному, но практически всегда концептуализировались в формате «даннической системы».

Кроме того, далеко не всегда Китай может подобрать такие методы для противостояния Западу, которые при этом не сказывались бы негативно на его образе среди незападных стран. Так, один из наиболее часто обсуждаемых способов реализации Китаем дискурсивной силы – «дипломатия воинов-волков» (*чжань лан вайцзяо* 战狼外交) – сводится к тому, что, пытаясь найти адекватный ответ на усиливающуюся критику со стороны Запада, Китай начинает прибегать к агрессивной риторике. Это вызывает сомнения относительно истинных намерений Пекина не только на Западе, но и в странах глобального Юга [\[35\]](#).

Третья стратегия – сконструировать радикально иной дискурс, в котором бы переосмыслились сами основания западной ТМО. На первый взгляд кажется, что примером такой стратегии является концепция Чжао Тинъяна. Тем не менее, проблема здесь заключается в том, что Чжао, отказываясь строить свою модель на поле западного дискурса, во многом романтизирует политические практики имперского Китая. При этом Чжао игнорирует вопросы восприятия этой модели как соседями Китая, так и проживающими на его территории неханьскими народностями, тем самым затушёвывая её этноцентризм и империализм [\[27\]](#).

Во многом проблема тут заключается в том, что, как верно отметил Е.Н. Грачиков, современному Китаю присуща «дихотомия идентичности» [\[4, с. 196\]](#). В то же время, на наш взгляд, дихотомия эта заключается не в поиске ответа на вопрос, является ли КНР развитой или развивающейся державой, сколько в проблеме репрезентации.

Идентифицирует ли Китай себя как великую державу или же как защитника глобального Юга? Корнями эта дихотомия уходит в 50-е гг. XX века, когда КНР одновременно примеряла две идентичности: важного участника социалистического блока и одного из лидеров движения неприсоединения. Первая идентичность предполагала участие в довольно традиционном для западной политической практики противостоянии великих держав (хоть и концептуализированном в терминах марксистской философии). Вторая же идентичность хоть и строилась во многом путём бриколажа, через заимствование элементов западной политической теории, но всё же предполагала противостояние не только двум сверхдержавам, но и оппонирование самому западному дискурсу о власти как о высшей ценности международных отношений. Китай в итоге выбрал первую идентичность, хотя зачастую прибегал к риторике, которая была бы более характерна для второй идентичности. Тем не менее, на современном этапе международных отношений, став гораздо более мощным государством, Китай снова во многом стоит перед тем же выбором: разделить ли мир в формате G2 или же отказаться от фетишизации власти и попытаться вырваться из порочного круга реалполитик. КНР, конечно, может пытаться балансировать между этими двумя идентичностями (на дискурсивном уровне это, в частности, проявляется в одновременном существовании китайских политических концептов наподобие «нового типа отношений между великими державами» и «сообщества единой судьбы»), в чём ему могут помочь экономические инструменты, но такая попытка сидеть между двух стульев с течением времени будет вызывать всё больше вопросов у народов глобального Юга.

Таким образом, ловушка дискурсивной силы заключается в том, что Китай, пытаясь накопить дискурсивную силу для того, чтобы противостоять западной дискурсивной агрессии, начинает интернализировать присущие западной политической модели властные структуры и нарративы или романтизировать альтернативные им системы воспроизводства власти имперского Китая. В этом как противники Китая, так и страны глобального Юга начинают видеть подтверждение своих опасений о гегемонистских/империалистских амбициях Пекина. Таким образом, пытаясь максимизировать свою дискурсивную силу в рамках преимущественно западной эпистемической культуры, Китай в итоге оказывается в менее выгодном стратегическом положении, чем был изначально.

Каковы же пути выхода из дискурсивной ловушки? Лёгких рецептов тут нет, особенно учитывая то, что Пекин в своём внешнеполитическом курсе во многом вынужден считаться с сильными националистическими настроениями своего населения, которые сам же долго и подогревал. В целом, однако, можно наметить следующие пути:

- 1 . Повышение внимания китайского академического сообщества к критическим, деколониальным и постколониальным теориям в различных общественных науках и в ТМО в частности.
- 2 . Создание альтернативных западным моделям мирополитического устройства и вовлечение их в диалог с моделями других стран глобального Юга, а также критическое переосмысление уже существующих китайских моделей с учётом оптики неханьских народностей и стран, ранее входивших в китайскую данническую систему.
- 3 . Развитие кооперации в рамках глобального Юга и отказ от сомнительных практик, нацеленных на установление китайского контроля (отстаивание «девятипунктирной линии» в Южно-Китайском море, создание инфраструктуры в Африке для выкачивания ресурсов и т.д.), попытка достигнуть компромисса на основе ограниченного отказа от идеи суверенитета (например, отказа от принципа, согласно которому даже при

совместном освоении ресурсов в Южно-Китайском море суверенитет Китая простирается на спорные территории).

4. Переключение внимания Китая с противостояния США на сотрудничество со странами глобального Юга.

Безусловно, эти принципы нелегко воплотить в жизнь, особенно с учётом западного давления на Китай. Но у Пекина безусловно есть возможность попытаться побороть дракона, который вечно возрождался как в западных, так и в китайских империалистических дискурсах.

[1] Противопоставление «порядка, основанного на правилах» и «порядка, основанного на верховенстве права» несколько искусственно хотя бы потому, что верховенство права во многом точно такое же основополагающее правило. Конечно, зачастую под первым понимаются международные нормы в трактовке США, а под вторым – положения, зафиксированные в различных международных документах. Тем не менее, такое понимание довольно проблематично. Во-первых, далеко не все страны придерживаются этой трактовки, и существует довольно значительная вариативность во вкладываемых в этот термин смыслах [3]. Во-вторых, как убедительно показывает А. Джонстон, едва ли можно говорить о некоем едином «порядке, основанном на правилах» - в реальности скорее существует множество подобных «порядков», функционирующих на разных уровнях и касающихся разных сфер (институциональной, военной, социального развития, международной торговли и т.д.). В связи с этим одна и та же страна может по-разному оценивать правила, существующие в различных порядках, и иметь различную степень вовлечённости в артикуляцию правил разных порядков [30].

[2] Эта концепция восходит к работам М. Фуко – прежде всего к эссе «Порядок дискурса» [18] – которые современный китайский истеблишмент довольно радикально реинтерпретировал. В то же время концепция дискурсивной силы имеет много общего и с грамшианской идеей культурной гегемонии (подробнее об этой идее и её современной релевантности см. [8]).

[3] Так, в пресс-релизе по результатам встречи между Си Цзиньпином и делегацией американских сенаторов в октябре 2023 г. отмечается: «китайская сторона всегда считала, что в американо-китайских отношениях общие интересы значительно перевешивают разногласия, и успехи одной стороны – это не вызовы, а возможности для другой стороны. Ловушка Фукидида вовсе не неотвратима» [17].

[4] Во многом позиции представителей деколониального и постколониального подходов схожи. В то же время, по мнению И.Д. Лошкарёва [15], есть две основные логики/стратегии в рамках этого подхода. Первая из них – бифокальность, предполагающая идентификацию и деконструкцию существующих властных отношений, а также создание «альтернативной восточной повестки» (эту стратегию можно назвать «постколониализмом различия»). Вторая стратегия подразумевает отказ от логики противопоставления Запада и Востока и акцент на поисках точек соприкосновения между западными и незападными традициями («постколониализм взаимозависимости»). В целом первую стратегию можно идентифицировать с деколониальным подходом, а вторую – с постколониальным. При этом, как отмечает А. Эльмурадов, «постколониальная теория в узком смысле чаще всего воспринимается как отражение типичного для европейской современности дуализма, тем самым воспроизводя состояние

эпистемологической колониальности» [19, с. 25].

Библиография

1. Алексеевкова Е.С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 62-72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
2. Вэнь Цюфан. Сюэшу гоцзи хуаюйцюань чжун дэ юйяньцюань вэньти [Вопрос о роли языка в международной академической дискурсивной силе] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю [Исследования языковой стратегии]. 2021. № 6. С. 76-85.
3. Вылегжанин А.Н., Нефедов Б.И., Воронин Е.Р., Магомедова О.С., Зотова П.К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 35-60. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>
4. Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187-200. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
5. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210-231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
6. Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42-52. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>
7. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологиемы внешней политики КНР. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2022.
8. Ерохов И.А. Грамшианская теория гегемонии в перспективе современной социально-политической критики // Политико-философский ежегодник. 2008. Т. 20. № 8. С. 71-87.
9. Конопий А.С. Цифровая технократия и дискурсивная сила китайского государства: политико-правовой аспект // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. Т. 9. № 2. С. 65-71. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-7>
10. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / под ред. Л.С. Переломова. М.: Восточная литература РАН, 2004.
11. Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов // Сравнительная политика. 2016. № 4. С. 108-126. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-108-126](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-108-126)
12. Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 76-84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
13. Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы теории международных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2013. Т. 15. № 2. С. 21-40.
14. Ломанов А.В. Цзинь и Чу вместо Афин и Спарты // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 127-132.
15. Лошкарёв И.Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории

- // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 659-670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>
16. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.
 17. Си Цзиньпин хуэйцзянь Мэйго гохуэй цаньиюань дошудан линсю Шумо исин [Си Цзиньпин встретился с делегацией лидера большинства в американском Сенате Чака Шумера] // МИД КНР. 9 октября 2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202310/t20231009_11158283.shtml (дата обращения: 21.10.2023)
 18. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
 19. Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 23-38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>
 20. Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // *Ethics & international affairs*. 2017. Vol. 31. № 3. Pp. 271-285. <https://doi.org/10.1017/s089267941700020x>
 21. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. № 4. Pp. 647-659. <https://doi.org/10.1111/isqu.12171>
 22. Acharya A., Buzan B. Why is there no Non-Western International Relations Theory? Ten years on // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2017. Vol. 17. № 3. Pp. 341-370. <https://doi.org/10.1093/irap/lcx006>
 23. Agathangelou A.M., Ling L.H.M. *Transforming World Politics: From Empire to Multiple Worlds*. New York: Routledge, 2009.
 24. Babones S. From Tianxia to Tianxia: The Generalization of a Concept // *Chinese Political Science Review*. 2020. Vol. 5. № 2. Pp. 131-147. <https://doi.org/10.1007/s41111-019-00139-9>
 25. Bauder H., Mueller R. Westphalian Vs. Indigenous Sovereignty: Challenging Colonial Territorial Governance // *Geopolitics*. 2023. Vol. 28. № 1. Pp. 156-173. <https://doi.org/10.1080/14650045.2021.1920577>
 26. Behuria A.K. How Sri Lanka walked into a debt trap, and the way out // *Strategic Analysis*. – 2018. Vol. 42. № 2. Pp. 168-178. <https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439327>
 27. Chu S. Whither Chinese IR? The Sinocentric subject and the paradox of Tianxia-ism // *International Theory*. 2020. Vol. 14. № 1. Pp. 57-87. <https://doi.org/10.1017/S1752971920000214>
 28. Freyberg-Inan A. *What Moves Man: The Realist Theory of International Relations and Its Judgment of Human Nature*. New York: SUNY Press, 2004.
 29. Hobson J.M. Un-veiling the Racist Foundations of Modern Realist and Liberal IR Theory // *Globalizing International Theory: The Problem with Western IR Theory and How to Overcome It* / Ed. by A. Layug, J.M. Hobson. New York: Routledge, 2023. Pp. 54-71.
 30. Johnston A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*. 2019. Vol. 44. № 2. Pp. 9-60. https://doi.org/10.1162/isec_a_00360
 31. Joint statement of 69 countries at the Interactive Dialogue on High Commissioner's

- annual report at the 47th session of the Human Rights Council // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland. 2021. URL: http://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202106/t20210624_9103595.htm (дата обращения: 21.10.2023)
32. Kinyondo A. Is China Recolonizing Africa? Some Views from Tanzania // *World Affairs*. 2019. Vol. 182. № 2. Pp. 128-164. <https://doi.org/10.1177/0043820019839331>
 33. Kristensen P.M., Tickner A.B. Beyond a 'More International' International Relations // *Globalizing International Theory: The Problem with Western IR Theory and How to Overcome It* / ed. by A. Layug, J.M. Hobson. New York: Routledge, 2023. Pp. 33-53.
 34. Mattingly D. et al. Chinese State Media Persuades a Global Audience That the "China Model" is Superior: Evidence from A 19-Country Experiment. 2023. URL: <https://files.osf.io/v1/resources/5cafd/providers/osfstorage/6307c019f706821e8cfa31fd?action=download&direct&version=3> (дата обращения: 21.10.2023)
 35. Mattingly D.C., Sundquist J. When does public diplomacy work? Evidence from China's "wolf warrior" diplomats // *Political Science Research and Methods*. 2023. Vol. 11. № 4. Pp. 921-929. <https://doi.org/10.1017/psrm.2022.41>
 36. Mignolo W. The Colonial Matrix of Power // *Talking About Global Inequality: Personal Experiences and Historical Perspectives* / ed. by Christian Olaf Christiansen, Mélanie Lindbjerg Machado-Guichon, Sofía Mercader, Oliver Bugge Hunt, Priyanka Jha. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. Pp. 39-46.
 37. Murphy D. China's Rise in the Global South: The Middle East, Africa and Beijing's Alternative World Order. Stanford University Press, 2022.
 38. Nearly 100 countries publicly express support for China on Xinjiang-related issues: Chinese FM // *Global Times*. September 21, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298584.shtml> (дата обращения: 25.10.2023)
 39. Perez Mena F. The Trap of Diversity: What Constitutes 'Non-Western IR Theory'? // *E-International Relations*. 2020. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/08/the-trap-of-diversity-what-constitutes-non-western-ir-theory/> (дата обращения: 25.10.2023)
 40. Sekin H.K.A. Arab States And The Unrest In China's Xinjiang Province // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2015. Vol. 19. № 3. Pp. 118-133. <https://doi.org/10.2307/48505459>
 41. Shih Chih-yu. The Plausible Asian Schools of International Relations: Hypothesizing Non-Interventionism // *Sovereignty and Humanitarian Intervention in the International Society of East Asia-Historical Legacies and New Dynamics*. 2010. URL: https://www.uni-heidelberg.de/md/zo/sino/research/2009_shih_chih-yu_east_asian_ir.pdf (дата обращения: 25.10.2023)
 42. Viramontes E. Questioning the quest for Pluralism: How Decolonial is Non-Western IR? // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2022. Vol. 47. № 1. Pp. 45-63. <https://doi.org/10.1177/03043754211064545>
 43. Voskressenski A. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.
 44. Walt S. China Wants a 'Rules-Based International Order,' Too // *Foreign Policy*. March 31, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/china-wants-a-rules-based-international-order-too/> (дата обращения: 02.11.2023)
 45. Witt A. et al. How to Problematize the Global? // *Millennium: Journal of International Studies*. – 2022. Vol. 51. № 1. Pp. 33-80. <https://doi.org/10.1177/03058298221139330>

46. Wu W. China's Position towards UN Security Council Reform: Balancing Legitimacy and Efficiency // Strategic Analysis. 2020. Vol. 44. № 5. Pp. 502-509.
<https://doi.org/10.1080/09700161.2020.1824453>
47. Zhao T. All Under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order / translated by Joseph E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена современной системе международных отношений, в которой присутствует дисбаланс между действующими глобальными институтами и структурами западного толка и региональными институциями, которые обретают все больший удельный вес в международной политике и мировой экономике.

Основным предметом статьи выступает политика стран глобального юга, в частности Китая, в сфере противодействия гегемонии США и Западного мира в системе международных отношений. Автором рассматриваются как нормативные аспекты такой политики, так и конкретные меры, а также процессы, осуществляемые в глобальном пространстве посредством различных международных институтов.

Статья сопровождается обстоятельным введением, которое подводит к определению дискурсивной силы в международной политике, которой стремятся обладать развивающиеся страны. Вместе с этим термином автор вводит в оборот и понятие эпистемической силы, которая связана с управлением интерпретацией глобальной повестки, производством знания. Целью исследования при этом является: "рассмотреть дискурсивную силу в контексте поиска Китаем своей политической идентичности и отражения этих поисков в теоретических построениях китайской школы МО". Представленное исследование носит фундаментальный теоретический характер и является собой значительный вклад в современные дискуссии о современных теориях международных отношений. Данный тезис подтверждается в том числе обилием научной литературы и источников, используемых в работе. Вместе с тем, автору следовало бы в большей степени усилить методологическую составляющую исследования, описать более четко объектно-предметную область и задачи исследования – это позволит артикулировать выводы и их значимость для современной международной политики и релевантной ей теории. Тем не менее, не вызывает сомнений тот факт, что данная статья представляет довольно значимый интерес для читательской аудитории журнала «Мировая политика». Она написана на хорошем научном языке и опирается на достаточно весомые научно-методологический и концептуальный инструментарий. Структура статьи выполнена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям в изданиях Nota Bene и содержит деление на тематические подзаголовки, что делает удобным восприятие читателем исследовательского материала. Усилить направление исследований, обозначенных автором в рамках данной публикации, могли бы статистические отчеты и данные международных институтов, которые бы подтвердили некоторые гипотезы и теоретические постулаты «колониального» и «деколониального» подходов стран запада и незападного мира к выстраиванию эффективного международного взаимодействия и продвижения собственных национальных и региональных интересов на мировой арене. Отдельно могли бы быть проанализированы действующие военные доктрины и стратегии национальной безопасности Китая и США с точки зрения выше обозначенных подходов. Статья может быть рекомендована к

публикации без внесения каких-либо значительных исправлений.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Элдиб А.М. — Идеологическое сближение исламской революции и "Братьев-мусульман"* // Мировая политика. — 2023. — № 4. — С. 21 - 31. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.37310 EDN: VRYEIU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37310

Идеологическое сближение исламской революции и "Братьев-мусульман"*

Элдиб Амр Мохамед Абделгавад Абделрасул

кандидат исторических наук

Доцент, Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

603070, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, корп. 14, каб. 317

✉ amr_eldeeb88@yahoo.com

[Статья из рубрики "История международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.37310

EDN:

VRYEIU

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2022

Дата публикации:

07-12-2023

Аннотация: Создание суннитского движения Братьев-мусульман в Египте в 1928 году, и успех шиитской исламской революции в Иране в 1979 году, во главе движения Хомейни, важные события в двадцатом веке для мусульманского мира и на Ближнем Востоке. Роль этих двух движений ясна и важна во всех исторических событиях, которые произошли на Ближнем Востоке за последние 60 лет. Эти два движения сошлись в некоторой идеологии с 1950-х годов, несмотря на существование суннитско-шиитского конфликта 1300 лет назад. В этой статье мы попытаемся ответить на вопрос о том, почему между суннитским движением и шиитским движением существуют прочные отношения, рассказав об исторических событиях между «Братьями-мусульманами» и революцией Хомейни в Иране, используя аналитический подход к событиям, произошедшим на Ближнем Востоке, которые объединили эти два движения, такие как Хомейнистская

революция 1979 года и Иранско-иракская война 1980-1988 годов, Палестинский кризис и Египетская революция 2011 года. Мы также проясним отношения между Братьями-мусульманами и турецко-катарско-иранским треугольником. В статье объясняются давние отношения между «Братьями-мусульманами» и иранской революцией, и акцентируется внимание на продолжении этих отношений до настоящего времени, что оказало влияние на ситуацию в арабском регионе, особенно в Арабской Республике Египет. В этой статье доказываются отношения между этой группой и Ираном, хотя Иран является шиитским государством, а Братство - суннитской группой. Акцент был сделан на то, что эти отношения оказали большую негативную роль на события в Египте после египетской революции 2011 года, а также на форму отношений в регионе Персидского залива с союзом Ирана, Турции и Государства Катар.

Ключевые слова:

Братья-мусульмане, Египет, Иранская исламская революция, Египетская революция, Мохамед Морси, цветные революции, Ближний Восток, Турция, Катар, Иран

** Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. организация «Братья-мусульмане» признана террористической и деятельность её на территории Российской Федерации запрещена.*

Идеологическое сближение «Братьев-мусульман» и шиитского движения ислама обусловлено победой исламской революции в Иране в 40-х годах прошлого века. Начало отношений «Братьев» и шиитского ислама связано с поддержкой мечетью Аль-Азхар идеи объединения исламских движений в тот период, которая стала возможной из-за брака египетской принцессы Фавзии и иранского шаха Мохаммеда Реза Пахлави. Заключение этого брака преследовало в первую очередь политические цели: король Фарук и иранский шах хотели ограничить влияние хашимитской семьи, которая в то время управляла Ираком и Иорданией.^[1]

Формирование «Дома сближения между исламскими движениями» побудило основателя «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банну приблизиться к шиитской доктрине, т.к. он посчитал, что политический курс Египта в тот период дает возможность приблизиться к шиитам. Призыв Хасана аль-Банну был адресован всем мусульманским общинам в мире. Идеология аль-Банну была универсальной, не связанным с каким-либо конкретным мусульманским движением. В своих личных письмах он говорил, что обращается не только к суннитам, но ко всем мусульманам, а его идеология является попыткой объединить всех мусульман.^[2]

Во время собрания, посвященного созданию Дома сближения, Хасан аль-Банна встретился с Мухаммадом Таки аль-Ками, одним из самых выдающихся шиитских. Эта встреча стала первым шагом в отношениях между Ираном и Братьями-мусульманами. Их сотрудничество длится до сих пор.

Омар Аль-Тлемисани, третий лидер Братьев-мусульман, говорил: «В 1940-х годах имам Мухаммед Таки аль-Ками посетил штаб-квартиру «Братьев-мусульман» в Каире и долго и тщательно обсуждал принцип сближения между главными исламскими движениями: Малики, Ханафи, Ханбали, Заиди, Имамия». В том же тексте упоминается, что Хасан аль-Банна встретился с шиитским марджа ат-таклид аятоллой Кашани во время своего путешествия в Мечеть аль-Харам в 1948 году, где они обсуждали различные вопросы.

Они договорились провести конференцию, чтобы собрать и объединить суннитов и шиитов, но этого не произошло из-за убийства аль-Банна 12 февраля 1949 года.^[3]

Несмотря на отсутствие прочных организационных связей между «Братьями-мусульманами» и Ираном после этих встреч, Братство оказало значительное влияние на возрождение исламского духа в Иране. Это движение стремилось продвигать ислам не только как религию, а как идею, регулирующую все аспекты политической, экономической и социальной жизни. Моджтаба Мир-лухи, известный как Навваб Сефев (1924–1956), был молодым иранским религиозным ученым, который основал ассоциацию «Ансар аль-Ислам» (SID) в начале 1940-х годов и сыграл важную роль в связи шиитского фундаментализма с исламскими фундаменталистскими движениями других стран. Как и основатель «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна, Ансар аль-Ислам считал, что для того, чтобы противостоять гегемонии Запада, мусульмане должны бороться с сектантством, отложить в сторону шиитско-суннитский конфликт и создать единый исламский фронт.^[4] Сефев Навваб посетил Каир в 1954 году, где встретился с Омаром Аль-Тлемисани, а также был основным оратором на встрече в Каирском университете, где он как лидер «Ансар аль-Ислам» взял на себя ответственность за убийство бывшего премьер-министра Ирана Размара аадж Али.^[5]

Отношения между "Братьями-мусульманами" и лидерами шиитских движений в Иране продолжались до исламской революции. Доказательством этого было то, что нынешний лидер иранской революции аятолла Али Хаменеи находился под влиянием идеологии Сайеда Кутба, самого важного идеолога в истории Братьев-мусульман. Перед иранской исламской революцией в 1979 году Хаменеи перевел две книги Сайида Кутба «Будущее этой религии» и «Ислам и проблемы цивилизации».^[6]

Братья-мусульмане и приверженцы хомейнеизма разделяют общие исламские взгляды, которые делают их ближе друг к другу, чем к их собратьям суннитам и шиитам. Братья считают, что власть – это религиозный "асель", а это означает, что вера человека неполна без обещания верности имаму – в отличие от консенсуса в общепринятом суннитском исламе. Это похоже на доктрину "Велаят-э-факих", которая гласит, что религиозный судья имеет опеку над народом.

Другие общие черты включают в себя учреждение "общего руководства" и возможности применять такие, форму религиозного лицемерия (утаивания веры) во избежание преследований или вреда. Обе идеологии одобряют выборы как политический механизм, но требуют верховенства законов шариата и надзора за выбором населения со стороны религиозных деятелей – который может быть описан как "демократия под наблюдением духовенства" или конституционная теократия. Кроме того, обе группы стремятся к экспансии своего влияния.^[7]

Позиция Братьев-мусульман после исламской революции в Иране 1979 года

«Братья-мусульмане» приветствовали исламскую революцию во главе с аятоллой Хомейни потому, что это первый раз после распада Османской империи, когда было создано исламское правительство, а также потому, что успех этой революции вселил уверенность в том, что Братья-мусульмане способны свергнуть режим в Египте. И приветствие и поддержка этой революции со стороны лидеров и мыслителей Братьев-мусульман мы видим в заявлении Омара Аль-Тлемисани для египетского журнала «Аль-Мусавар» в 1982 году: «Мы поддержали его политически [Хомейни], потому что угнетенный народ смог избавиться от несправедливого правителя и вернуть себе

свободу».^[8]

Рашид Ганнуши в книге «Исламское движение и модернизация» говорил: «Но мы среди направлений, которое вытекает из концепции ислама, является всеобъемлющим, направленным на создание мусульманской общины и исламского государства на основе этого всестороннего восприятия и эта концепция относится к трем основным направлениям: «Братья-мусульмане», исламские группировки в Пакистане и движение имама Хомейни в Иране.^[9]

Абу аль-Маудуди сказал журналу «Дават» от 1979 года в ответ на вопрос, адресованный ему о хомейнистской революции в Иране: «Революция Хомейни, исламская революция и ее спонсоры являются исламской группой, и молодые люди получили образование в исламских движениях, они особенно должны поддерживать эту революцию и сотрудничать с ней во всех сферах».^[10]

Заголовок «Иранская революция в балансе» был главным в журнале «Общество», представленном «Братьями-мусульманами» в Кувейте, написанном Исмаилом аль-Шатти, одним из символов «Братьев-мусульман». Редактор журнала сказал: «Шиитская Имамия является частью исламской уммы, и все мусульмане обязаны защищать их, особенно если враг является немусульманским и неверующим».^[11]

Омара Аль-Тлемсани, примерно через пять лет после революции в Иране и в разгар ирано-иракской войны, написал статью в журнале «Дават» от 1985 года, озаглавленную «Шииты и сунниты», в которой он сказал: «сближение шиитов и суннитов является обязанностью мусульманских ученых сейчас». Он также сказал: «Отношения Братства с шиитскими лидерами не уменьшились. Они связались с аятоллой Кашани и приняли представителей Навваба Сефеви в Египте». Он также говорил: «Помимо всех политических разногласий между шиитами и другими, «Братья-мусульмане» по-прежнему стремятся к определенному сближению различных групп среди мусульман». «Ученые обоих направлений считаются недостаточными в своих религиозных обязанностях, если они не работают для достижения такого сближения, которого желает каждый мусульманин на земле», - говорит Аль-Тлемсани: «Наши мусульманские ученые должны поддержать идею сближения, чтобы подготовиться к лучшему будущему мусульман».^[12]

Поддержка «Братьями-мусульманами» исламской революции в Иране не ограничивалась пресс-релизами и моральной поддержкой: Секретариат Международной организации «Братьев-мусульман» инициировал контакты с официальными лицами Ирана, чтобы сформировать делегацию «Братьев-мусульман» и посетить Иран для поддержки революции.

Для этого Иран назначил офицера для связи с Международной организацией Братьев-мусульман в Лугано, Швейцария, 14 мая 1979 года для изучения решений об отношениях с Ираном.^[13]

Однако Юсуф Нада, представитель по внешним связям Братьев-мусульман, сказал, что «делегация Братьев-мусульман встретила Хомейни в Париже, прежде чем отправиться в Тегеран и поддержать революцию. Эта делегация состояла из Рашида Ганнуши, Хасана аль-Тураби и представителей Братства из Ливана и Египта. По словам Юсуфа Нада, эта встреча состоялась в 1978 году. Он также подчеркнул, что Братство имело тесные связи с лидерами исламской революции в Иране задолго до того, как все произошло. Делегация, посетившая Тегеран после успеха революции, состояла из представителей «Братьев-мусульман» из стран Малайзии, Индонезии, Судана, Египта,

Иордании, Саудовской Аравии, Турции и Ирака. Хотя аэропорт Тегерана в это время был закрыт, но делегации Братства было позволено приземлиться, что отображает силу отношений между Братством и революционным режимом в Иране. Еще один визит был нанесен в июне 1979 года в Тегеран. Юсуф Нада был связующим звеном между «Братьями-мусульманами» и иранской революцией, иранским связующим звеном был личный помощник Хомейни Эбрахим Язди, который стал первым министром иностранных дел в революционном правительстве. Братья-мусульмане были в период осады США Ираном из-за кризиса с заложниками посольства США в Тегеране, снабжавшего правительство революции продуктами питания через компании «Юсуф Нада». [\[14\]](#)

«Братья-мусульмане» рассматривали успех хомейнистской революции как личный успех. Хомейни осуществил мечту о создании исламского государства. Братья-мусульмане должны были поддерживать его до конца. Эта поддержка началась с момента успеха исламской революции. Тегеран является явным врагом многих суннитских стран в арабском мире, но Братство по-прежнему поддерживает отношения и поддерживает Иран в его конфликте с Саудовской Аравией и США.

Позиция "Братьев-мусульман" в отношении ирано-иракской войны (1980-1988)

Первая война в Персидском заливе, или ирано-иракская война, была первой, которая была измерена силой отношений Братьев-мусульман с исламской революцией. Война началась всего через несколько месяцев после победы исламской революции в Иране. Братья-мусульмане заняли антивоенную позицию, потому что война шла между двумя исламскими армиями, и требовали прекращения войны, чтобы остановить дальнейшее кровопролитие и разрушения, обрушившиеся на две страны. Однако Братья-мусульмане были на стороне иранской армии, потому что это исламская армия, рожденная на их глазах. Братья-мусульмане считали, что Саддам Хусейн хотел уничтожить иранскую армию прежде чем она станет сильной армией, непобедимой благодаря исламской вере ее офицеров и солдат. Братья-мусульмане считали, что армия Саддама Хусейна боролась с иранской армией, действующей от имени Соединенных Штатов, чтобы остановить экспорт исламской революции в королевства Персидского залива. Поддержка Братьев-мусульман иранской армии видна в их средствах массовой информации. В начале этой войны, в октябре 1980 года, причины этой войны через призму взглядов «братьев-мусульман» были упомянуты в журнале "Аль-эй тусам": «1 - Боязнь распространения исламской революции в Ирак, 2 - мнение Саддама Хусейна о том, что этот переходный период иранской армии, когда она из имперской армии превратилась в исламскую, - это неповторимый шанс для ее уничтожения». [\[15\]](#)

Когда началось иракское вторжение в Иран, Братство напало на иракскую партию Баас и назвало ее атеистической партией, которая хотела уничтожить исламское движение в Иране. Они также призвали иракских солдат сложить оружие и присоединиться к лагерю исламской революции в Иране. [\[16\]](#) Братство не было удовлетворено их ролью в предоставлении консультаций, но ими были предприняты усилия и шаги, которые они предприняли, чтобы попытаться положить конец войне. Юсеф Нада раскрыл свою роль посредника между иранской и иракской сторонами в своем диалоге по Аль-Джазире, по словам Нада, когда он попытался вмешаться и оказать влияние на короля Фахда, короля Саудовской Аравии, чтобы призвать Ирак прекратить эту войну. [\[17\]](#)

Иранско-иракская война продемонстрировала силу отношений «Братьев-мусульман» с исламской революцией в Иране благодаря огромной поддержке иранской армии и многочисленным попыткам Братства положить конец войне. Например, в конце ирано-

иракской войны в 1988 году по просьбе одного из лидеров «Братьев-мусульман» шейха Мухаммеда аль-Газали иранцы согласились освободить египетских военнопленных, сражавшихся вместе с иракской армией против Иран. [\[18\]](#) Это показывает силу их отношений.

Отношения "Братьев-мусульман" с иранской революцией в свете палестинского вопроса

Палестинский кризис был и продолжает сближать интересы «Братьев-мусульман» и Ирана, и обе стороны видят в нем не политический кризис, а идеологический кризис для всех мусульман мира. В связи с этим они отвергли Мадридскую конференцию 1991 года и Соглашение Осло 1993 года. Иран и «Братья-мусульмане» считают, что политического решения палестинского кризиса не существует, поскольку политическое решение не гарантирует возвращения палестинцев в их дома. ХАМАС - это филиал Братьев-мусульман, основанный в декабре 1987 года, ставший лучшим примером силы отношений Братьев-мусульман и Ирана в этом деле. ХАМАС был связан с Ираном стратегически, особенно после переворота ХАМАС против ФАТХа в секторе Газа. Менее чем через три года после основания ХАМАСа он впервые объявил о своем контакте с Ираном в 1990 году на конференции, организованной Тегераном по поддержке палестинского восстания. ХАМАС представлял своего лидера-основателя Халила Аль-Кука, и отношения продолжались и до второй конференции в 1991 году, кульминацией которой стало открытие постоянного представительства ХАМАС в Иране. [\[19\]](#) Во время своего визита в Иран в феврале 2009 года лидер ХАМАС Халед Машаль похвалил иранских лидеров за их поддержку во время конфликта в секторе Газа [\[20\]](#).

Отношения между Братьями-мусульманами и иранским режимом продолжают через ХАМАС. В период с августа по октябрь 2017 года делегация ХАМАС дважды посещала Тегеран, чтобы проинформировать своих должностных лиц о последних событиях в соглашении о примирении, подписанном в Каире, в дополнение к подтверждению центральной роли Ирана в поддержке движений сопротивления в свете недавних позиций президента движения в секторе Газа. Тегеран - самый большой сторонник ХАМАСа, наделенный деньгами и оружием [\[21\]](#)

В последующие годы неофициальные контакты проходили через посланников из глобальной организации «Братьев-мусульман», органа, официально ответственного за координацию деятельности отделений группы по всему миру и формирование ее внешних связей. Иран сотрудничал с лондонским офисом для организации совместных религиозных диалогов между мусульманами-суннитами и шиитами, включая поддерживаемый Ираном Форум исламского единства, который был основан в 2007 году в сотрудничестве с генеральным секретарем всемирной организации Братьев-мусульман Ибрагимом Муниром. Такая деятельность позволила Ирану поддерживать и развивать контакты с членами «Братьев-мусульман» в Египте, которые являются корнем этого движения и имеют большое влияние на глобальную организацию. [\[22\]](#)

В тридцатую годовщину иранской революции, 11 февраля 2009 года, в интервью Радио Исламской Республики Иран Генеральный гид Мусульманского братства Мохаммад Махди Акеф сказал: «Идеи Имама Хомейни включали в себя искренний призыв к свободе и уважению прав человека и противостояние глобальному высокомерию, эти принципы соблюдаются «Братьями-мусульманами». В этом заявлении обобщаются прочные отношения между «Братьями-мусульманами» и Ираном с 1950-х годов и до настоящего времени. [\[23\]](#)

Египетская революция 2011 и сближение Братьев-мусульман и Ирана

Когда 25 января 2011 года началась египетская цветная революция, Али Хаменеи сказал в своей проповеди в пятницу (4 февраля) перед уходом бывшего президента Хосни Мубарака, что «египетская революция является продолжением иранской революции». В этой проповеди верховный лидер исламской революции стремился использовать арабский язык, хотя это для него не привычно. Подтверждено, что силы Хезбаллы и ХАМАСа участвовали и помогли Братству сбежать из египетских тюрем в ночь на 29 января 2011 года, как подтвердил Каирский уголовный суд. Ночью на 29 января 2011 года в 3 городах Египта произошли нападения на тюрьмы, среди них была Вади эль-Натрун, в которой содержался будущий президент М. Мурси. В результате штурма сбежали 34 заключенных, осужденных при Мубараке, включая Мурси. Установлено, что штурм осуществили члены ассоциации «Братья-мусульмане» при поддержке боевиков из «ХАМАС» и «Хезболла».^[24]

В феврале 2012 года в Тегеране состоялась конференция «Исламское пробуждение», на которой основное внимание было уделено освещению общих знаменателей между иранской революцией и революцией «арабской весны». На конференции выступили бывший президент Ирана Ахмадинежад и верховный лидер аятолла Али Хаменеи, подчеркнув официальное иранское видение революций «арабской весны». Участниками этой конференции были представители нескольких арабских стран, в частности из тех, которые пережили «арабскую весну», большинство из которых принадлежали к Братьям-мусульманам или их партнерам. Политическое и религиозное руководство Ирана официально объявило, что «Братья-мусульмане» являются единственной силой в этих революциях. Фотографии Сайеда Кутба, Хасана аль-Банны и других деятелей Братства были наверху главного зала конференции.^[25]

Иран первым поздравил с победой на президентских выборах 2012 года Мухаммеда Мурси, члена Братьев-мусульман. Менее чем через два месяца президент Египта Мухаммед Мурси посетил Тегеран для участия в открытии сессии саммита Движения неприсоединения. Это был первый визит египетского президента после разрыва отношений между Египтом и Ираном, который длился десятилетиями и характеризовался качественными событиями в обеих странах, вызванными иранской революцией, принятием Египтом шаха и подписанием Кэмп-Дэвидского соглашения между Египтом и Израилем. Этот визит стал доказательством силы исторических совместных отношений между Братьями-мусульманами и Ираном.^[26] В феврале 2013 года бывший президент Ирана Ахмадинежад посетил Каир. Это был первый визит президента после исламской революции 1979 года, которая разорвала дипломатические отношения между двумя наиболее важными странами на Ближнем Востоке.^[27]

После этих визитов иранские официальные лица надеялись, что сближение с Египтом в рамках деятельности Братства станет первым шагом на пути к стратегическому партнерству с Египтом. Однако это стремление не было достигнуто, несмотря на желание «Братьев-мусульман» сделать это. Тем не менее было много внутренних факторов, таких как отвержение египетской армии и египетских спецслужб, поэтому эти сильные институты были самыми сильными сторонниками традиционного союза во внешней политике с США и государствами Персидского залива. Силы салафитов (союзники Братства в Египте в этот период) также отвергли это сближение из-за идеологического спора с шиитами и внешних факторов, таких как отказ Саудовской Аравии от этого сближения. В результате Египет во главе с «Братьями-мусульманами» предпочел продолжать ограниченное сотрудничество с Тегераном.^[28] Тем не менее, эти два визита

президента Ирана и Египта были одной из причин отставки бывшего президента Египта Мухаммеда Мурси в июле 2013 года. Египетско-иранские отношения через руки «Братьев-мусульман» являются красной линией для Израиля, Саудовской Аравии и США.

Братья-мусульмане и ирано-катарско-турецкий треугольник

Несмотря на неспособность установить дипломатические отношения и свергнуть Братство в середине 2013 года, Иран поддерживает контакты с лидерами Братства в настоящее время в Катаре и Турции и использует те же средства, что и до 2011 года, например, Форум исламского единства, для поддержания контактов между представителями иранского правительства и Братьев-мусульман.

Присутствие лидеров «Братьев-мусульман» в Катаре и Турции способствовало этим контактам. В Стамбуле, где находятся ссыльные члены «Братьев-мусульман», Иран оттолкнул членов группы и других исламистов, организовав поездки в Тегеран и предложив университетские стипендии. По крайней мере с 2016 года две иранские организации, тесно связанные с иранским правительством (консервативное исследовательское учреждение в Куме, занимающееся исламистскими движениями, и группа гражданского общества, базирующаяся в Тегеране), приглашали нынешних и бывших членов группы для участия в конференциях.

В июле 2017 года аятолла Мохсен Араки, советник Верховного лидера Али Хаменеи, встретился с Ибрагимом Муниром в кулуарах заседания Форума исламского единства. Это самая важная встреча на высшем уровне между двумя сторонами со времени свержения президента Мохамеда Мурси.^[29] Эта встреча вызвала бурную реакцию со стороны Сирийского филиала «братьев-мусульман», которое раскритиковало Мунира за его участие в этой встрече. Тем не менее, «Братья-мусульмане» поддерживают отношения с Ираном для обеспечения его безопасности в регионе. Братство не полагается исключительно на Катар и Турцию. Если попытка переворота против Турции в 2016 году или арабская блокада против Катара была бы успешной, интересы Братства в регионе будут под угрозой. Поэтому Братство работает над тем, чтобы поддерживать тесные отношения с Катаром, Турцией и Ираном.

Когда администрация Трампа определила «Братьев-мусульман» как террористическую группу, Турция и Иран поспешили раскритиковать Соединенные Штаты. Анкара отвергла американский шаг, заявив, что он усиливает «антиислам» на Западе и во всем мире, обвинив министра иностранных дел Ирана Мохаммеда Джавада Зарифа в поддержке терроризма в регионе, подчеркнув, что Тегеран выступил против включения «Братьев-мусульман» в список «террористических организаций» США.

«Соединенные Штаты поддерживают крупнейший источник терроризма в нашем регионе, Израиль, - заявил Зариф журналистам в кулуарах форума в Дохе. - Вашингтон не в состоянии попытаться поставить других в ловушку терроризма», - сказал Зариф. "Мы отвергаем любые попытки Соединенных Штатов в этом направлении".^[30]

Дональд Трамп не сможет сделать этот шаг из-за отказа Турции. Как организация президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана может быть террористической группой?

Заключение

В течение почти 80 лет совместного сотрудничества между Братьями-мусульманами и иранскими шиитами их общей основой был политический ислам и создание исламского мирового правительства. Эта общая основа между одним из крупнейших и наиболее

влиятельных исламистских движений суннитов, и шиитской Исламской Республикой Иран способствовала и поощряла сотрудничество между двумя сторонами в течение многих лет. На идеологическом уровне обе стороны выступают за создание исламского государства, религиозную защиту и пропаганду и призывают к исламскому единству. Кроме того, они разделяют некоторые общие геополитические цели, такие как необходимость противостоять Израилю и освободить Палестину. Посредством этого сотрудничества мы обнаруживаем, что Иран хотел усилить свое влияние в арабских странах, используя влияние «Братьев-мусульман», которое присутствует в большинстве стран региона. «Братство» также хотело использовать Иран для достижения своих целей в создании исламского мирового государства и объединении мусульман мира.

Библиография

1. Intelligence Report. Centers of Power in Iran" (PDF). CIA. May 1972. P 9.
2. Сборник посланий имама Хасана Банна. Андалус Хаус. Бейрут. 196, стр. 112.
3. Ахмед Юсеф. Братья-мусульмане и исламской революции в Иране. Дом Хекма для исследований и консультаций. Каир. 2010. стр. 24.
4. Братья-мусульмане в Египте и Иране. Мехди Халджи, Вашингтонский институт ближневосточных исследований, 12-02-2009, ссылка: <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/view/egypts-muslim-brotherhood-and-iran>
5. Секрет взаимоотношений Братьев-мусульман «Кутб» и «Навваб» Хомейни, ворот исламских движений, 16-03-2017.URL: <http://www.islamist-movements.com/39472>
6. Биография Верховного лидера исламской революции. URL: <http://arabic.khamenei.ir/news/1506>
7. Iran-Brotherhood ties: rooted in history with eye on future. The National. January 15, 2013/ URL: <https://www.thenational.ae/opinion/comment/iran-brotherhood-ties-rooted-in-history-with-eye-on-future-1.575299#full>
8. Египетский журнал «Аль-Мусавар», интервью с лидером Омаром Аль-Тлемисани, февраль 1982 г.
9. Рашид аль-Ганнуши, Хасан аль-Тураби. Исламское движение и модернизация, Дар аль-Джил, Бейрут, Первое издание 1984, стр. 17.
10. Журнал "Дават", № 19, интервью с Абу аль-Маудуди, август 1979 г.
11. Иранская революция в балансе, журнал «Общество», Кувейт, в марте 1979 года.
12. Омар Аль-Тлемисани, шииты и сунны, журнал «Дават», № 105, июль 1985 года.
13. Хамар Яр, Аббас, Иран и Братья-мусульмане: факторы сближения и разделения, Центр стратегических исследований, исследований и документации, Бейрут, 2001. С. 231.
14. Международные отношения "Братьев-мусульман" глазами Юсефа Нада ч 2, Aljazeera net, 11/08/2002. URL: <https://www.aljazeera.net/programs/centurywitness/2005/1/10/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D9%8A%D8%A9-%D9%84%D9%84%D8%A5%D8%AE%D9%88%D8%A7%D9%86-%D9%83%D9%85%D8%A7-%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D9%87%D8%A7-3>
15. Причины трагедии. Журнал " Аль-эй тусам", № 1400-октябрь 1980, с.10.
16. Братья-мусульмане и шииты между видением законности и политической практикой (часть VII). Братья вики. URL: [https://www.ikhwanwiki.com/index.php?title=الإخوان_المسلمون_والشيعة..بين_الرؤية_الشرعية_والممارسة_السياسية_\(الجزء_السابع\)](https://www.ikhwanwiki.com/index.php?title=الإخوان_المسلمون_والشيعة..بين_الرؤية_الشرعية_والممارسة_السياسية_(الجزء_السابع))

17. Международные отношения "Братьев-мусульман" глазами Юсефа Нада ч 2, Aljazeera net, 11/08/2002. URL: <https://www.aljazeera.net/programs/centurywitness/2005/1/10/-العلاقات-الدولية-للإخوان-كما-يراها-يوسف-ندا-ح2>
18. Братья-мусульмане в Египте и Иране. Мехди Халджи, Вашингтонский институт ближневосточных исследований, 12-02-2009, URL: <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/view/egypts-muslim-brotherhood-and-iran>
19. Мохамед Абу Эльраб. «Иран и ХАМАС: после выборов в политбюро», книга № 124 май 2017 г. Центр исследований и исследований Al Maspar. Дубае. Стр. 188.
20. Халед Машаль прибыл в Тегеран, информационное агентство Кувейта. 13.12.2009. URL: <https://www.kuna.net.kw/ArticlePrintPage.aspx?id=2046657&language=ar>
21. Делегация ХАМАСа в Иране ... подтверждает роль Тегерана в поддержке сопротивления. Al Alam TV. 22-10-2017. URL: <https://www.alalamtv.net/news/3100396/-وفد-حماس-في-إيران-تأكيد-دور-طهران-في-دعم-المقاومة>
22. Непревзойденные ожидания: Иран и Братья-мусульмане после арабских восстаний. Центр Карнеги на Ближнем Востоке. Валид Бадави, Усама Эль Сайяд. URL: <https://carnegie-mec.org/2019/03/28/ar-pub-78702>
23. Мухаммед Сайед. Братья-мусульмане и Иран. Хомейни-Хаменеи. Джадавил. Бейру, 2013. Стр. 103-104.
24. Решение по судебному разбирательству М. Мурси и других обвиняемых [Электронный ресурс] // Каирский уголовный суд, 16.06.2015,-Режим доступа: <http://www.sis.gov.eg/PDF/Ar/1/130.pdf>
25. Исламская конференция по пробуждению в Иране контрпродуктивна из-за Сирии. Youm 7. 3-2-2012. URL: <https://www.youm7.com/story/2012/2/3/-نيويورك-تايمز-مؤتمر-الصحوّة-الإسلامية-في-إيران-يأتى-بنتائج-عكسية/593585>
26. Мурси посещает Тегеран в жесте нормализации между Египтом и Ираном. France 24 08-28-2012. URL: <https://www.france24.com/ar/20120828--مرسي-زيارة-إيران-عدم-الانحياز-السعودية-الخليج-علاقات-قطر-سوريا-السنة-الشيعة-الإخوان-المسلمين>
27. Ахмадинежад прибыл в Египте первого визита иранского президента. BBC. 5-2-2013г. URL: http://www.bbc.com/arabic/middleeast/2013/02/130205_iran_egypt_nijad_visit
28. Непревзойденные ожидания: Иран и Братья-мусульмане после арабских восстаний. Центр Карнеги на Ближнем Востоке. Валид Бадави, Усама Эль Сайяд. URL: <https://carnegie-mec.org/2019/03/28/ar-pub-78702>
29. Политическая сцена 7 апреля 2019 года. Центр исследований "Политическая улица". URL: <http://www.politicalstreet.org/political/1829/Default.aspx>
30. Иран и Турция выступили против включения «Братьев-мусульман» в список «террористических организаций» США. Ашарк аль-Авсат 02-5-2019 г. URL: <https://aawsat.com/home/article/1703971/-إيران-وتركيا-ترفضان-تحرك-ترمب-لتصنيف-«الإخوان»-منظمة-إرهابية>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью "Идеологическое сближение исламской революции и Братьев-мусульман"

Предмет исследования организация «Братья мусульмане» и их идеи за реализацию единства мусульмане и их сотрудничество с лидерами шиитского движения, поддержка иранской революции.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности, позволяющие наиболее полно раскрыть механизм и динамику мусульманской интеграции, точек соприкосновения «Братьев –мусульман» с шиитскими богословами, роль», позиция «Братьев мусульман» по наиболее важным событиям в исламском мире , взаимодействие «Братьев мусульман» и исламских шиитов. В статье использован проблемно-хронологический принцип построения, что дает возможность более глубоко понять поднятую тему и основные причины, и факторы сотрудничества «Братьев мусульман» с шиитами.

Тема, которой посвящена статья актуальная, что обусловлена процессами, происходящими в мусульманском мире, формированием политического ислама и тем, что наблюдается рост влияния доктрины «Братьев мусульман» на воззрения мусульман не только в Египте, но и в других странах, в том числе в странах возникших после распада СССР.

Научная новизна статьи Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые делается попытка системного анализа исторически-политических и идеологических аспектов сотрудничества Братьев мусульман с иранскими шиитами, попытка выделить, какие факторы и причины определяли это сотрудничество в разные периоды.

Стиль статьи является научным, есть элементы описательности и публицистичности, но это делает материал, представленный в работе понятным не только для специалистов, но интересным и для широкой читательской аудитории. Статья хорошо структурирована и подразделена на разделы: в начале статьи дается историческая справка к статье, в которой показана, когда началось сотрудничество между «Братьями – мусульманами» и что этому сотрудничеству способствовало и как это сотрудничество проходило. Остальная часть статьи разделена на проблемно-хронологические блоки и состоит из следующих частей: Позиция Братьев-мусульман после исламской революции в Иране 1979 года; Позиция "Братьев-мусульман" в отношении ирано-иракской войны (1980-1988); Отношения "Братьев-мусульман" с иранской революцией в свете палестинского вопроса; Египетская революция 2011 и сближение Братьев-мусульман и Ирана; Братья-мусульмане и ирано-катарско-турецкий треугольник; Заключение. Содержание статьи направлена на раскрытие темы достижения цели статьи. Библиография статьи состоит из 30 источников. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: статьи, документы, источники на арабском языке. Большая часть источников –это интернет –публикации, что является несомненным плюсом для читателя, который может более глубоко выяснить интересующий его вопрос и посмотреть данный источник.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Шугуров М.В., Колодуб Г.В. — Санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки: природа, особенности и последствия // Мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 32 - 56. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.69270 EDN: SVKAPQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69270

Санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки: природа, особенности и последствия

Шугуров Марк Владимирович

ORCID: 0000-0003-3604-3961

доктор философских наук

профессор кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия

410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

✉ shugurovs@mail.ru

Колодуб Григорий Вячеславович

кандидат юридических наук

доцент, кафедра гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия

410028, Россия, Саратов область, г. Саратов, ул. Вольская, 1, каб. 521

✉ kolodub-ssla@yandex.ru

[Статья из рубрики "Глобальное сотрудничество"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.69270

EDN:

SVKAPQ

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2023

Дата публикации:

14-12-2023

Аннотация: Предметом статьи является процесс формирования и содержание санкционного режима ЦЕРН в отношении участия России в глобальных научных мегапроектах. Цель статьи состоит в раскрытии содержания и организационного

механизма санкций ЦЕРН, направленных на прекращение институционального взаимодействия с Россией. К задачам исследования относится определение алгоритма длительного время развивавшегося двухстороннего стратегического партнерства России и ЦЕРН; раскрытие оснований и логики одностороннего прекращения со стороны ЦЕРН перспективного сотрудничества с Россией, а также прогнозирование негативных последствий санкций. Особое внимание авторы уделяют проверке исследовательской гипотезы о том, что антироссийская санкционная политика ЦЕРН основана на сочетании, с одной стороны, политизированной принципиальности, а с другой – предельной осмотрительности, что выразилось в «растянутости» принимаемых мер во времени и их ориентированности на учет текущей геополитической ситуации. Это свидетельствует о незавершенности перехода от логики научной дипломатии к жесткой логике санкций.

Методологическая база исследования включает исторический метод, который позволил выделить новую фазу взаимоотношений ЦЕРН и России. Событийный анализ способствовал осмыслению процесса разворачивания во времени санкционной политики ЦЕРН. Институциональный подход стал основой рассмотрения новой фазы отношений между ЦЕРН и Россией сквозь призму концепции институционального разрыва. Применялся метод концептуального анализа официальных документов. Сформулирован вывод о том, что санкционная политика ЦЕРН, основанная на апелляции к ценностным мотивировкам, отличается гибким учетом текущей геополитической обстановки и постепенностью принимаемых ограничительных мер. В работе нашла свое подтверждение исследовательская гипотеза о сохранении определенного потенциала научной дипломатии в отношениях между ЦЕРН и России. Это отражено в продолжении сотрудничества и выполнении обязательств по действующим двухсторонним соглашениям. Обосновано, что по своей природе санкции ЦЕРН относятся к самостоятельной категории санкций в отношении российской науки, которые вводятся международными структурами, функционирующими в сфере меганауки. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественной и зарубежной литературе в системной форме проанализирован санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки, а также раскрыты его негативные последствия.

Ключевые слова:

мегасайенс, ЦЕРН, научные санкции, фундаментальная физика, стратегическое партнерство, институциональный разрыв, российская наука, глобальная наука, научная дипломатия, научная политика

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296, <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>

Введение

Создание правовых, экономических и информационных условий для участия российских ученых и специалистов в международном научном сотрудничестве в форме различных тематических программ и проектов является составной частью государственной политики в области развития фундаментальной и прикладной науки. Результатом данной политики стало не только углубление научных связей с различными государствами современного мира, но и интеграция российской науки в международные коллаборации и научные сети, функционирующие в рамках установок класса «мегасайенс» (Большой адронный коллайдер, CERN; Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах, XFEL; Центр по исследованию ионов и антипротонов в Европе, FAIR; Европейский центр

синхротронного излучения, ESRF; Международный термоядерный экспериментальный реактор, ITER). Подобного рода сотрудничество играет важную роль для обеспечения роста научных знаний на глобальном и национальном уровнях.

Введение в 2022 году целым рядом государств и их научными учреждениями, а также различными международными научными структурами большого числа односторонних ограничительных мер (санкций), направленных на приостановление или разрыв институционального научного сотрудничества с Россией, ставшее беспрецедентным явлением в истории международных связей, оказалось предметом детального анализа в отечественной [\[1; 2; 3; 4\]](#) и зарубежной литературе [\[5; 6; 7; 8\]](#), не говоря уже о многочисленных экспертных оценках, отраженных в публикациях на различных интернет-ресурсах. В подавляющем числе случаев предметом экспертных и научно-исследовательских оценок оказалось такое явление, как «цунами» односторонних ограничительных мер в сфере науки, подчас именуемых в зарубежной журналистике научными санкциями. Тем не менее, в каждом случае основания и порядок введения санкций, а также их масштаб и последствия имеют специфический характер. В связи с этим обоснованно утверждать о режимах санкций, введенных отдельными недружественными государствами и их научными учреждениями, а также региональными объединениями государств, главным образом Европейским союзом. В качестве отдельной категории субъектов, которые ввели антироссийские санкции, выступают некоторые международные межправительственные и неправительственные структуры в сфере науки.

С точки зрения авторов статьи, актуальным трендом в рамках предметной области исследований, фокусирующихся на проблематике антироссийские санкции в отношении российской науки, может стать развитие дифференцированного подхода к разновидностям научных санкций в зависимости от субъектов их принятия. Высокой степенью интенсивности отличается активность Европейской организации ядерных исследований/CERN (далее – ЦЕРН, Центр) по принятию ограничительных мер в отношении участия российской науки в международном сотрудничестве.

Цель статьи состоит в раскрытии содержания и организационного механизма санкций ЦЕРН, направленных на прекращение институционального взаимодействия с Россией. Санкционная политика ЦЕРН, а также возникший в ее результате санкционный режим еще не стали предметом специального анализа в научной литературе.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сотрудничество России и ЦЕРН осуществлялось до недавнего времени в формате, который позволял решать объемные научные задачи в сфере фундаментальной физики, имеющие не только мировоззренческое, но и прикладное значение. По этой причине путь разрыва сотрудничества с Россией, на который встал ЦЕРН, подчиняясь логике политизированных западных санкций, может замедлить рост научного знания по весьма актуальным направлениям науки, в том числе междисциплинарным.

Достижение сформулированной цели предполагает решение следующих исследовательских *задач*, таких как:

- определение характера и достигнутого уровня сотрудничества ЦЕРН и России в процессе расширения знаний в сфере физики высоких энергий и элементарных частиц, а также раскрытие направлений двухстороннего стратегического партнерства в досанкционный период;
- определение предпосылок и раскрытие организационного механизма прекращения

взаимовыгодного сотрудничества ЦЕРН и России;

– прогнозирование негативных последствий санкций ЦЕРН как для российской, так и мировой науки в сфере фундаментальной физики.

В качестве гипотезы исследования выступает положение о том, что антироссийская санкционная политика ЦЕРН основана на сочетании, с одной стороны, политизированной принципиальности, а с другой – предельной осмотрительности, что выразилось в «растянутости» принимаемых мер во времени и их ориентированности на учет текущей геополитической ситуации. Это свидетельствует о незавершенности перехода от логики научной дипломатии к жесткой логике санкций, что позволяет прогнозировать сохранение некоторых элементов научной дипломатии в отношениях ЦЕРН и России.

Методология исследования. Достижение цели исследования, а также решение соответствующих исследовательских задач базируется на использовании следующей системы методов и подходов. В частности, авторы использовали исторический метод, который позволил выделить принципиально новую фазу взаимоотношений ЦЕРН и России, содержание которой контрастирует с предшествующим периодом и означает односторонний отказ от плодотворного двухстороннего научно-технического сотрудничества. Событийный анализ стал основой осмысления процесса развертывания во времени санкционной политики ЦЕРН, следствием чего стало формирование специфического санкционного режима. Использование институционального подхода стало основой для рассмотрения новой фазы отношений между ЦЕРН и Россией сквозь призму концепции институционального разрыва, используемой в рамках теории односторонних ограничительных мер (санкций) в сфере международного научного сотрудничества. Институциональный подход был дополнен методом концептуального анализа официальных документов, что позволило раскрыть мотивацию выбора модели санкционного поведения ЦЕРН в отношении России. Использование прогностического метода стало основой определения негативных результатов санкций ЦЕРН в среднесрочной и долгосрочной перспективе, что в дальнейшем может стать основой экспертных оценок в отношении мер реагирования обеих сторон, направленных на выход из сложившейся ситуации.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественной и зарубежной литературе в системной форме проанализирован санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки, а также раскрыты его негативные последствия.

1. Партнерство России и ЦЕРН в предсанкционный период: итоги и новые планы

Как известно, ЦЕРН является лидером в области исследований в физике элементарных частиц, высоких энергий и атомного ядра на основе технологий, используемых в составе мюонного коллайдера, а также методов кильватерного поля плазмы. Будучи крупнейшей в мире лабораторией, Центр представляет собой площадку по проведению отраслевых и межатраслевых исследований, а также по разработке новых больших установок и технологий для осуществления фундаментальных исследований в соответствующей области теоретической физики. Более того, он предоставляет государствам возможность экономить финансовые средства, необходимые для создания и эксплуатации сверхдорогостоящего оборудования, а ученые получают возможность не дублировать свои усилия.

В настоящее время научное сообщество Центра состоит из 2700 сотрудников и 12 000 пользователей, представляющих научные учреждения из 82 стран [CERN Annual Report 2022. P. 12. URL: https://cds.cern.ch/record/2857560/files/CernAnnualReport_2022_EN.pdf

(дата обращения: 10.10.2023)]. В обобщенной форме спектр его деятельности включает в себя следующее: проведение фундаментальных исследований путем предоставления исследователям из различных стран доступа к уникальному набору ускорителей частиц и проведение экспериментов мирового уровня в области ядерной физики и физики высоких энергий; разработка и международная передача технологий; разработка и использование новых информационных технологий; осуществление образовательной деятельности. Согласно официально заявленным целям, проводимые исследования направлены не только на проверку Стандартной модели, но и на осуществление попыток выхода за ее пределы, а также на проведение передовых исследований в смежных областях (квантовая гравитация, космология, физика астрочастиц и т.д.) [CERN'S Main Objectives for the Period 2021-2025. URL: https://home.cern/sites/default/files/2022-01/CERNS%20Main%20Objectives_0.pdf (дата обращения: 11.10.2023)]. В соответствии с обновленной Стратегией исследований в сфере элементарных частиц сообщество ЦЕРН, представленное различными коллаборациями, призвано энергично проводить совместные скоординированные исследования в рамках сотрудничества с представителями других областей науки, а также при взаимодействии с промышленными кругами осуществлять разработку программного обеспечения и создавать инфраструктуру вычислений, основанную на использовании самых последних достижений в области информационных технологий и науки о данных [2020 Update of the European strategy for Particle Physics by the European Strategy Group. URL: <https://cds.cern.ch/record/2721370/files/CERN-ESU-015-2020%20Update%20European%20Strategy.pdf> (дата обращения: 14.09.2023)].

С момента своего создания в 1954 году ЦЕРН стал своего рода перекрестком Запада и Востока. Достаточно указать на то, что в число ассоциированных его членов входят Индия, Пакистан и Турция. Немаловажное значение для заинтересованных стран имеет статус наблюдателя в Совете ЦЕРН. Помимо России, статусом наблюдателей обладают США и Япония, а также международные структуры, имеющие различную правовую природу, такие как Европейский союз, Объединенный институт ядерных исследований (далее – ОИЯИ) (г. Дубна) и ЮНЕСКО. Нельзя не заметить, что ЦЕРН одновременно представляет собой пространство интенсивной научной дипломатии. В частности, в его деятельности нашла свое яркое выражение традиция поддержания связей с коллегами по всему миру в сложных геополитических обстоятельствах. В подтверждение этого укажем на то, что ЦЕРН поддерживал открытые отношения по ту сторону «железного занавеса» в разгар «холодной войны» [Smith C.L. CERN and SESAME – Science Diplomacy Building Bridges (10 December 2022). URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2022/cern-and-sesame-science-diplomacy-building-bridges> (дата обращения: 07.11.2023)], [\[9, p. 60\]](#). В частности, он продолжал сотрудничество с советскими учеными во время ситуации, связанной с Чехословакией (1968 г.) и Афганистаном (1979 г.).

Россия успешно сотрудничает с ЦЕРН более полувека. Индивидуальные контакты с учеными из бывшего Советского Союза начались еще в 1964 году. Новый этап сотрудничества был задан Соглашением между Правительством СССР и ЦЕРН о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий, подписанного в 1991 году незадолго до распада СССР [Соглашение между Правительством СССР и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий (Москва, 29 мая 1991 г.). URL: Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/abro/8765> (дата обращения: 15.11.2023)]. В ст. 2 предусматривалось расширение участия исследователей из разных стран в совместных экспериментах и исследовательских

проектах, а в ст. 3 закреплялось их участие в основных программах и/или проектах, например, в Ускорительно-накопительном комплексе (УНК), строящемся в СССР, а также в процессе модернизации электронно-позитронного коллайдера ЛЭП и в процессе разработки линейных электрон-позитронных ускорителей на встречных пучках.

После распада Советского Союза участие российских научных организаций в проектах ЦЕРН было подтверждено в Соглашении о сотрудничестве между Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) и Правительством Российской Федерации о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий 1993 года [Соглашение о сотрудничестве между Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) и Правительством Российской Федерации о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий (Протвино, 30 октября 1993 г.). URL: <https://refdb.ru/look/2619312-p30.html> (дата обращения: 15.11.2023)]. В соответствии со ст. 6 Соглашения был создан Комитет по сотрудничеству «Россия – ЦЕРН», который стал площадкой для координации сотрудничества и обсуждения его перспектив. Соглашение предусматривало участие России в строительстве Большого адронного коллайдера (Large Hadron Collider – LHC) (далее – БАК) и разработке его крупнейших экспериментальных детекторных комплексов (ALICE, ATLAS, CMS и LHCb). При этом в преамбуле Соглашения нашло свое подтверждение стремление России стать полноправным членом ЦЕРН. Все это соответствовало важнейшим направлениям российской национальной программы в области физики высоких энергий и элементарных частиц.

14 июня 1996 года был подписан Протокол к Соглашению 1993 года [Протокол об участии в проекте Большой адронный коллайдер (БАК) к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий от 30 октября 1993 года (Москва, 14.06.1996). URL: <https://www.conventions.ru/int/1980/> (дата обращения: 18.11.2023)], открывший широкие возможности для участия российской науки и промышленности в проекте БАК – приоритетном и глобальном научном проекте рубежа XX и XXI вв. Протокол предусматривал, что научное оборудование для строительства как ускорительных, так и экспериментальных установок (детекторы ATLAS, CMS, ALICE и LHCb) общей стоимостью около 200 млн швейцарских франков (в ценах 1996 года) будет производиться в России. По условиям Протокола треть этой суммы должна была выделить Россия, а треть – коллаборации и ЦЕРН. Предполагалось, что остальная часть стоимости оборудования будет покрыта более дешевыми материалами, а также стоимостью рабочей силы в России. Протокол 1996 года об участии в проекте БАК, определивший российский вклад, был пролонгирован в 2002 году. Кроме этого, в 1998 году были подписаны меморандумы о взаимопонимании по строительству детекторов ATLAS и CMS, а позднее – ALICE и LHCb.

Параллельно с подписанием меморандумов по каждому детектору были подготовлены и подписаны еще четыре приложения к Протоколу 1996 года, в которых детализировалось распределение российского финансирования, вклады от коллабораций и планируемый вклад России в подсистемы детекторов, в разработке и сборке которых участвовали российские организации. В целях обеспечения выполнения обязательств России Миннауки и Минатом разработали совместное решение о финансировании работ российских организаций, участвующих в строительстве БАК и детекторов, которое было подписано 25 января 1999 года. В последующие годы ежегодно принимались соответствующие решения о совместной финансовой поддержке проекта БАК и модернизации его детекторов [Распоряжение Правительства Российской Федерации от

23 октября 2017 г. № 2320-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/gBcXgxLoLizWQqAABWTKb4bVAmvBJsxn.pdf> (дата обращения: 17.06.2023); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 2321-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/PjtVsHywOzkLOo5gViewAOCZPYCnmK9k.pdf> (дата обращения: 17.11.2023)].

В силу завершения строительства нового ускорителя и введения в эксплуатацию его экспериментальных установок Россия подтвердила намерение участвовать в новой фазе проекта БАК, заключив с ЦЕРН Протокол об участии в экспериментальной программе на Большом адронном коллайдере 2003 года [Постановление Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 1871-р о подписании Протокола об участии в экспериментальной программе на Большом адронном коллайдере 2003 года. URL: <https://rulings.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-18.12.2003-N-1871-r/> (дата обращения: 19.11.2023)]. Данным Протоколом были определены конкретные обязательства российских институтов по обслуживанию и эксплуатации экспериментальных установок, а также зафиксированы принципы их финансирования, которые были определены в меморандумах о взаимопонимании по обслуживанию и эксплуатации каждого из четырех экспериментов и по участию в проекте разработки глобальных распределенных вычислительных систем для БАК (World LHC Computing Grid project – WLCG).

Россия, являясь одним из основных участников проекта БАК, осуществляла поставку высокотехнологичного оборудования как для самого коллайдера, так и для его детекторов, а также для других экспериментальных установок. В этих работах со стороны России приняли участие более 20 научных организаций Российской академии наук при одновременном участии Государственной корпорации «Росатом», Министерства образования и науки Российской Федерации. Здесь также следует напомнить об участии 30 промышленных предприятий России, а также таких известных во всем мире научных организации, как ОИЯИ, МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН и др. В качестве примера можно указать на колоссальную по своим масштабам наземную транспортировку автоматической линии магнитов для БАК из Новосибирска в Женеву и производство в России самых современных кристаллических детекторов.

Согласно данным из открытых источников российские специалисты принимают участие в четырех основных экспериментах, названных в соответствии с основными детекторами Большого адронного коллайдера – в коллаборациях ATLAS, CMS, ALICE и LHCb, функционирующих в рамках юридической формы простого товарищества [10, с. 80], а также в ряде неускорительных экспериментов (эксперименты на выведенном пучке, нейтринные проекты и проекты, направленные на поиск редких распадов частиц). В двадцати двух экспериментах принимало участие более тысячи российских ученых, инженеров, IT-специалистов и студентов, зарегистрированных в Центре [Сотрудничество российских университетов с ЦЕРН поможет привлечь молодых специалистов в науку (29.11.2021). URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/44025/> (дата обращения: 25.10.2023)]. Около 800 российских ученых, работающих на установках ЦЕРН, ежегодно публиковали порядка 300 научных публикаций.

Российские ученые составляют одну из самых больших групп пользователей, обладающих всеми необходимыми компетенциями, что предопределило существенный

вклад России в достижение целей ЦЕРН. Главная цель исследований – проверка Стандартной модели, описывающей мир элементарных частиц и представляющей собой квантовую теорию поля. Состав фундаментальных частиц в этой модели был полностью экспериментально подтвержден открытием бозона Хиггса в 2012 году на Большом адронном коллайдере. Однако некоторые накопленные экспериментальные данные побуждают к выходу за пределы Стандартной модели посредством раскрытия природы «темной» материи и поиска ответа на вопрос о возникновении асимметрии вещества и антивещества в наблюдаемой Вселенной [\[11, с. 16\]](#).

Стратегический характер партнерства России и Центра основан на сложении их научно-исследовательских и научно-технологических потенциалов, а также на взаимных интересах. Интерес России заключался в том, что сотрудничество открывает перед российскими учеными и инженерами возможность доступа к уникальному оборудованию, самым современным компьютерным технологиям и научно-техническим разработкам мирового уровня. В более развернутом виде выгоды заключаются в том, чтобы Россия продолжала оставаться «интеллектуальным звеном в мире, где “производятся” фундаментальные знания и открытия, позволяющие понять природу материи, пространства и времени» [\[12, с. 5\]](#). В прикладном аспекте выгоды заключаются в стимулировании производства высокотехнологичного оборудования, что вносит вклад в наращивание потенциала инновационного развития экономики. К аналогичным выводам приходят и другие авторы. В частности, отмечается, что «активное участие в международных коллаборациях по физике высоких энергий позволяет России получать преимущества для отечественных ускорительных программ по трем направлениям: возможность разработки и получения важных технических и инновационных ресурсов, технологическое разделение труда и обмен его результатами между странами-партнерами по сотрудничеству, вовлечение в этот процесс молодых ученых и специалистов» [\[13, р. 9\]](#).

Заинтересованность Центра в сотрудничестве с Россией обусловлена тем, что Россия – один из ключевых партнеров, обладающий существенными научными и технологическими компетенциями, востребованными в процессе модернизации БАК в рамках проекта High Luminosity LHC (HL-LHC) (2013–2026 гг.), направленного на десятикратное увеличение светимости протон-протонных столкновений при энергии 14 ТэВ на основе введения новых элементов ускорительной цепочки. И, конечно же, ЦЕРН был заинтересован в сотрудничестве с Россией в процессе разработки Будущего кругового коллайдера (Future Circular Collider/FCC), тоннель которого составит 100 км. Начало его создания в 2020 году было предусмотрено в обновленной Европейской стратегии физики элементарных частиц. Будущий коллайдер призван к решению задачи по беспрецедентно точному измерению параметров Стандартной модели, детальному исследованию процессов фазовых переходов, имевших место на самых ранних стадиях существования Вселенной, а также по изучению свойств материи при экстремальных условиях, поиску частиц «темной» материи, изучению механизма «конфайнмента» кварков и т.д. В глобальном контексте FCC может составить конкуренцию проекту Международного линейного коллайдера (ILC), который предполагается построить в Японии [Behnke T., Brau J.E., Foster B. et al. (2013) The International Linear Collider Technical Design Report. Preprint arXiv:1306.6327. URL: <https://arxiv.org/abs/1306.6327> (дата обращения: 20.10.2023)], и проекту Кругового электронно-позитронного коллайдера CEPC в Китае [The CEPC Study Group (2018) CEPC Conceptual Design Report: Vol. 1. Accelerator Preprint arXiv:1809.00285. URL: <https://arxiv.org/abs/1809.00285> (дата обращения: 20.10.2023)].

Обладая статусом наблюдателя, Российская Федерация в 2012 году заявила о

намерениях стать ассоциированным членом Центра. Сам по себе этот статус означает предоставление преференций при распределении промышленных заказов, но при этом одновременно предполагается принятие обязательств по уплате ежегодных взносов в бюджет ЦЕРН. Однако в дальнейшем произошла корректировка планов, т.к. ассоциированное членство предполагало участие в финансировании программ и проектов сотрудничества с ЦЕРН, в которых Россия не всегда являлась их участником [В Минобрнауки объяснили статус России в ЦЕРН (10.03.2018). URL: <https://www.interfax.ru/russia/603051> (дата обращения: 25.11.2023)].

По замечанию академика Г. Трубникова, «ассоциированное членство предполагало бы взнос, примерно 10-11 млн швейцарских франков, который приходит в бюджет CERN и дальше расходуется по усмотрению международного Совета. Нет гарантий, что этот взнос будет возвращаться контрактами и заказами в Россию. Ассоциированный член не имеет права голоса на Совете, он лишь присутствует на заседании» [Международные научные коллаборации — это последнее, что разрушается. Григорий Трубников о прошлом и будущем сотрудничестве России и CERN (15.03.2018). URL: <https://indicator.ru/physics/rossiya-i-cern.htm> (дата обращения: 15.09.2023)]. Сам же ЦЕРН рассматривал Россию не как одну из стран-участниц, а как специального партнера.

Суть статуса специального партнера заключается в том, что государство, обладающее таким статусом, направляет финансовые и технологические ресурсы для участия в экспериментах, в которых оно заинтересовано. В подобном формате с Центром сотрудничают США и Япония. Поэтому в марте 2018 года Минобрнауки РФ отозвал заявку на ассоциированное членство с намерением получить более перспективный статус. Новый статус России закреплен в Соглашении 2019 года, которое представляет собой всеобъемлющую основу для сотрудничества между Российской Федерацией и ЦЕРН [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о научно-техническом сотрудничестве в области физики высоких энергий и иных сферах взаимного интереса (16.04.2019, Женева). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912020024?index=8&rangeSize=1> (дата обращения: 21.10.2023)]. По оценке представителей Минобрнауки, «новое Соглашение... создает современный фундамент и разгонный блок для кооперации России и ЦЕРН» [Кооперация «Россия – ЦЕРН» (17.04.2019). URL: <http://sinp.msu.ru/ru/post/25999> (дата обращения: 22.10.2023)].

Повышение уровня сотрудничества нашло свое преломление в симметричном характере взаимодействия. В частности, в Соглашении зафиксированы направления сотрудничества в рамках ЦЕРН, в которых заинтересована Россия. Российская сторона подтвердила участие в четырех крупных экспериментах на Большом адронном коллайдере (ATLAS, CMS, LHCb и ALICE), а также заявила о присоединении ко второй фазе модернизации ускорителя и его экспериментальных установок, начавшейся в декабре 2018 года. В качестве других направлений взаимодействия были указаны исследования и разработки для будущих коллайдеров с высокой энергией – Компактный линейный коллайдер (CLIC) и Будущий круговой коллайдер (FCC).

Одновременно с этим в Соглашении закреплены направления участия ЦЕРН в проектах на территории России. Это эксперименты на электронно-позитронном коллайдере в Институте ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по апробации методов обнаружения частиц; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по высокопольному материалу сверхпроводящего магнита и т.д. В соответствии с Соглашением 2019 года ЦЕРН намеревался принять участие в запуске дорогостоящих научных установок в России,

совместной разработке новых технологий сверхпроводящих магнитов, информационных технологий и систем анализа больших данных, а также намеревался командировать европейских ученых в Россию для участия в экспериментах на нейтронном источнике реактора ПИК (г. Гатчина).

Заинтересованность Цента в финансировании российских научных проектов класса «мегасайенс» и его участие в технологическом обмене определяется потребностью в рационализации процесса создания аналогичных установок в самом Центре. Например, в г. Дубне с 2013 года на базе ОИЯИ осуществляется строительство уникального коллайдерного комплекса NICA (Nuclotron-based Ion Collider Facility) [Российский коллайдер: как ученые готовят “большой взрыв” в Дубне (20.06.2018). URL: <https://na.ria.ru/20180620/1522983745.html?in=t> (дата обращения: 24.10.2023)]. Комплекс нацелен на получение новых знаний о процессе рождения Вселенной, т.е. о «Большом взрыве», а именно о процессе возникновения потоков протонов и нейтронов из кварк-глюонной плазмы [Nuclotron based Ion Collider Facility. URL: <https://nica.jinr.ru/ru/> (дата обращения: 23.11.2023)]. Запуск запланирован на 2023 год. В данном проекте участвуют более 300 ученых из семидесяти институтов тридцати двух стран мира. Ожидается, что с вводом в строй новых элементов ускорительного комплекса NICA число участников проекта возрастет в несколько раз. Отметим, что процесс создания на базе ОИЯИ коллайдера NICA привел к активизации обмена технологиями и расширению участия ЦЕРН в российских научных проектах [Эксперт: строительство в России коллайдера NICA активизировало обмен технологиями с CERN (03.07.2021). URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11815927> (дата обращения: 22.11.2023)]. В дополнение к этому Центром было высказано намерение принять участие в проекте создания в России уникального российского электрон-позитронного коллайдера нового поколения (Супер С-Тау фабрика) [Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН) примет участие в разработке уникального российского электрон-позитронного коллайдера нового поколения (Супер С-Тау фабрики) (22.04.2019). URL: <https://ria.ru/20190422/1552929526.html> (дата обращения: 23.11.2023)]. Формой участия должно было стать использование результатов совместных разработок, а также различных технологий.

Новые перспективы сотрудничества обсуждались в рамках заседания Комитета «Россия – ЦЕРН», проводившегося 15–16 апреля 2019 года в Женеве [Кооперация «Россия – ЦЕРН» (17.04.2019). URL: <http://sinp.msu.ru/ru/post/25999> (дата обращения: 28.10.2023)]. Внимание участников было приковано к актуальным вопросам создания ускорителя БАК с повышенной светимостью и дальнейшие шаги для обеспечения участия российских организаций в проектах модернизации БАК, а также к вопросам сотрудничества в рамках экспериментов по физическим исследованиям вне коллайдеров.

В качестве надежного основания для продолжающегося сотрудничества ЦЕРН и России должен был стать Протокол по техническому обслуживанию и эксплуатации детекторов Большого адронного коллайдера, который был подписан на 43-м заседании Комитета «Россия – ЦЕРН» (Москва, 2 июля 2021 г.) [Протокол по техническому обслуживанию и эксплуатации детекторов Большого адронного коллайдера (Москва, 2 июля 2021 г.). URL: <https://rulings.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-04.05.2021-N-1175-r/> (дата обращения: 21.11.2023)]. Документ направлен на активное сотрудничество российских ученых и ЦЕРН, а также на создание условий для развития инновационной деятельности и для подготовки высококвалифицированных кадров для международной научной кооперации и прорывного высокотехнологичного развития России.

В рамках 44-ой встречи Комитета «ЦЕРН – Россия», прошедшей на площадке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в конце 2021 г., центральной темой обсуждений стал текущий статус экспериментов ЦЕРН и участие в них российской стороны [Состоялось заседание Комитета «ЦЕРН – Россия» (21.11.2021). URL: <http://www.jinr.ru/posts/sostoyalos-zasedanie-komiteta-tsern-rossiya/> (дата обращения: 03.11.2023)]. Новым вопросом повестки сотрудничества стало расширение участия российских вузов в программах ЦЕРН в контексте реализации программы «Приоритет-2030» с целью вовлечения талантливой молодежи в науку. Дело в том, что ЦЕРН – не только крупный исследовательский, но и образовательный центр. Среди участников экспериментов на БАК около 30% составляют студенты старших курсов и аспиранты. По итогам обсуждений в рамках 44-й встречи Комитета «ЦЕРН – Россия» российская сторона подтвердила свою готовность продолжать активное участие в модернизации БАК не только в ускорительной, но и детекторной компоненте. Кроме этого, ОИЯИ вышел с инициативой по внесению вклада со своей стороны в цифровые трансформации GRID, а также в совершенствование системы хранения данных EOS.

Аналогичный пафос прослеживался и на встрече представителей РАН и Центра (29 ноября 2021 г.) [РАН и ЦЕРН обсудили вопросы сотрудничества (30.11.2021). URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=ac1483ab-ad15-4b61-a656-d431d55646b8&print=1> (дата обращения: 14.09.2023)]. На этой встрече Генеральному директору Ф. Джанотти был вручен диплом об избрании ее иностранным членом РАН. В дополнение к этому была высказана идея о заключении договора о сотрудничестве между ЦЕРН и РАН [Сотрудничество российских университетов с ЦЕРН поможет привлечь молодых специалистов в науку (29.11.2021). URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/44025/> (дата обращения: 05.07.2023)]. И, наконец, весьма существенные перспективы связывались не только с участием России в модернизации БАК, но и с разработкой нового сверхмощного Будущего кругового коллайдера. Поскольку его создание связано с решением серьезных технологических, геологических, экологических и экономических проблем, подготовительный этап по его технико-проектному сопровождению стал содержанием специального проекта, реализуемого в рамках программы ЕС «Горизонт 2020» [«Горизонт 2020». «Инновационное исследование будущего кругового коллайдера». ID 951754 (02.11.2020–01.11.2024). URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/951754> (дата обращения: 09.10.2023)].

Международное партнерство России и ЦЕРН в ходе их многолетнего сотрудничества означало реализацию и распределение различных видов технической и научно-исследовательской деятельности, что позволяло исключать дублирование и одновременно способствовало инициированию усилий каждой из сторон по развитию ресурсов, необходимых для выполнения своих обязательств. Результатом партнерства России и ЦЕРН стало не только дальнейшее развитие ядерной физики и физики высоких энергий, но и новейших ускорительных технологий. Данного рода результаты представляют собой вклад в развитие научной физической картины мира и означают прогресс сектора наукоемких технологий, которые в силу своей универсальности могут использоваться по самым разнообразным направлениям науки и техники. Однако шквал санкций в отношении российской науки и участия России в международном научном сотрудничестве существенным образом осложнил сотрудничество России и ЦЕРН, весьма успешно развивавшееся на протяжении многих десятилетий.

2. Новый виток в деятельности ЦЕРН и антироссийские санкции

Пандемия COVID-2019 привела к снижению интенсивности функционирования ЦЕРН.

Однако, несмотря на это, был проделан большой объем работ, что позволило перезапустить ускорительный комплекс в 2022 году. Длительное отключение во время пандемии создало условия для перехода к фазе высокой яркости БАК на основе совершенствования детекторов. В итоге БАК стал работать с беспрецедентной энергией 13,6 ТэВ, что способно привести к повышению точности экспериментов и усилению потенциала для совершения новых открытий. Поскольку исследовательская программа ЦЕРН гораздо шире, чем эксперименты в рамках БАК, то к достижениям 2022 года можно также отнести успешный перезапуск экспериментов и установок на других ускорителях (ISOLDE, p_TOF, Восточная зона, AD и ELENA). Помимо этого, ЦЕРН вплотную начал работу по технико-экономическому обоснованию Будущего кругового коллайдера и подготовке к созданию крупной исследовательской инфраструктуры на основе специальных дорожных карт, скоординированных и подготовленных Группой директоров европейских лабораторий и Европейским комитетом будущих ускорителей [Bassler U. Message from the President of the Council (2021). URL: https://cds.cern.ch/record/2812581/files/Pages%20from%20CERNAnnualReport_2021_EN.pdf (дата обращения: 01.11.2023)].

Важным событием стало утверждение комплексной Политики открытой науки [CERN Open Science Policy (Approved by the Director General on 01 October 2022). URL: <https://cds.cern.ch/record/2835057/files/CERN-OPEN-2022-013.pdf> (дата обращения: 17.10.2023)], нацеленной на то, чтобы сделать все исследования ЦЕРН доступными, инклюзивными и прозрачными как для широких кругов исследователей, так и для общества в целом. Практика открытой науки должна была найти свою реализацию посредством поощрения исследовательских процессов и инструментов, способствующих международному сотрудничеству, свободному распространению знаний и обеспечению доступности результатов исследований на основе реализации открытого доступа к публикациям и их метаданным. В дополнение к этому Политика нацеливала на поощрение и содействие осуществлению обмена данными и программным обеспечением.

Между тем, указанные достижения и инициативы оказались сопряжены с целым рядом проблем, связанных с введением санкций в отношении России, движущим мотивом которых является осуждение СВО. ЦЕРН, будучи европейской организацией и следуя логике введения ограничительных мер ЕС, его государств – членов, а также других европейских, а равным образом и неевропейских государств, встал на путь разрыва партнерства с Россией как одного из важных и перспективных коллабораторов. Но, как отмечают зарубежные эксперты, «ЦЕРН стал последней организацией, прервавшей научные связи» [Naujokaitytė G. CERN Physics Lab Suspends Ties with Russia (8 March 2022). URL: <https://sciencebusiness.net/news/cern-physics-lab-suspends-ties-russia> (дата обращения: 11.10.2023)]. На наш взгляд, это свидетельствует о некоторой осторожности в принятии судьбоносных решений, которые, как мы покажем далее, оказались растянутыми во времени.

Введение санкций ЦЕРН в отношении России, как и Беларуси, исследователи которой играют заметную роль в разработке ускорителей и детекторов, а также в проведении экспериментов [14], создали серьезные проблемы для самого Центра. Заметим, что их усугубление было также вызвано общим режимом антироссийских санкций в сфере экономики.

Согласно решению Совета Центра, которое было сформулировано в резолюции, принятой на внеочередной сессии 8 марта 2022 года [CERN Response to the Aggression against Ukraine // CERN/3626 (8 March 2022). URL: <https://council.web.cern.ch/sites/default/files/c->

e-3626_Resolution_re_Russia%20.pdf (дата обращения: 20.10.2023)], статус наблюдателя Российской Федерации был приостановлен до особого распоряжения. Обоснованием стало то, что, по мнению Совета, Специальная военная операция (далее – СВО) противоречит ценностям, которым привержен Центр. Напомним, что согласно Конвенции об учреждении Европейской организации ядерных исследований [Convention for the establishment of the European Organization for nuclear Research (Paris, 1st July, 1953 as amended on 17 January 1971). URL:<https://council.web.cern.ch/en/content/convention-establishment-european-organization-nuclear-research> (дата обращения: 21.10.2023)], ЦЕРН учрежден для того, чтобы объединять нации и людей для мирного занятия наукой. Статья II.1 Конвенции предусматривает, среди прочего, что Центр не должен заниматься исследованиями для военных нужд. Провозглашенные ценности основываются на трансграничном научном сотрудничестве, рассматриваемом в качестве движущей силы по сохранению и упрочению мира на планете.

Актуализируя аксиологическую аргументацию, Совет решил приостановить или, в случае невозможности, отменить все совместные мероприятия, организованные совместно с учреждениями из России и Беларуси. Также было решено приостановить заключение договоров об ассоциации с любыми новыми лицами, аффилированными с базовыми учреждениями в Российской Федерации и Республике Беларусь [CERN Council responds to Russian invasion of Ukraine March (8 March 2022). URL: <https://home.cern/news/news/cern/cern-council-responds-russian-invasion-ukraine> (дата обращения: 14.11.2023)]. Согласно резолюции участие ЦЕРН в новом сотрудничестве с Россией и ее научными институтами не предусматривается до дальнейшего уведомления. В решении было заявлено о том, что руководство организации будет тщательно отслеживать ситуацию и принимать любые дальнейшие меры в случае необходимости, а также соблюдать все принятые международные санкции. Вместе с тем, это совершенно не исключает возможность дальнейшего продолжения работы российских исследователей, составляющих около 8% международных пользователей Центра.

Как можно видеть, на первом этапе санкционной политики Центра был предпринят лишь частичный институциональный разрыв, тогда как другие формальные рамки сотрудничества оказались не затронутыми. Исходя из важной роли России в сфере фундаментальной физики, Дж. Эллис, физик-теоретик из Королевского колледжа Лондона, который проработал в Центре более 40 лет, подчеркнул, что необходимо стремиться к сохранению сотрудничества в той мере, в какой это политически возможно [Cit. on: Stone R. Western Nations Cut Ties with Russian Science, Even Some Project Try to Remain Neutral (8 March 2022). URL: <https://www.science.org/content/article/western-nations-cut-ties-russian-science-even-some-projects-try-remain-neutral> (дата обращения: 18.07.2023)]. Однако, как известно, в научных проектах ЦЕРН принимают участие российские исследователи, которые придерживаются разных политических взглядов. На этом фоне следует констатировать отсутствие консенсуса применительно к дифференциации российских ученых в отношении того, с кем следует разорвать сотрудничество, а с кем его следует продолжить.

Буквально через две недели, а именно 25 марта 2022 года Совет подтвердил прежние решения и принял новые [CERN Council Takes Further Measures in Response to the Invasion of Ukraine (25 March 2022). URL: <https://home.cern/news/news/cern/cern-council-takes-further-measures-response-invasion-ukraine> (дата обращения 18.09.2023)]. В своей резолюции № 3637 Совет высоко оценил надлежащие и своевременные меры, принятые руководством Центра, включая соблюдение всех применимых международных санкций и эффективную приостановку всех обменов денежными средствами, материалами и

персоналом с Российской Федерацией и Республикой Беларусь [CERN Response to the Aggression against Ukraine: Additional Measures Concerning the Russian Federation and the Republic of Belarus // CERN/3637/Corr. (30 March 2022). URL: https://council.web.cern.ch/sites/default/files/c-e-3637Corr_Council%20resolution_%20RU_BY.pdf (дата обращения 14.10.2023)]. В дополнение к этому было решено приостановить участие ученых Центра во всех научных комитетах научных институтов, расположенных на территории Российской Федерации и Республики Беларусь и наоборот. Более того, были приостановлены или отменены все совместные мероприятия.

Заметим, что от сессии к сессии Совет намечал принятие новых мер. В подтверждение этого укажем на то, что на сессии 25 марта 2022 года обсуждался вопрос о перспективе принятия решения на очередной сессии в июне 2022 года о приостановлении действия соглашений о международном сотрудничестве, протоколов и дополнений к ним, а также любых других соглашений, в том числе меморандумов о взаимопонимании, определяющих участие Российской Федерации и Республики Беларусь и их национальных институтов в научных проектах Центра. Таким образом, в этом можно увидеть стремление подвести правовую базу под прекращение сотрудничества на официальном уровне.

В преддверии принятия намеченного решения Советом были предприняты серьезные шаги, направленные на разрыв межинституционального сотрудничества с ОИЯИ, с которым ЦЕРН имеет взаимный статус наблюдателя. Специально подчеркнем, что ОИЯИ – это не только конкурент, но и партнер в развитии физики элементарных частиц. Будучи международной межправительственной организацией, «ОИЯИ участвовал в строительстве Большого адронного коллайдера, был и остается самостоятельной стороной меморандумов о взаимопонимании коллабораций БАК, являясь их членом на правах одновременно института и финансирующего учреждения» [15, с. 168].

Согласно специальной резолюции статус наблюдателя ОИЯИ в Совете ЦЕРН был приостановлен [CERN Response to the Aggression against Ukraine: Council Resolution Concerning the Consequence for Relations between CERN and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR) // CERN/3638/Corr. (30 March 2022). URL: https://council.web.cern.ch/sites/default/files/c-e-3638Corr_Council%20Resolution_JINR.pdf (дата обращения: 08.11.2023)]. В свою очередь, ЦЕРН прекращает пользоваться правами, вытекающими из его статуса наблюдателя в ОИЯИ, до дальнейшего уведомления. Кроме этого, было принято решение о приостановке участия ученых из ЦЕРН во всех научных комитетах ОИЯИ и наоборот. Все это нашло свое выражение в приостановке и отмене всех совместных мероприятий. И, наконец, Совет объявил о том, что ЦЕРН более не будет участвовать в новом сотрудничестве с ОИЯИ до дальнейшего уведомления.

Как мы уже отмечали, на мартовском заседании 2022 года Совет наметил правовое закрепление институционального разрыва сотрудничества с Россией. И, действительно, на своем 208-м заседании (16 июня 2022 г.) Совет принял решение о дальнейших мерах, касающихся приостановления действия соглашений о международном сотрудничестве и связанных с ними протоколов, а также любых других соглашений, касающихся участия в научной программе ЦЕРН [CERN Council declares its intention to terminate cooperation agreements with Russia and Belarus at their expiration dates in 2024 (17 June 2022). URL: <https://www.home.cern/news/news/cern/cern-council-cooperation-agreements-russia-belarus> (дата обращения 03.11.2023)]. Необходимо внести уточнение о том, что согласно

принятому решению прекращение сотрудничества, в основе которого находятся соглашения о международном сотрудничестве с Россией и Беларусью, произойдет по истечении срока их действия в 2024 году [Decision-making in Respect of the International Cooperation Agreement between CERN and the Russian Federation // CERN/3669 (16 June 2022). URL: https://council.web.cern.ch/sites/default/files/c-e-3669_Resolution_Decision_making_RU_June22.pdf (дата обращения 19.10.2023)].

Как таковые, соглашения между ЦЕРН и различными государствам о международном сотрудничестве обычно заключаются на пять лет и автоматически продлеваются на тот же период, если только одна из сторон не направит другой стороне письменное уведомление о расторжении, по крайней мере, за шесть месяцев до даты продления. Срок действия соглашения с Россией истекает в декабре 2024 года, а Беларусью – в июне 2024 года. Тем не менее, в своей резолюции Совет вновь продемонстрировал готовность следовать гибкому алгоритму, указав на то, что он будет отслеживать самым тщательным образом ситуацию с тем, чтобы принять дальнейшие решения [CERN Response to the Aggression against Ukraine: Council Resolution Concerning the Consequence for Relations between CERN and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR) // CERN/3638/Corr. (30 March 2022). URL: https://council.web.cern.ch/sites/default/files/c-e-3638Corr_Council%20Resolution_JINR.pdf (дата обращения: 14.11.2023)].

Как следует из проведенного анализа санкционной политики ЦЕРН, которая привела к формированию соответствующего санкционного режима, логика санкций сочетает в себе более и менее радикальные шаги, направленные на разрыв институциональных отношений. Более радикальные меры направлены в отношении ОИЯИ. В июне 2022 года Совет принял решение о пересмотре будущего сотрудничества между ЦЕРН и ОИЯИ задолго до истечения срока действия текущего соглашения (январь 2025 года). Это следует за мерами, принятыми на предыдущих сессиях Совета, по приостановке статуса наблюдателя ОИЯИ и по прекращению участия ученых ЦЕРН во всех научных комитетах ОИЯИ до дальнейшего уведомления [Decision-making in Respect of the International Cooperation Agreement between CERN and the Joint Institute for Nuclear Research (JINR) // CERN/3671 (16 June 2022). URL: https://council.web.cern.ch/sites/default/files/c-e-3671_Resolution_Decision_making_JINR_June22.pdf (дата обращения 19.10.2023)]. Данная логика событий побуждает критически отнестись к тезису о том, что в современных условиях международное научно-техническое сотрудничество на уровне международных межправительственных организаций «сложнее подвергнуть политически мотивированным односторонним ограничительным мерам ("санкциям")» [16, с. 22].

На основе анализа мер по разрыву институциональных отношений следует сделать вывод о том, что имеет место продолжение сотрудничества ЦЕРН и России по некоторым направлениям. Как отмечается в экспертной среде, «фактически приостанавливаются лишь официальные связи, например, совместные конференции, работа совместных советов, комитетов и т.д. А те ученые, которые сейчас в ЦЕРН ведут научные исследования, их продолжают» [Медведев Ю. О приостановке работы российских ученых в научных исследованиях ЦЕРН речи не идет (26.03.2022). URL: <https://rg.ru/2022/03/26/o-priostanovke-raboty-rossijskih-uchenyh-v-nauchnyh-issledovaniiah-cern-rechi-ne-idet.html> (дата обращения: 11.11.2023)]. В дополнение к этому ведущий эксперт Центра международного взаимодействия и партнерства Mega Science НИТУ МИСИС, член коллаборации LHCb Д. Стрекалина отмечает, что российские ученые продолжают работать на БАК, а «внутри коллабораций с нашими коллегами нет никаких домыслов. Мы занимаемся вместе проектами. Человеческий фактор остался

таким же» [Цит. по: ЦЕРН знает, что... Европа установила новые правила публикации статей с участием ученых из России и Белоруссии (27.02.2023). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5842409> (дата обращения: 12.11.2023)].

На наш взгляд, вывод о том, что, несмотря на ограничительные меры, сотрудничество продолжается, не может быть абсолютно оптимистическим, ибо это продолжение осуществляется «под занавес». Решения Совета при всем акцентировании в них гибкого подхода создают ситуацию неопределенности, сопровождающейся чувством несправедливости. Как отмечает академик Г. Трубников, «мы принимаем это решение как данность. Мы не можем соглашаться или не соглашаться, потому что это мнение большинства. Мы продолжаем работать, и наша задача – доказывать миру, что наука может сближать народы. На мой взгляд, и Россия должна оставаться в ЦЕРН, и флаг убирать нельзя. Поскольку Россия участвует там с 1960-х годов. И тот вклад деньгами, ресурсами и человеческим интеллектом, который сделан за почти 60 лет, перечеркивать неправильно и несправедливо» [Цит. по: ЦЕРН знает, что... Европа установила новые правила публикации статей с участием ученых из России и Белоруссии (27.02.2023). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5842409> (дата обращения: 14.11.2023)]. Думается, что психологические аспекты ситуации неопределенности не могут содействовать эффективному взаимодействию.

3. Негативные последствия институциональных разрывов ЦЕРН и России

Прогноз относительно негативных результатов прекращения сотрудничества в настоящее время имеет самый общий характер. ЦЕРН указывает на то, что масштабы человеческих, финансовых и плановых последствий для проводимых экспериментов, реализации проекта High-Luminosity LHC (HL-LHC) и второй фазы модернизации ATLAS и CMS будут зависеть от развития геополитической ситуации [Medium-Term Plan for the period 2023-2027 and Draft Budget of the Organization for the sixty-ninth financial year 2023 (GENEVA, September 2022). URL: <https://cds.cern.ch/record/2838413/files/English.pdf> (date accessed: 15.11.2023)]. Однако ясно одно, что ожидаемый вклад России в лице ОИЯИ и других научных центров в реализацию второго этапа проекта HL-LHC не будет осуществлен. Разумеется, это наносит урон глобальной науке, развивающейся на уровне ЦЕРН.

Следует четко понимать, что санкции против России приведут к уменьшению российского исследовательского потенциала в сфере фундаментальной физики, а также к сокращению присутствия российских ученых на арене мировой научной периодики. Конечно, работа российских ученых в рамках ЦЕРН продолжается, но имеет место проблема с опубликованием результатов их исследований. Как таковые, публикации – это важный момент роста научных знаний. Публикации свидетельствуют о вкладе ученых в ту или иную предметную область. Они также используются для обмена информацией. В четырех крупнейших экспериментах БАК участвуют тысячи научных сотрудников и инженеров. В научных статьях обычно указываются все участники проекта. Но в условиях санкций возникала сложная дилемма, заключающаяся в том, чтобы указывать или не указывать авторство российских, а равным образом и белорусских научных сотрудников, а также сведения об их аффилиации.

Поскольку в ЦЕРН научные результаты являются результатом совместных усилий ученых из разных стран, то некоторые зарубежные коллабораторы, движимые санкционной риторикой, выступили против соавторства с российскими институтами и с отдельными учеными. Согласно модели антироссийских научных санкций ограничительные меры направлены на государственные учреждения. Поэтому был предложен следующий вариант – указывать российских и белорусских ученых, но без аффилиации с научными

институтами России и Беларуси. Министерство науки и высшего образования России усмотрело в этом стремление Центра избежать излишней политизации международного научного сотрудничества [ЦЕРН знает что.... Европа установила новые правила публикации статей с участием ученых из России и Белоруссии (27.02.2023). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5842409> (дата обращения: 09.09.2023)]. Часть коллабораций полагают, что, если не указывать аффилиацию отдельных ученых, то тогда следует не указывать аффилиацию всех участников того или иного проекта. Пока продолжалась дискуссия о том, как составлять список авторов, в марте 2022 года количество новых работ российских ученых сократилось до нуля [Петраки Э. Раскол среди ученых: как конфликт на Украине мешает физике. The Guardian: в ЕС до сих пор отказываются публиковать статьи российских ученых (23.01.2023). URL: <https://inosmi.ru/20230123/nauka-259976748.html> (дата обращения: 10.09.2023)]. При этом публичные версии более чем 100 статей были загружены на сервер препринтов arXiv, но и в них, и в материалах, направленных в научные журналы, отсутствовал список авторов и финансирующих организаций. Такая практика затронула не только российских, но и зарубежных исследователей.

Однако в рамках ЦЕРН было решено, что все публикации будут содержать полный список авторов и их ORCID. Крупнейшие научные коллаборации (ALICE, ATLAS, CMS и LHCb) приняли решение о том, как поступить с публикациями ученых из России и Белоруссии. Так, если в прошлом список указаний на аффилиацию был полным и занимал несколько страниц, то отныне стало использоваться указание, например, «при сотрудничестве с ATLAS». Новое правило распространяется на те статьи, которые были приняты журналами, но еще не были опубликованы. Решение коллабораций распространяется на все статьи, которые будут написаны до конца 2024 года. Тем не менее, названия российских и белорусских научно-исследовательских институтов и финансирующих организаций решено не публиковать. В свою очередь, было подтверждено, что остальные научные институты, которые представлены исследователями из других стран, будут и далее указываться. Но полный список авторов, включая их аффилиацию, так или иначе, будет и далее предоставляться в редакцию журналов в закрытом формате.

Подобного рода выход из создавшей ситуации широко обсуждается в академической среде. Так, высказывается мнение о том, что «если бы все ученые публиковались без указания аффилиаций, то ситуация была бы менее дискриминационной. А так, все равно, российские и белорусские ученые выделяются на фоне всех остальных» [Noorden R.V. LHC Physicists Resolve Stalemate over Russian Authors (19 February 2023). URL: https://www.realclearscience.com/2023/02/18/lhc_resolves_stalemate_over_russian_authors_ (дата обращения: 24.11.2023)]. Данное решение не оказало существенного влияния на финансирование проектов или присуждение докторских степеней. Однако в будущем могут возникнуть проблемы. Вполне возможна стратегия продолжения научных исследований и накопления знаний, пусть и без их обнародования. Действительно, статьи без указания их авторов и названий учреждений, в которых они работают, приемлемы в рамках экспериментов. Но для карьеры ученых и преподавателей упоминание их аффилиации представляется чрезвычайно важным. Помимо этого, финансирующие организации могут отказать в дальнейшем финансировании, если в статьях будут отсутствовать метаданные. В условиях санкций данного рода сложности не приобрели особой остроты для российских ученых, т.к. отсутствие публикаций не стало существенной проблемой при подаче отчетов о результатах НИОКР в российские фонды и агентства. Как известно, в 2022 году в России были отменены или смягчены требования по публикациям в зарубежных изданиях.

Санкции ЦЕРН не столь радикальны по сравнению с санкциями ЕС, которые означают полное прекращение участия России в текущих проектах [17]. По сравнению с другими крупными международными проектами в рамках программ «Горизонт 2020» и «Горизонт Европа» по ряду проектов сотрудничество отечественных ученых в составе различных коллабораций продолжается. Применительно к текущей ситуации директор Института ядерной физики (ИЯФ, г. Новосибирск) П. Логачев отметил востребованность продолжения контактов с ЦЕРН, поскольку без российских специалистов весьма затруднительными являются включение и последующая эксплуатация важных установок [В Минобрнауки РФ надеются на продолжение сотрудничества с ЦЕРН (24.01.2023). URL: <https://www.interfax.ru/russia/881996> (дата обращения: 15.10.2023)]. В связи с этим обе стороны с пониманием относятся к организации командировок российских специалистов в Женеву. Думается, что столь же востребованным является приезд специалистов ЦЕРН на российские установки класса «мегасайенс». Таким образом, в течение 1,5–2 лет рост фундаментальных знаний в сфере физики высоких энергий с участием России продолжится. Это весьма важно и для России, и для ЦЕРН.

В этом контексте возникает потребность в прогнозе относительно предстоящего в скором времени полного разрыва институционального сотрудничества. В экспертной среде возникают представления о результатах такого разрыва. В частности, главный конструктор проекта «Универсат-СОКРАТ» В. Петров полагает, что разрыв повлияет на фундаментальную физику, но какова степень такого воздействия – это вопрос достаточно сложный. Но ясно одно – у России имеется своя достаточно большая ускорительная база [Наука разрывать. Что означает решение ЦЕРН для российских ученых (19.06.2022). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5421842> (дата обращения: 28.11.2023)]. Разумеется, в России нет установок, являющихся полной аналогией БАК: на национальном уровне их создание просто невозможно. С прекращением доступа российских ученых к БАК, а также в связи с ограничением доступа к получаемым на нем экспериментальным данным будет весьма затруднительно реализовывать соответствующие направления исследований в области фундаментальной физики. Между тем, в России есть свои проекты и установки, в том числе класса «мегасайенс», которые позволяют реализовывать другие направления фундаментальной физики. Хотя, конечно, никто не будет отрицать предстоящих потерь российской стороны в сфере развития технологического обмена.

С нашей точки зрения, санкции в сфере науки весьма сходны с санкциями в экономической сфере: определенные потери от ограничительных мер несет также сторона, которая их вводит. Представляется, что ЦЕРН после полного прекращения сотрудничества с Россией окажется в проигрыше, так как российский научный и технологический потенциал в сфере ядерной физики весьма внушителен. По всей видимости, данный научно-технологический потенциал будет реализован в рамках китайского проекта кругового коллайдера. В результате, санкции ЦЕРН не могут привести к «отмене» активного присутствия России в глобальном пространстве ядерной физики и к остановке развития данного направления в России. Впрочем, они на это и не рассчитаны в силу мощных традиций Центра в сфере научной дипломатии.

Необходимо принимать в расчет и то, что ЦЕРН – далеко не единственный глобальный центр в сфере фундаментальной физики. В качестве не только его партнеров, но и конкурентов выступают установки класса «мегасайенс» в США, Японии, Китае и, наконец, в самой России. На этом фоне востребованность в контактах с российскими специалистами и научными учреждениями будет сохраняться не только в интересах развития глобальной науки, но и в интересах поддержания глобальной

конкурентоспособности ЦЕРН. В продолжении сотрудничества в других формах, которые еще предстоит апробировать, заинтересованы обе стороны.

Негативное воздействие на фундаментальные исследования в области физики высоких энергий оказывают не только научные, но и экономические санкции против России. ЦЕРН потребляет примерно треть среднегодовых энергетических ресурсов Женева. В 2022 году затруднения в его функционировании возникли вследствие роста цен на энергоносители. Это было вызвано сокращением экспорта российского природного газа. Высокие затраты на энергию и рост инфляции не только вызвали неопределенность в процессе планирования бюджета [Rabinovic E. Message from the President of the Council of the CERN (2021). P. 4. URL: <https://cds.cern.ch/record/2862771/files/Messages.pdf> (дата обращения: 18.09.2023)], но и привели к конкуренции среди исследователей за время работы на ускорителе. Это вынуждает различные лаборатории как в Европе, так и в ЦЕРН корректировать свою энергетическую политику [CERN to implement additional energy-saving measures for 2022–2023 (September 30, 2022) // <https://home.cern/news/news/cern/cern-implement-additional-energy-saving-measures-2022-2023> (дата обращения: 23.09.2023)].

В начале сентября 2022 года глава комиссии ЦЕРН по электроэнергии С. Клоде в интервью, опубликованном в «Wall Street Journal», заявил, что организация разрабатывает планы по остановке некоторых ускорителей и даже по остановке работы самого коллайдера из-за энергетического кризиса в Европе [CERN: Большой адронный коллайдер могут остановить из-за энергетического кризиса (4.09.2022). URL: <https://ria.ru/20220904/kollayder-1814374593.html> (дата обращения: 05.10.2023)]. Суть плановой остановки заключается в предотвращении внезапного отключения с тем, чтобы не вывести из строя установку стоимостью 4,4 млрд долларов. Центр рассматривает возможность закрытия других ускорителей, т.к. это может снизить потребление электроэнергии на 25%.

ЦЕРН остановил работу своего крупнейшего ускорителя 28 ноября 2022 года, что на две недели раньше, чем это было запланировано [Большой адронный коллайдер остановлен для экономии энергии в ЕС (28.11.2022). URL: https://www.dp.ru/a/2022/11/28/Bolshoj_adronnij_kollajde (дата обращения: 06.09.2023)]. Цель такой досрочной приостановки – снижение нагрузки на электросеть и подготовка к скачку цен и потенциальному зимнему дефициту. Продолжением этой ситуации стали планы по сокращению работы ускорителя на 20% в 2023 году в целях снижения потребления. Возможность досрочной остановки коллайдера была согласована с поставщиком электроэнергии – французской компанией Electricite de France (EDF). Вместе с EDF также были разработаны планы для конфигураций проектной деятельности с пониженной мощностью, что позволит справиться с возможным сбросом нагрузки в ближайшие месяцы. Кроме этого, разрабатываются различные меры по экономии энергии на площадках ЦЕРН (отключение уличного освещения на ночь, отсрочка на одну неделю начала отопительного сезона и т.д.). В этом случае речь идет о социальной ответственности Центра.

Разумеется, ЦЕРН, будучи крупным разработчиком самых передовых технологий, который одновременно обеспокоен экологическими и экономическими аспектами своей деятельности, постоянно работает в направлении повышения своей энергоэффективности. В целом, принятие за последнее десятилетие соответствующих мер привело к снижению энергопотребления на 10%. К данным мерам относится использование различных технологических решений, начиная от оптимизации систем охлаждения и вентиляции до реконструкции линий по передаче энергии. Но, как бы то

ни было, функционирование модернизированного БАК, а также функционирование в отдаленной перспективе Будущего кругового коллайдера многократно повысит энергопотребление и будет означать повышение стоимости проводимых экспериментов. В этом плане могут возникнуть проблемы с их дополнительным финансированием.

Что же касается текущих проблем, то Совет на своей 210-й сессии (15 – 16 декабря 2022 г.) единогласно принял решение об утверждении кризисного сбора в размере 2,5% от базовой заработной платы сотрудников на 2023 год, который будет компенсирован предоставлением пяти дней дополнительного отпуска [Proposed Package of Measure to Mitigate the Impact of inflation and Electricity price on CERN's Budget// Two-Hundred-and-tenth session of the Council (15-16 December 2022). URL: <https://council.web.cern.ch/en/content/210> (дата обращения: 21.11.2023)]. В целом, по мнению Президента Совета Э. Рабинович, сложная ситуация будет иметь место в течение последующих нескольких лет [Rabinovic E. Message from the President of the Council (2022).P. 4. URL: <https://cds.cern.ch/record/2862771/files/Messages.pdf> (date accessed: 22.10.2023)]. Таким образом, в очередной раз можно видеть, что в современном мире существует корреляция не только между экономическими и научными санкциями, но и возникает обратное негативное воздействие экономических санкций на реализацию проектов и программ в рамках международного сотрудничества.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сформулировать ряд выводов и наметить дальнейшие направления исследований.

Во-первых, существенным элементом текущих антироссийских санкций в сфере науки стал санкционный режим, формируемый международными исследовательскими структурами класса «мегасайенс». В частности, санкционная политика ЦЕРН привела к формированию режима антироссийских санкций в сфере фундаментальной физики. Данный режим предполагает приостановку стратегического партнерства ЦЕРН и России, которое не только внесло вклад в развитие указанной отрасли физической науки, но и имело до определенного момента времени блестящие перспективы.

Во-вторых, спецификой модели санкций ЦЕРН, имеющих политическую окраску, в отношении участия российских ученых и российских научных организаций в соответствующих экспериментах и проектах является то, что субъектом введения санкционных ограничений, направленных на прекращение институциональных связей, выступает Совет ЦЕРН, а не те или иные коллаборации.

В-третьих, другая особенность модели санкций заключается в ее многослойности. В отличие от ЕС, официально заявленное Центром прекращение сотрудничества с Россией не затронуло по большей части текущее сотрудничество, ибо само это прекращение было отложено до конца 2024 года, когда закончится действие базового Соглашения о сотрудничестве 2019 года. Такое решение не привело к нарушению обязательств ЦЕРН как таковых. Впрочем, положения данного Соглашения, затрагивающие порядок опубликования научных работ, было нарушено. Другой слой санкций, принятых в отношении ОИЯИ, масштабным образом затрагивает текущее сотрудничество и нарушает Соглашение, заключенное между ними. Как бы то ни было, имеются основания утверждать о сохранении моментов научной дипломатии.

В-четвертых, санкционный режим ЦЕРН подтверждает общую закономерность односторонних ограничительных мер. Она заключается в том, что их последствием являются негативные эффекты в отношении стороны, которая их ввела. В случае с ЦЕРН

это означает, что будущий разрыв с Россией ослабит его технический и исследовательский потенциал, что приведет к снижению уровня конкурентоспособности по сравнению с установками, на которых проводятся и будут проводиться в будущем эксперименты в США, Китае, Японии и, наконец, в самой России. В то же время, такой разрыв позволит России сосредоточиться на развитии других направлений фундаментальной физики на основе имеющихся российских установок и функционирующих международных коллабораций. Это приведет к диверсификации исследований в современной физике.

Исследование, проведенное в статье, вносит вклад в развитие теории научных санкций и формирует в ее составе новое поднаправление. Оно предполагает изучение модели научных санкций, введенных международными исследовательскими структурами класса «мегасайенс» (XFEL, FAIR, ESRF, ITER и др.). Исследование санкций, введенных последними в отношении участия российских ученых в международных проектах, создаст основу для осуществления сравнения инициированных ими санкционных режимов. Это позволит сформировать более масштабные представления о научных санкциях как политизированных мерах, которых негативным образом воздействуют на рост фундаментальных знаний в рамках глобальной науки.

Библиография

1. Дежина И.Г., Егоров С.В. Движение к автаркии в российской науке сквозь призму международной кооперации // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2022. № 1. С. 35–53. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-35-53.
2. Фомкин Ф.С. Российская наука в период санкций // Respublica Literaria. 2022. № 3. С. 106–117. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106-117.
3. Ханин Г.И. Российская наука в период санкций в свете проблемы модернизации российской экономики // Управление наукой: теория и практика. 2022. № 3. С. 69–84. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.6.
4. Никонова А.А. Применение системного анализа для реконструкции модели межграницных ресурсопотоков и сотрудничества в НИОКР под влиянием санкций // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. № 1. С. 8–26. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.1.8-26.
5. Noorden R. van Data Hint at Russia's Shifting Science Collaborations After Year of War // Nature. 2023. Vol. 615. Issue 7951. P. 199–200. DOI: 10.1038/d41586-023-00552-w.
6. Koonin E.V. Science in Times of War: Oppose Russian Aggression but Support Russian Scientists // EMBO. 2022. Rep 23: e54988. DOI: 10.15252/embr.202254988.
7. Gaïnd N., Else H. Global Research Community Condemns Russian Invasion of Ukraine // Nature. 2022. Vol. 603. Issue 7900. P. 209–210. DOI: 10.1038/d41586-022-00601-w.
8. Plackett B. The Future of Research Collaborations Involving Russia. As Sanctions Take Effect Following Its Invasion of Ukraine, Russia Risks Its Standing in the Research World // Nature 2022 (March 18). DOI: 10.1038/d41586-022-00761-9.
9. Cramer K.C. The Role of European Big Science in the (Geo)political Challenges of the Twentieth and Twenty-first Centuries // Big Science and Research Infrastructures in Europe / ed. by K.C. Cramer and O. Hallonsten. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2020. P. 56–75.
10. Конджакулян К.М., Варфоломеев А.К. Нормативно-правовое регулирование Большого адронного коллайдера // Научные дискуссии. 2022. № 4. С. 79–82.

11. Попов В.Я., Воронина Н.М. Достижения в физике элементарных частиц и их влияние на предмет истории и философии науки // Человек. Общество. Наука. 2023. Т. 4. № 1. С. 15–23. DOI:10.53015/2686-8172_2023_4_1_15.
12. Козлов Г.А., Матвеев В.А., Саврин В.И. О пользе участия в программах по физике элементарных частиц при высоких энергиях. – Дубна: ОИЯИ, 2014. 51 с.
13. Smirnov S. Russia – CERN Cooperation: Current Status and Perspectives // Journal of Physics: Conference Series. 2019. Vol. 1406. P. 1–11. DOI:10.1088/1742-6596/1406/1/012003.
14. Максименко С., Макаренко В. Вклад отечественных ученых и инженеров в эксперименты CERN // Наука и инновации. 2017. № 10. С. 16–18.
15. Четвериков А.О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен (Ч. 2) // Lex Russica. 2019. № 5. С. 161–173. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.161-173.
16. Теймуров С.Э.о., Кожеуров Я.С. Организационно-правовые модели международного научно-технического сотрудничества по созданию и эксплуатации глобальной исследовательской инфраструктуры в ядерной сфере // Международное право и международные организации. 2020. № 3. С. 21–36. DOI: 10.7256/2454-0633.2020.3.33961.
17. Шугуров М.В. Санкционный режим Европейского союза в отношении российской науки // Международное право и международные организации. 2023. № 4. С. 22–45. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.4.69177.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает санкционная политика ЦЕРН в отношении российской науки. Авторы справедливо связывают актуальность выбранной ими темы с высокой продуктивностью научного сотрудничества ЦЕРН с российскими научными институтами, а также теми негативными последствиями, которые будет иметь развитие мировой науки в результате прекращения институционального взаимодействия с Россией. В качестве методологической базы авторы рецензируемой статьи декларировали некую совокупность «общенаучных методов» (кто-то ещё делает в НАУЧНЫХ, а не студенческих работах подобные заявления?), в числе которых «анализ и синтез, а также абстрагирование и обобщение»; сюда же относится «принцип дополнительности», а также «принцип диалектического развития». К перечисленным методам добавляется ещё и «системный подход», при помощи которого авторы формировали «целостную картину санкционных мер в отношении российской науки, принятых Советом ЦЕРН в совокупности с аргументами, приводимыми в их обоснование». Что даёт конкретно системный подход для формирования «целостной картины», и зачем вообще упоминать самоочевидные вещи (ведь научная статья – это не студенческая курсовая), осталось загадкой. Что же касается конкретных научных методов, то авторы указали дискурс- и мета-анализ текстов, посвящённых обсуждению антироссийской санкционной политики против научных институций; а также стохастический факторный анализ и прогностический метод с целью составления прогнозов о возникновении новых подходов в отношении антироссийских санкций и оценки потенциала научной дипломатии между ЦЕРН и Россией. К этому следует добавить ещё некий метод «моделирования», применявшийся с целью «концептуализации особенностей санкций Центра с точки зрения их содержания и механизма введения». Таковы декларации. На

деле же следов применения факторного анализа обнаружить не удалось. В тексте слово «фактор» встречается дважды: в первый раз при упоминании метода «стохастического факторного анализа», во второй раз – при цитировании документов ЦЕРН. То же касается и относительно заявленного дискурс-анализа: собственно анализа дискурса в статье нет. Традиционного для естественных наук мета-анализа, со статистическим анализом опубликованных по теме работ, в тексте также нет. Есть некое подобие литературного обзора публикаций по проблематике исследования. Но называть это мета-анализом достаточно проблематично. Реально же в процессе исследования применялись исторический и институциональный методы, а также элементы событийного анализа. А то, что авторы называли «дикурс-анализом», является методом концептуального анализа официальных документов и существенно дополняет институциональный подход. Для сравнения: авторы в декларации указали, что «дискурсивный анализ» позволил им «определить стили мышления, реализуемые в процессе оценки серии антироссийских научных санкций, введенных со стороны ЦЕРН». Но в тексте НЕТ описания и анализа стилей мышления, сами слова «стиль» и «мышление» встречаются в тексте ровно по одному разу – при упоминании метода дискурс-анализа. Зачем так делать – загадка. Непонятно, почему авторы проигнорировали те методы, которые реально применялись, и предпочли декларировать те методы, следов использования которых в работе не обнаруживается. В целом же, достаточно корректное применение институционального и событийного методов позволило авторам получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленной в процессе исследования специфике санкций ЦЕРН против российских научных организаций: субъектом введения санкционных ограничений выступает Совет ЦЕРН, а конкретные коллаборации. Кроме того, научный интерес представляет выявленная многослойность исследуемой модели санкций, а также сохраняющиеся значительные перспективы научной дипломатии. А вот обобщение авторов о негативных последствиях санкций для стороны, которая их ввела, достаточно банально. В структурном плане работа производит положительное впечатление: её логика последовательна и воспроизводит основные моменты проведённого (а не декларированного во введении) исследования. Текст разбит на 5 смысловых блоков: - «Введение», где формулируется научная проблема, обосновывается её актуальность, ставятся цель и задачи исследования, его основная гипотеза и новизна; здесь же выделен подраздел «Методология исследования», где довольно подробно описываются методы, практически никак не использовавшиеся в работе; - «1. Партнерство России и ЦЕРН в предсанкционный период: итоги и новые планы», где раскрывается история институтов сотрудничества России и ЦЕРН до момента введения антироссийских санкций; - «2. Новый виток в деятельности ЦЕРН и антироссийские санкции», где анализируются ключевые события и институты, связанные с санкциями ЦЕРН против российской науки; - «3. Негативные последствия институциональных разрывов ЦЕРН и России», где исследуются институциональные последствия принятых санкций; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования, делаются выводы и намечаются некоторые перспективы дальнейших исследований. С точки зрения стиля рецензируемую статью следует признать научной работой, выполненной в соответствии с требованиями, предъявляемыми к стилистике научных публикаций. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, некорректное выражение «оценки в форме ресурсов» в предложении «...Экспертных оценках, отраженных в форме различных интернет-ресурсов...» (корректнее было бы: «публикаций на различных интернет-ресурсах»); или не очень удачное построение предложений с нагромождениями предлога «в»: «...В рамках предметной области, в фокусе которой... санкции в отношении российской науки...»; и др.) и грамматических (например, ненужные запятые,

обособляющие выражение «прежде всего»: «...Оказалось, прежде всего, такое явление, как "цунами"...»; или несогласованное предложение «...Санкционная политика ЦЕРН привела к...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 17 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении специфики антироссийских санкций в сфере науки.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей практически всем требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая экономика». Полученные авторами результаты обладают признаками научной новизны и будут интересны для политологов, социологов науки, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Однако в работе содержится один, но очень важный недостаток: абсолютное несоответствие теоретико-методологической рефлексии работы её реальному содержанию. Публиковать научные статьи в таком виде нельзя. В связи с этим авторам можно предложить описать и аргументировать те методы, которые реально использовались в процессе исследования. После этого статью можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки: природа, особенности и последствия» является актуальной и посвящена важной для современного этапа развития международных отношений проблеме в сфере осуществления научного сотрудничества в условиях действия антироссийских санкций.

Статья представляет собой исследование, осуществленное в рамках реализации гранта Российского научного фонда и финансируемого указанным фондом.

Статья носит исследовательский характер, о чем свидетельствует избранный ее авторами подход, методологический инструментарий, материалы и источниковая база.

Статья структурирована и содержит несколько разделов, в том числе методологический раздел, в котором представлены подходы, использованные авторами при реализации исследования, методы исследования. Положительно также следует отметить сформулированный в статье дифференцированный подход к разновидностям научных санкций в зависимости от субъектов их принятия.

Авторами сформулирована гипотеза исследования, согласно которой в ее качестве выступает положение о том, что антироссийская санкционная политика ЦЕРН основана на сочетании, с одной стороны, политизированной принципиальности, с другой – предельной осмотристельности, что, по мнению авторов статьи выразилось в «растянутости» принимаемых мер во времени и их ориентированности на учет текущей геополитической ситуации.

Сформулирована новизна исследования, заключающаяся в том, что, по мнению авторов, впервые в отечественной и зарубежной литературе в системной форме проанализирован санкционный режим ЦЕРН в отношении российской науки и раскрыты его негативные последствия.

Исследование имеет свою цель и согласованные с ней задачи. Основное внимание уделено таким вопросам и проблемам как партнерство России и ЦЕРН в предсанкционный период. Подчеркивается, в частности, что стратегический характер партнерства России и Центра основан на сложении их научно-исследовательских и научно-технологических потенциалов на взаимных интересах. Это, прежде всего, возможность доступа к уникальному оборудованию, современным технологиям и научно-техническим разработкам мирового уровня.

Это также анализ негативных последствий институциональных разрывов ЦЕРН и России. В статье использованы различные источники и научная литература, в том числе, научные статьи зарубежных авторов в ведущих научных журналах мирового уровня. Достойна сожаления ситуация, когда зарубежными авторами употребляется негативное слово «вторжение» (англ. Invasion) в заголовках своих статей, когда речь идет о СВО. Однако, это обстоятельство, с другой стороны, как раз и характеризует сложившееся негативное состояние дел в результате разрыва научного взаимодействия России и ЦЕРН.

Статья написана понятным языком и способна вызвать читательский интерес у широкой аудитории.

По результатам проведенного исследования авторами сформулированы необходимые выводы и его результаты вносят свой вклад в развитие теории научных санкций.

В целом, считаем, что рецензируемая научная статья соответствует требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ и она может быть рекомендована для ее опубликования в искомом научном журнале.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Чипизубова П.А. — Влияние внешних акторов на динамику памирского кризиса 2018-2022 гг // Мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 57 - 68. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.44035 EDN: JFQWHR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44035

Влияние внешних акторов на динамику памирского кризиса 2018-2022 гг

Чипизубова Полина Андреевна

студент, кафедра мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО); 119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

119454, Россия, город Москва, г. Москва, ул. Вернадского, 76, корп. В

✉ chip-polina2002@mail.ru

[Статья из рубрики "Вызовы и угрозы международной безопасности"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.44035

EDN:

JFQWHR

Дата направления статьи в редакцию:

15-09-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Несмотря на то, что Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО), в журналистском дискурсе часто называемая Памиром, уже не первый десяток лет переживает турбулентные времена, эксперты, занимающиеся данной проблематикой, сходятся во мнении, что на последнем этапе кризиса курс центральной власти в отношении беспорядков на Памире беспрецедентно ужесточился. Гипотеза автора состоит в том, что одна из главных причин этого тренда состоит в изменении конфигурации интересов внешних акторов. В связи с этим исследовательский вопрос данной работы: «Какое влияние оказали ключевые внешние акторы на динамику памирского кризиса 2018-2022 гг.?». Методологическая база исследования включает в себя критический анализ первичных и вторичных источников, кейс-стади, сравнительный анализ. Научная новизна исследования заключается в том, что данная

тема остается весьма маргинальной и малоизученной как в России, так и за рубежом, а в Таджикистане зачастую является табуированной. Еще одним фактором, препятствующим выходу данной темы с периферии научного знания, является труднодоступность достоверных источников информации. По результатам исследования автор приходит к выводу, что памирский кризис – крайне многофакторный конфликт, который становится все более интернационализированным. ГБАО – это крайне ресурсоемкий и перспективный для освоения регион, который граничит с Афганистаном и с китайским СУАР, в котором нерешенными остаются проблемы терроризма, сепаратизма и экстремизма. Все это делает Памир точкой переплетения интересов различных внешних игроков в сфере экономики, безопасности и ВПК и ставит динамику внутреннего кризиса в ГБАО в зависимость от конфигурации этих интересов.

Ключевые слова:

Г Б А О , Центральная Азия, сепаратизм, Китай, Россия, США, Евросоюз, неправительственные акторы, Таджикистан, постсоветское пространство

Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО), в журналистском дискурсе часто называемая Памиром – регион в Таджикистане, который занимает почти половину территории страны, однако проживает в нем около 3,2% населения. ГБАО – специфический регион, кардинально отличающийся от остальной части государства по ряду причин. Во-первых, ГБАО расположена в труднодоступных условиях высокогорья, что способствовало длительной изоляции этого региона, предопределив не только обособленность культуры, быта, языка, религии, идентичности, но и отставание в социально-экономическом развитии. Во-вторых, большая часть населения ГБАО исповедует исмаилизм – одно из шиитских направлений ислама с элементами доисламских традиций, в связи с чем суннитское большинство Таджикистана на бытовом уровне воспринимает памирцев как еретиков, что порождает их маргинализацию [\[1\]](#). Кроме того, во время гражданской войны в Таджикистане 1992-1997 гг. памирцы преимущественно выступали на стороне Объединенной оппозиции, в итоге потерпевшей поражение. Несмотря на попытки президента Таджикистана Эмомали Рахмона в течение последних 20 лет построить сильную вертикаль власти, полностью подчинить ГБАО не удается, во многом из-за традиционно значимой роли в регионе местных неформальных лидеров, «авторитетов». Все эти факторы предопределили напряженные взаимоотношения правительства Рахмона и Горного Бадахшана, которые в новейшей истории несколько раз перетекали в вооруженное насилие.

Первой масштабной вспышкой насилия стал так называемый Хорогский кризис 2012 г., спровоцированный убийством представителя центральной власти на Памире. Правительство возложило вину за инцидент на местные криминогенные группировки и начало специальную операцию, в результате которой погибло по разным оценкам от 65 до 150 человек, из которых до 100 – мирные жители (доступ к достоверной информации ограничен) [\[2\]](#). Конфликт удалось урегулировать через переговоры с местными лидерами не без вмешательства духовного лидера исмаилитов – имама Ага Хана IV – и его приближенных (в частности, Ёдгора Файзова). Следующее обострение отношений произошло в 2014 г.: предположительно с целью устранения группы наркоторговцев таджикистанские силовики начали перестрелку в центре Хорога, в результате которой также пострадали и погибли мирные жители. Инцидент вызвал антиправительственные протесты, которые переросли в вооруженные столкновения с правительственными

силами [\[3\]](#).

В 2018 году Памир накрыла новая волна протестов в связи с усилением военного присутствия в регионе и жесткой риторикой Рахмона [\[4\]](#). В ответ на волнения власти начали новую специальную операцию, что вызвало страх и недовольство со стороны местных жителей, выраженных в петиции [\[5\]](#). Возобновилась кампания по преследованию несогласных: часть авторитетов была снята с должностей, часть погибла при смутных обстоятельствах; имели место периодические задержания памирцев без прочной обвинительной базы и участие сил безопасности Душанбе в перестрелках с местными, что вылилось в ряд вооруженных восстаний. В этот раз в урегулировании конфликта ключевую роль вновь сыграл Ёдгор Файзов, ранее в 2018 году назначенный Рахмоном на должность главы региона [\[6\]](#).

Однако в новом витке развития данного кризиса, начиная с 2021 г., ситуация стала складываться по-другому. Новым поводом для конфликта стала гибель памирца по имени Гулбиддин Зиёбеков при невыясненных обстоятельствах во время задержания [\[7\]](#). Помимо того, Файзов был смещен с поста, и на его место пришло доверенное лицо Рахмона – выходец из разведки. Вновь возросло военное присутствие в регионе, были перекрыты связь и интернет. Во время мирных протестов перед зданием администрации по толпе был открыт огонь, в результате чего десятки протестующих получили ранения, и минимум трое погибли [\[8\]](#). В 2022 давление на ГБАО только усилилось: по данным независимых СМИ [\[9\]](#) [\[10\]](#), для подавления протестов (которые, по заявлению местных жителей, были мирными) в ГБАО был направлен спецназ, применялись огнестрельное оружие и слезоточивый газ, а протестующие в СМИ представлялись как «участники ОПГ». Многие местные СМИ отказались освещать протесты из-за прямых угроз со стороны центральной власти [\[11\]](#) [\[12\]](#). Согласно местным источникам, с небывалой интенсивностью (около 700 ордеров менее чем за год) производились аресты не только самих местных лидеров, но и их родственников, коллег; многие подвергались пыткам [\[13\]](#). Также службы безопасности опубликовали послание одному из авторитетов, пограничнику полковнику Мамадбокирову («Бокиру») [\[14\]](#), в котором содержались угрозы об убийстве заложников в случае, если тот не откроет дорогу через Бар-Хорог; и, несмотря на то, что требование было выполнено, Мамадбокиров был убит, что только усугубило трения местных с властью. Подавляющее большинство экспертов, занимающихся данной проблематикой, сходятся во мнении, что на последнем этапе кризиса курс Рахмона в отношении беспорядков на Памире беспрецедентно ужесточился. Гипотеза автора состоит в том, что одна из главных причин этого тренда – в изменении конфигурации интересов внешних акторов. В связи с этим исследовательский вопрос данной работы: **«Какое влияние оказали ключевые внешние акторы на динамику памирского кризиса 2018-2022 гг.?»**.

Россия. Россию с Таджикистаном связывают крепкие исторические, культурные, экономические связи, они являются союзниками по ОДКБ и ШОС, поэтому заинтересованность России в стабильном Таджикистане очевидна. Вопрос был лишь в том, как Россия видит эту стабильность. На начальном этапе данного витка кризиса ряд экспертов выражали надежду [\[15\]](#), что Россия выступит посредником между правительством Рахмона и протестующими ГБАО, учитывая особые исторические связи России с памирским народом [\[16\]](#). Эта надежда подкреплялась тем, что, по некоторым источникам, должностные лица РФ провели ряд встреч с памирцами [\[17\]](#). До 2022 г. высшие чиновники РФ не делали публичных заявлений с оценкой ситуации в ГБАО, но на

практике оказывали содействие центральным властям, что проявлялось, например, в выдаче Таджикистану членов памирской диаспоры в России (даже с российским гражданством^[18]). После встречи президента В.В. Путина с Эмомали Рахмоном 16.05.2022^[19] российский курс вышел в публичное поле: представитель МИД России на брифинге осудила памирских «экстремистов»^[20]. Рассмотрим ключевые факторы, предопределившие российскую позицию. Решающим стал, очевидно, украинский фактор: в актуальных геополитических условиях России важно сохранить дружественные отношения с Таджикистаном, следовательно, с Рахмоном. На международных площадках Таджикистан не поддержал две резолюции ООН по Украине^{[21] [22]}, а также выступил против исключения России из Совета по правам человека ООН^[23]. Поддержка Рахмона в памирском кризисе – своеобразная «плата» России за солидарность. Рахмон, в свою очередь, воспользовался занятостью мирового сообщества Украиной для реализации жесткого курса в ГБАО. Кроме того, в Таджикистане располагается крупнейшая 201-я военная база ЦВО ВС России, откуда, согласно некоторым источникам, Россия на данный момент вынуждена перебрасывать часть войск на Украину, тем самым «оголяя» южные рубежи^[24]. С этим связан второй важнейший фактор – афганский: на фоне прихода к власти в Афганистане Талибана* и вывода американских войск резко обостряются транснациональные угрозы, такие как терроризм и наркотрафик. Через территорию Памира проходит дорога Бар-Хорог, также называемая «Героиновым шоссе», по которой из Афганистана в Центральную Азию (ЦА), Россию и Европу идут героин, метамфетамин и опиаты. Перспектива попадания данного маршрута под контроль экстремистов представляется прямой угрозой национальной безопасности России, поэтому для нее выгоднее ужесточение контроля Рахмона над ГБАО. Также России необходимо поддерживать дружественные отношения с Таджикистаном, чтобы не допустить полного его перехода в зону влияния Китая, который активно наращивает экспансию в регионе. Более того, в случае дестабилизации таджикско-афганской границы РФ пришлось бы встать на сторону Таджикистана и публично осудить афганское правительство, что ухудшило бы отношения с Талибаном*, что нежелательно для России с учетом ее балансирующего курса.

Китай. Изначально интересы Китая в ГБАО были преимущественно экономическими: во-первых, через Памир проходит стратегически важный торговый путь, Памирский тракт, контроль над которым необходим для Китая. Интересно, что после волны преследования местных авторитетов в 2022 г. было объявлено о китайском финансировании капитального ремонта Памирского тракта в размере 200 млн \$^[25]. Во-вторых, Китай рассматривает Таджикистан и, в частности, Памир как легкий источник ресурсов, в связи с чем в геометрической прогрессии растут ПИИ КНР в Таджикистан (в 2010 году ПИИ Китая были примерно на одном уровне с Россией, а уже в 2020 они превышали российские в 10 раз^[26]). В-третьих, Китай является крупнейшим кредитором Таджикистана (1,2 млрд \$, большая часть которых была потрачена на масштабные инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Пояс и путь»^[27]), и, по оценкам экспертов, Таджикистан не в состоянии выплатить этот долг в обозримом будущем. Существует распространенное мнение^[17, 25] (близкое к теории заговора, однако имеющее ряд эмпирических доказательств), что между главами Таджикистана и Китая есть негласная договоренность, что Китай не будет требовать возвращения долга взамен на права на «освоение» Памира – реструктуризация долга, граничащая с неокOLONIALИЗМом. Эта теория подтверждается, в частности, массовым строительством Китаем дорог и инфраструктурных проектов на Памире на свои деньги и с использованием своих рабочих; передачей памирских серебряных месторождений «во

временное пользование» КНР [\[28\]](#), а также слухами о том, что на территории ГБАО с 2016 г. находится секретная китайская военная база (власти эту информацию опровергают) [\[29\]](#). Военное сотрудничество между КНР и Таджикистаном также активизировалось в последние годы. Например, в 2022 г. правительства стран подписали соглашение, согласно которому КНР и Таджикистан не реже раза в год будут проводить совместные учения в ГБАО [\[29\]](#). Кроме того, ГБАО выступает для Китая неким буфером в вопросе радикальных исламистских образований, поскольку граничит с Синьцзян-Уйгурским автономным районом – крайне проблемным для КНР регионом. Уйгурские боевики, представляющие угрозу для внутренней стабильности, орудуют на территории Афганистана, а также в Сирии и Ираке; и для Китая важно не допустить их возвращения в КНР через Таджикистан [\[15\]](#). Более того, в отношении того же СУАР для китайских властей крайне остро стоит проблема сепаратизма и экстремизма, поэтому Китаю важно пресекать любые потенциальные проявления этих феноменов, в том числе на Памире.

США и ЕС. После вывода американских войск из Афганистана в 2021 г. влияние США и в целом Запада в Центральной Азии ощутимо снизилось, как и заинтересованность в регионе. Очевидно, что западные страны отслеживают развитие ситуации в ЦА и в конфликтах между авторитарными лидерами и протестующими, борющимися за права человека, и встают на сторону последних, поскольку это коррелирует с общей западной внешнеполитической повесткой. Однако на примере памирского кризиса можно наблюдать, что США и ЕС выражают свою поддержку скорее на уровне публичных заявлений, нежели оказывают реальное содействие памирцам. Так, в марте 2022 г. Посольство США в Таджикистане в публикации в социальной сети Twitter выразило обеспокоенность массовой блокировкой интернета в ГБАО [\[30\]](#). В мае 2022 г. было опубликовано совместное заявление представительства ЕС в Таджикистане и посольств Франции, Германии, США и Великобритании к призывам к скорейшей деэскалации, уважению прав человека и соблюдению принципа верховенства закона [\[31\]](#). В том же месяце на сайте Посольства Швейцарии в Таджикистане появилось заявление с подобным посылом [\[32\]](#). В июле 2022 г. Европарламент принял резолюцию [\[33\]](#) с призывом немедленно инициировать справедливое расследование совершенного насилия, освободить неправоммерно задержанных журналистов и гражданских активистов. Путем вывода войск из Афганистана США фактически сняли с себя ответственность за поддержание стабильности в регионе и переложили это бремя на других внешних акторов, главным образом на Китай [\[34\]](#). Несмотря на то, что Соединенные Штаты продолжают продвигать свои инициативы в ЦА (Новый Шелковый путь, CASA-1000 и др. [\[35\]](#)), на данный момент их присутствие в регионе уступает китайско-российскому, что отражается на динамике внутрирегиональных процессов. Главным рычагом влияния США на Таджикистан сейчас выступают антироссийские санкции [\[27\]](#), которые деструктивно влияют на таджикстанскую экономику, в том числе способствуя подрыву внутренней стабильности и авторитета Рахмона.

ООН. ООН также привлекала внимание международного сообщества к обострению кризиса в ГБАО. В мае 2022 г. представитель Генерального Секретаря выразил озабоченность вспышками насилия на Памире и призвал к мирному урегулированию ситуации [\[36\]](#). Днем позже специальный докладчик ООН по вопросам меньшинств призвал правительство Таджикистана прекратить «репрессии против памирского меньшинства». Однако, как отметил докладчик, предыдущие предостережения со стороны ООН не были услышаны, и правительство Таджикистана не ответило на письмо

ООН, содержащие рекомендации по деэскалации [37].

НПО. На события в ГБАО остро отреагировали международные неправительственные правозащитные организации. В частности, организация Human Rights Watch опубликовала подробный разбор ситуации [38] на Памире и публично осудила правительство Таджикистана [39]. Организация Genocide Watch также обратила внимание на эскалацию в ГБАО и вынесла предупреждение Таджикистану, а также дала ряд рекомендаций международному сообществу, среди которых формирование на Памире мониторинговой миссии ООН и ослабление антироссийских санкций, поскольку они негативно сказываются на жизни памирцев в том числе [40]. Группа европейских правозащитных организаций выпустила еще одно заявление [41], в котором выдвинула ряд требований к правительству Таджикистана, среди которых прекращение насилия, допуск НПО на территорию ГБАО для оказания помощи пострадавшим, прекращение давления на СМИ и т.д. Однако на данном этапе доступ МНПО и СМИ к событиям на Памире остается крайне ограниченным, продолжается жесткое подавление протестов, ведутся судебные процессы в отношении журналистов и активистов.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что памирский кризис – крайне многофакторный конфликт, который становится все более интернационализированным. ГБАО – это крайне ресурсоемкий и перспективный для освоения регион, который граничит с Афганистаном, управляемым террористическим режимом, и с китайским СУАР, в котором нерешенными остаются проблемы терроризма, сепаратизма и экстремизма. Все это делает Памир точкой переплетения интересов различных внешних игроков в сфере экономики, безопасности и ВПК и ставит динамику внутреннего кризиса в ГБАО в зависимость от конфигурации этих интересов. После вывода американских войск из Афганистана влияние США и их союзников в регионе заметно снизилось, и образовавшийся «вакуум силы» был планомерно заполнен Китаем и частично Россией, что поспособствовало ужесточению курса правительства Таджикистана в отношении Памира. И Китаю, и России важно, чтобы их союзник в лице Рахмона удержал контроль над данной областью – для Китая на первый план выходят её ресурсный потенциал, стратегическая важность для проекта «Пояс и путь», наличие буферной зоны между Китаем и исламистскими боевиками из СУАР и Афганистана, контроль над торговыми путями. России на данный момент, прежде всего, необходимо сохранить солидарность Таджикистана на международной арене в связи со специальной военной операцией на Украине, сдерживать всплеск наркотрафика и терроризма на границе с Афганистаном, поддерживать военно-техническое сотрудничество с Таджикистаном и при этом избежать обострения отношений с Талибаном*. В связи с этим, а также на фоне снижения присутствия США в Центральной Азии и общей занятостью мирового сообщества украинским конфликтом, современный этап памирского кризиса ознаменовался беспрецедентным уровнем насилия и вседозволенности со стороны центральной власти.

Влияние последних событий памирского кризиса на интеграционные процессы в регионе неочевидны. На первый взгляд, тот факт, что две сильнейшие державы региона, Китай и Россия, в данном кризисе встали на сторону правительства Таджикистана, и их интересы, в целом, совпали, должен способствовать усилению интеграции ЦА с Россией и Китаем. Кризис в ГБАО показал, что эти страны преследуют схожие стратегические цели: противостояние терроризму, экстремизму и терроризму (можно считать общей экзистенциальной угрозой), вытеснение западного влияния из региона, укрепление безопасности и стабильности. Кроме того, оказанная Таджикистану Китаем и Россией

поддержка должна стать веским аргументом в их пользу в вопросе продолжительных «метаний» центральноазиатских государств между западным и восточным «лагерями», что также может подвигнуть государства ЦА к активизации евразийской интеграции. Однако если рассматривать соотношение интересов государств и их видения интеграции на более глубоком уровне, можно заметить ряд серьезных противоречий. Интеграционный формат, в которых входят и Китай, и Россия, и страны ЦА, и который, по идее, должен активнее развиваться ввиду консолидации интересов участников – это ШОС. При этом Китай в последнее время все больше теряет интерес к этому формату, делая ставку на двусторонние отношения, поскольку Китай воспринимает ШОС как преимущественно экономический инструмент, а Россия – как политический. Вместо этого Китай активно продвигает собственную инициативу «Пояс и путь» и различные его ответвления, в частности, «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Несмотря на сопряжение ЕАЭС и ЭПШП^[35], фактически эти проекты являются конкурирующими. Таджикистан, несмотря на длительные переговоры, не спешит присоединяться к ЕАЭС, хотя, по мнению многих аналитиков^[42], это ведет лишь к убыткам и усилению зависимости от Китая. Тем не менее, маловероятно, что реакция России на Памирский кризис склонит Таджикистан к входу в ЕАЭС в ближайшее время – Россия, вероятно, даже не выдвигала этого условия, поскольку в приоритете сейчас сохранение дружественного нейтралитета Таджикистана по украинскому вопросу. Следующее противоречие в российско-китайских интересах в ЦА состоит в том, что Китай использует ситуацию в ГБАО в том числе для того, чтобы обеспечить себе легкий доступ к углеводородам (как из Таджикистана, так и с Ближнего Востока), что может снизить потребность Китая в российских энергоресурсах. Этот фактор, вкупе с экономической экспансией Китая в ЦА в целом, заставляет Россию с осторожностью участвовать в интеграционных форматах с Китаем, чтобы не утратить свое влияние в регионе. Многие исследователи сходятся во мнении^[35], что между Китаем и Россией существует некое разделение сфер влияния в Центральной Азии – Китай ответственен за экономику, а Россия – за вопросы безопасности, важно сохранить эту сферу влияния и сдерживать китайское военное присутствие в регионе. Особую актуальность в этой связи приобретает военно-техническая кооперация с Таджикистаном и другими странами ЦА в рамках ОДКБ. В то же время на уровне населения Таджикистана и Памира в частности действия Китая вызывают массовую обеспокоенность, потому что 1). ни их правительство, ни власти Китая не информируют население в достаточной степени, и у населения возникает ощущение «оккупации», учитывая, что все китайские проекты осуществляются с использованием китайского оборудования и китайской рабочей силы; 2). население осознает, что главными бенефициарами от реализуемых проектов становятся элиты Таджикистана, а не простые люди. К России отношение было традиционно скорее положительным благодаря историческим и культурным связям, однако в последнее время заметен обратный тренд^[17], в том числе из-за реакции России на памирский кризис (и депортации членов памирской диаспоры). Эти факторы препятствуют углублению интеграции на уровне идентичности. Таким образом, представляется, что итоги памирского кризиса 2018-2022 гг. могут дать толчок к ситуативной консолидации интересов стран региона и кратковременной активизации интеграции, однако едва ли это даст устойчивые результаты в долгосрочной перспективе из-за большого количества сохраняющихся фундаментальных противоречий. Более того, жесткое подавление волнений на Памире не устранило их источник, а лишь создало предпосылку для дальнейшей дестабилизации обстановки, которая может перекинуться и на другие страны региона и оказать деструктивное влияние на интеграционные процессы.

* запрещенная в России террористическая организация

Библиография

1. Маргулис С.Б. Факторы радикализации ислама в постсоветском Таджикистане // Вестник Омского университета. – 2020. – №4(28). – С. 121-130. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44420762> (дата обращения: 27.11.2022).
2. Русская служба BBC News . Таджикистан: десятки погибших в боях у города Хорог. – 2012. – URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/07/120723_tajic_khorog_assault (дата обращения: 27.11.2022).
3. ИА Радио Аззатык (признано иноагентом на территории РФ). Что происходит в Горном Бадахшане? – 2014. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/stolknovenia-v-gornom-badakhshane/25405422.html> (дата обращения: 27.11.2022).
4. Информационный портал Eurasianet. Таджикистан: власти делают резкие заявления о ГБАО, усиливая напряженность. – 2018. – URL: <http://surl.li/dvjbe> (дата обращения: 27.11.2022).
5. Портал петиций Change.org. Обращение выходцев из ГБАО в поддержку мира на Памире. – 2018. – URL: <http://surl.li/dvjbh> (дата обращения: 27.11.2022).
6. ИА Фергана. Семь самураев. Рахмону удалось подтвердить свою власть над Памиром. – 2018. – URL: <https://fergananews.com/articles/10257> (дата обращения: 27.11.2022).
7. ИА Pamir Daily News. В Хороге митинг. Прямо сейчас там идет перестрелка. – 2021. – URL: <http://surl.li/dvjxe> (дата обращения: 27.11.2022).
8. ИА Медиазона (признано иноагентом на территории РФ). Когда у мира горит крыша. Горный Бадахшан уже 30 лет сопротивляется попыткам властей Таджикистана «навести порядок» в регионе. – 2021. – URL: <https://mediazona.ca/article/2021/12/03/pamir> (дата обращения: 27.11.2022).
9. ИА Медиазона (признано иноагентом на территории РФ). Памир встал за земляка. Властям Таджикистана пришлось отправить войска и спецназ на подавление протестов в Горном Бадахшане. – 2022. – URL: <https://mediazona.ca/article/2022/05/19/khorugh> (дата обращения: 27.11.2022).
10. Публикация в телеграм-канале [pamirdailynews](https://t.me/pamirdailynews). – 2022. – URL: <https://t.me/pamirdailynews/654> (дата обращения: 27.11.2022).
11. ИА Коммерсантъ. Тлеющий таджикский регион задымил протестами. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5356110> (дата обращения: 27.11.2022).
12. Media Group Asia-Plus Tajikistan. Заявление редакции «Азия-Плюс» о ситуации в ГБАО – 2022. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20220517/zayavlenie-redaktsii-aziya-plyus-o-situatsii-v-gbao>
13. ИА Pamir Daily News. Open Democracy: Убийство, потрясшее Памир до глубины души. – 2022. – URL: <http://surl.li/dvjja> (дата обращения: 27.11.2022).
14. Media Platform OpenDemocracy. Suzanne Levi-Sanchez. The assassination that shook the Pamir Mountains to the core. – 2022.-URL: <https://inlnk.ru/ELMEJN> (дата обращения: 27.11.2022).
15. The International Crisis Group Report. Борьба за власть в ГБАО. – 2018.-URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan> (дата обращения: 27.11.2022).
16. Проект института по освещению войны и мира CABAR.Asia. Роль России на Памире: игрок или наблюдатель? – URL:<https://cabar.asia/ru/rol-rossii-na-pamire-igrok-ili>

- nablyudatel (дата обращения: 27.11.2022).
17. Central Asia Expert Program. Expert Interview. The reasons behind a new wave of violence in the Pamirs. – 2022. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPYUgGurL8w> (дата обращения: 27.11.2022).
 18. Проект института по освещению войны и мира CABAR.Asia. Результаты спецоперации на Памире: главные акторы и дальнейшее развитие. – 2018. – URL: <https://cabar.asia/ru/rezultaty-spetsoperatsii-na-pamire-glavnye-aktory-i-dalnejshee-razvitie> (дата обращения: 27.11.2022).
 19. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. Встреча с Президентом РФ Владимиром Путиным. – 2022. – URL: <http://president.tj/ru/node/28332> (дата обращения: 27.11.2022).
 20. Официальный сайт МИД России. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 18 мая 2022 года – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813888/#38 (дата обращения: 27.11.2022).
 21. Официальный сайт ООН. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Гуманитарные последствия агрессии против Украины» – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1420532> (дата обращения: 27.11.2022).
 22. Официальный сайт ООН. Генассамблея ООН потребовала от России «немедленно» вывести свои войска из Украины. – 2022. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419092> (дата обращения: 27.11.2022).
 23. Официальный сайт ООН. UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council. – 2022. – URL: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (дата обращения: 27.11.2022).
 24. Русская служба The Moscow Times. Готовились к защите от исламистов, а оказались в Украине. Как «спецоперация» оголяет южный фланг России. – 2022. – URL: <https://www.moscowtimes.ru/2022/05/05/gotovilis-k-zaschite-ot-islamistov-a-okazalis-v-ukraine-kak-spetsoperatsiya-ogolyaet-yuzhnii-flang-rossii-a20134> (дата обращения: 27.11.2022).
 25. Независимая Газета. Пекин осваивает Горный Бадахшан. – 2019. – URL: https://www.ng.ru/cis/2019-10-31/5_7717_tajikistan.html (дата обращения: 27.11.2022).
 26. Официальный сайт Национального банка Таджикистана. Платежный баланс Республики Таджикистан. – 2022. – URL: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/> (дата обращения: 27.11.2022).
 27. United States Institute of Peace. Russia's Ukraine War Weighs Heavily on Tajikistan – 2022. – URL: <https://www.usip.org/publications/2022/05/russias-ukraine-war-weighs-heavily-tajikistan> (дата обращения: 27.11.2022).
 28. ИА Сары-Кол. Восточный Памир. Таинственный Якчилва. – 2019. – URL: <http://www.sary-kol.ru/stati/pamir/tainstvennyi-ak-zhylga-iakchilva--radio-ozodi-stali-izvestny-detali-sdelki-dushanbe-s-kitaiskoi-kompaniei.html> (дата обращения: 27.11.2022).
 29. ИА Pamir Daily News. Военные учения не реже одного раза в год. Новое соглашение между Таджикистаном и Китаем. – 2022. – URL: <https://inlnk.ru/0QJeyz> (дата обращения: 27.11.2022).
 30. Radio Free Europe (признано иноагентом на территории РФ). U.S. Embassy In Tajikistan Concerned Over Internet Blockage In Gorno-Badakhshan. – 2022. – URL: <https://www.rferl.org/a/tajikistan-internet-gorno-badakhshan-us-embassy/31756611.html> (дата обращения: 27.11.2022).

31. Официальный сайт Посольства США в Таджикистане. Совместное заявление о событиях в ГБАО. – 2022. – URL: <https://clck.ru/32ng9z> (дата обращения: 27.11.2022).
32. Официальный сайт посольства Швейцарии в Таджикистане. Internal tensions and violent clashes in the Gorno-Badakhshan Autonomous region. – 2022. – URL: <https://www.eda.admin.ch/countries/tajikistan/en/home/news/news.html/content/countries/tajikistan/en/meta/news/2022/May/internal-tensions> (дата обращения: 27.11.2022).
33. Официальный сайт Европарламента. The situation in Tajikistan's Gorno-Badakhshan Autonomous Province. – 2022. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0293_EN.pdf (дата обращения: 27.11.2022).
34. Безруков Алексей Эдуардович, Иванов Константин Александрович, Чимирис Екатерина Сергеевна. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ВНЕШНИХ АКТОРОВ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-protsessy-v-tsentralnoy-azii-stolknovenie-interesov-vneshnih-aktorov/viewer> (дата обращения: 27.11.2022).
35. Торопыгин А.В., Мендагазиев А.Е. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ИНТЕРЕСОВ США, КИТАЯ И РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. №3 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimozavisimost-interesov-ssha-kitaya-i-rossii-v-tsentralnoy-azii/viewer> (дата обращения: 27.11.2022).
36. Официальный сайт ООН. Daily Press Briefing by the Office of the Spokesperson for the Secretary-General. – 19.05.2022. – URL: <https://press.un.org/en/2022/db220519.doc.htm> (дата обращения: 27.11.2022).
37. Официальный сайт ООН. Эксперт ООН встревожен репрессиями против памирского меньшинства в Таджикистане. – 20.05.2022. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1424272> (дата обращения: 27.11.2022).
38. Human Rights Watch (на территории РФ признана иноагентом). Tajikistan: Stop Abusing Autonomous Region Protesters. – 2022. – URL: <https://www.hrw.org/news/2022/05/26/tajikistan-stop-abusing-autonomous-region-protesters> (дата обращения: 27.11.2022).
39. Human Rights Watch (на территории РФ признана иноагентом). Таджикистан: Несогласным из Горного Бадахшана не обеспечивается право на справедливый суд. – 2022. – URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2022/08/23/tajikistan-autonomous-region-protesters-denied-fair-trials> (дата обращения: 27.11.2022).
40. Genocide Watch (на территории РФ признана иноагентом). Genocide Watch:Tajikistan. – 2022. – URL: <https://www.genocidewatch.com/single-post/genocide-watch-tajikistan> (дата обращения: 27.11.2022).
41. Правозащитная группа НГО Civil Rights Defenders. NGOs Call on the Tajikistani Authorities to Respect International Law. – 2022. – URL: <https://crd.org/2022/05/24/ngos-call-on-the-tajikistani-authorities-to-respect-international-law/> (дата обращения: 27.11.2022).
42. Sputnik Таджикистан (на территории РФ признана иноагентом). Муки выбора: почему Таджикистан не спешит вступить в ЕАЭС и чем это грозит. – 2022. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220620/tajikistan-eaeu-vstuplenie-plyusy-minusy-1049353915.html> (дата обращения: 27.11.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является крайне важная на сегодняшний день проблема вмешательства внешних акторов во внутривнутриполитические кризисы различных стран на примере Памирского кризиса 2018–2022 гг. в Таджикистане. В научной и особенно в публицистической литературе последних двух десятилетий много писалось о технологиях «цветных революций», теориях «управляемого хаоса» и прочих концепциях, общим местом которых является стремление выявить влияние внешних акторов в качестве инициатора и/или катализатора внутривнутриполитических кризисов. Поэтому научная актуальность выбранной автором темы для изучения не вызывает сомнений. К сожалению, автор не дал себе труда должным образом отрефлексировать теоретико-методологические основания собственного исследования. Но из контекста можно понять, что кроме традиционных для подобного рода работ исторического и институционального методов применялись конфликтологический процессуально-динамический метод, а также ивент-анализ и элементы реализма в исследовании международных отношений. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленных интересах вовлечённых в Памирский кризис акторов, а также основных факторах, влияющих на динамику этих интересов. Научное значение имеет также вывод автора о прогрессирующей интернационализации исследуемого кризиса, а также связи его динамики с конфигурацией интересов внешних игроков. Правда, не все выводы автора можно считать научно обоснованными и достоверными. В частности, довольно легковесными выглядят рассуждения о существовании предполагаемой негласной договорённости между главами Таджикистана и Китая о реструктуризации долга взамен на право освоения Памира. Несмотря на то, что это предположение укладывается в общую логику действия Китая как в целом ряде африканских стран, так и в других регионах (фактическое закабаление правительств этих стран посредством раздачи неподъёмных для них кредитов в обмен на политическую лояльность и экономическую экспансию посредством проникновения в страну китайского капитала), тем не менее, каждое такое утверждение нуждается в специальном доказательстве. Впрочем, автор и сам признаёт, что указанное предположение «близко к теории заговора, однако имеет ряд эмпирических доказательств».

В структурном плане работа также не вызывает серьёзных нареканий: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Статья состоит из трёх основных разделов: вводной части, основной и заключительной. Во вводной части работы ставится научная проблема, кратко описывается история и предыстория Памирского кризиса, формулируется научный вопрос исследования и авторская гипотеза. После этого следует анализ роли и интересов каждого из вовлечённых в конфликт внешних акторов: России, Китая, США, ЕС, ООН, а также различных международных неправительственных организаций (НПО). В «Заключении» резюмируются основные результаты проведённого исследования, делаются выводы и намечаются некоторые прогнозы.

Стиль работы научный; в статье имеются некоторые стилистические проблемы, касающиеся в основном оформления текста (например, в нумерованных списках автор по непонятной причине использует одновременно и скобку, и точку: «1).»; кроме того, автор неверно ставит значок доллара: «200 млн \$», «1,2 млрд \$», в то время как

правильно было бы так: «\$200 млн», «\$1,2 млрд»; и др.). В тексте встречается также незначительное количество мелких грамматических погрешностей (например, несогласованное предложение «...Правительство Таджикистана не ответило на письмо ООН, содержащее рекомендации по деэскалации»; или лишняя запятая перед присоединительной конструкцией после вводного выражения «в частности»: «Китай рассматривает Таджикистан и, в частности, Памир как...»; и др.), однако в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 42 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части обсуждения различных факторов вовлечения России, Китая и др. стран и организаций в Памирский кризис.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью следует квалифицировать в качестве научного исследования, соответствующего основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты обладают признаками научной новизны и будут представлять интерес для политологов, конфликтологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Аветисян А.А. — Особенности внешней культурной политики Итальянской Республики в странах постсоветского пространства (на примере итало-узбекских отношений) // Мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 69 - 81. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.69195 EDN: JLFRDA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69195

Особенности внешней культурной политики Итальянской Республики в странах постсоветского пространства (на примере итало-узбекских отношений)

Аветисян Альвина Александровна

аспирант, кафедра итальянского языка ФИЯР, Московский Государственный Университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ alvinaavetisyan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Международный имидж государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.69195

EDN:

JLFRDA

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является деятельность акторов внешней культурной политики Итальянской Республики в рамках ее курса по продвижению национальной культуры и формированию соответствующего образа государства у мирового сообщества. Объектом исследования в настоящей статье можно считать деятельность Итальянской Республики в рамках внешней культурной политики по продвижению позитивного образа страны в Узбекистане как стране постсоветского пространства. Статья нацелена на выявление основных ресурсов «мягкой силы» со стороны Италии в области международного сотрудничества в рамках внешней культурной политики, в силу того, что сегодня, в условиях глобальной взаимозависимости акценты в рамках курса внешней политики государства смещаются в

сторону вызова политического интереса к стране посредством механизмов «мягкой силы». При использовании общенаучных методов анализа и синтеза информации, наблюдения, систематизации, классификации, интерпретации и прогнозирования детальному рассмотрению подвергаются продвигаемые составляющие итальянской национальной культуры, набор проводимых мероприятий официальными акторами итальянской внешней культурной политики в Узбекистане, их тематика и характер, а также оцениваются особенности выбора платформ для распространения ресурсов «мягкой силы» Италии. Новизна исследования заключается в том, что оно позволяет рассмотреть деятельность официальных акторов итальянской культурной политики на примере одной из стран Востока и Азии, куда с началом нового десятилетия XXI века активно смещается вектор международных отношений и, в частности, культурной дипломатии и применения механизмов "мягкой силы". В статье выявляются основные направления итальянской культурной дипломатии в Узбекистане и проводится анализ того, насколько универсален подход Итальянской Республики в выборе ресурсов и каналов для продвижения национальной культуры за рубежом. В связи с полученными выводами выявляются составляющие образа страны, которые продвигаются итальянской стороной во внешней культурной политике, направленной на Узбекистан, что позволяет также оценить перспективы работы в области продвижения ресурсов «мягкой силы» Италии, формирующие позитивный образ Италии в странах постсоветского пространства, в частности, в Узбекистане.

Ключевые слова:

Внешняя культурная политика, культурная дипломатия, продвижение национальной культуры, международное сотрудничество, итало-узбекские отношения, Итальянская культура, Мягкая сила, Средняя Азия, Узбекистан, геобрендинг

Внешняя культурная политика, зачастую базирующаяся на культурной дипломатии и входящая в комплекс мероприятий политики «мягкой силы», на сегодняшний день является одним из лидирующих направлений внешней деятельности, призванных создавать позитивный имидж страны за рубежом и распространять своё влияние на страны присутствия. Италия как страна, обладающая такими ресурсами, как историко-культурное и эногастрономическое наследие, а также продукцией класса люкс и технологиями её производства и продвижения, выступает активным деятелем в области распространения своей культуры и имеет достаточно разнообразные с точки зрения их происхождения ресурсы «мягкой силы». Следует отметить, что понятие «мягкой силы» в контексте внешней культурной политики является термином, включающим в себя культурную притягательность государства, особенности его традиций, истории, а «также конкретные достижения - от продуктов массовой поп-культуры и побед на международных спортивных площадках до научно-технических прорывов» [\[1, с.15\]](#). Поэтому гипотезой в данном исследовательском проекте будет служить довод о том, что набор тех самых ресурсов «мягкой силы» Италии, а также каналы и площадки их распространения могут отличаться в зависимости от страны, на которую направлена итальянская внешняя культурная политика.

Сегодня, в достаточно быстро меняющемся мире, когда страны Востока и Азии получают новое позиционирование в системе международных отношений и открывают перспективы для их развития, в странах данного региона наблюдается рост инвестиций, как экономических, так и кадровых. В связи с этим, актуальность исследований в данной

области растет и становится возможным рассмотреть деятельность официальных акторов итальянской культурной политики на примере одной из стран данного региона. Так, в настоящей статье целью является анализ деятельности итальянских акторов во внешней культурной политике по сотрудничеству на международной арене, построенный на рассмотрении особенностей присутствия Италии на территории страны Средней Азии постсоветского пространства – Узбекистане. Что касается используемых методов исследования, которые помогут добиться поставленной цели, то в настоящей работе применяются главным образом общенаучные методы анализа и синтеза информации, наблюдения, систематизации, классификации, интерпретации и прогнозирования. Основные задачи настоящего исследования можно сформулировать так: выявить основные направления итальянской культурной дипломатии в Узбекистане и проанализировать, насколько универсален подход Итальянской Республики в выборе ресурсов и каналов для продвижения национальной культуры за рубежом.

Во многих случаях главным актором ведения внешней культурной политики любого государства является Министерство иностранных дел, которое, в свою очередь, посредством посольств, культурных институтов и различных подведомственных организаций организует, регулирует и контролирует деятельность по продвижению культурных ценностей страны [\[2\]](#). Поддержку Министерству иностранных дел оказывает Министерство по туризму, которое, пользуясь культурными, историческими и природными ресурсами страны, участвует в похожей деятельности по созданию позитивного образа страны за рубежом уже с целью привлечения денежных ресурсов, и Министерство культуры, которое, действуя вместе с посольствами, обеспечивает реализацию совместных проектов по обмену культурным достоянием (выездные выставки искусства, например) со страной-партнером. В итальянской практике такими органами по продвижению национальной культуры за рубежом являются Министерство иностранных дел и международного сотрудничества, под ведомством которого находятся культурная и экономическая дипломатия, а также деятельность Итальянских институтов культуры; и Министерство туризма (до 2021 года – Министерство культурного наследия, культурной деятельности и туризма), под эгидой которого действует Национальное агентство по туризму (ENIT), призванное продвигать позитивный образ страны за рубежом с целью развивать туристическую привлекательность и тем самым поднимать туристический спрос в направлении Италии [\[3\]](#).

В контексте внешней культурной политики, направленной на выстраивание позитивного имиджа страны за рубежом, следует рассматривать туристическую привлекательность как инструмент для успешного ведения политики «мягкой силы» [\[4, 2006\]](#). Что касается итальянской культурной политики, то область туризма может считаться одним из каналов, через которые она продвигает свой имидж, а туристическая привлекательность уже рассматривается как одно из звеньев, составляющих образ страны в глазах широкой целевой аудитории в рамках национального брендинга – концепции, выработанной британским специалистом по имиджмейкингу стран, регионов и отдельных городов С. Анхольтом. Под национальным брендингом им понимается практическая деятельность, которая своей целью видит измерение, выстраивание и управление позитивным образом и привлекательностью для сотрудничества стран [\[5, 2013\]](#).

Компоненты «мягкой силы» Италии, в которые входят достижения культуры, историческое наследие, ноу-хау и технологии, а также результаты их применения, то есть, продукция, продвигаются посредством брендовой политики в области национального геобрендинга. Так, в рамках культурной дипломатии Италией во всем мире продвигаются бренд «Italia» и бренд «Made in Italy». Стоит отметить, что за время

своего развития, мегабренд «Made in Italy» получил большее и более быстрое распространение, что может объясняться тем, что в рамках бренда продвигалась итальянская продукция и товары [6], в то время, как бренд «Italia» изначально популяризировал итальянский образ жизни, кухню, природу и культуру как уникальный набор ресурсов (italianità) [7], с которым Италия готова была поделиться миром, и сосредотачивался на брендинге итальянских территорий, который проводился совместно с Национальным агентством по туризму (ENIT). Сегодня, когда под «Made in Italy» уже понимаются и итальянские технологии производства или ноу-хау, и образовательные проекты, созданные итальянцами, эти два бренда, их составляющие и направления развития зачастую пересекаются, а иногда сливаются и уже продвигаются вместе. В связи с такой особенностью, провести между ними грань иногда становится проблематично. Поэтому в данной статье выявляемые продвигаемые ресурсы национальной культуры в рамках заявленных брендов будут рассматриваться в совокупности.

История вопроса

Что касается вопроса о международном сотрудничестве между Итальянской Республикой и Республикой Узбекистан, то присутствие Италии в Узбекистане началось после объявления Узбекистаном своей независимости в 1991. В 1992 году страна была официально признана Итальянской Республикой как независимая и суверенная, а 24 марта того же года было подписано Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя странами. В 1997 году был подписан еще один важный для внешней культурной политики документ – Соглашение о культурном и научном сотрудничестве между странами. Это ознаменовало начало совместной работы обеих стран по обмену в области культурного сотрудничества, которое устанавливалось и развивалось на протяжении последующих лет.

Говоря о современном положении, следует отметить, что последние два года в дипломатических отношениях был выявлен новый виток развития: двустороннее сотрудничество между странами расширилось и распространилось на область развития технологий, культурного обмена и образовательной деятельности с большей долей участия итальянской стороны [8]. В 2022 году, когда отмечалось 30-летие с дня установления дипломатических отношений между странами, сторонами в ходе анализов результатов совместных действий подчеркивалось, что за время их развития образовался прочный фундамент двусторонних отношений, положительно оценивалось установившееся партнерство между странами и выражалась поддержка Италии в связи с подписанием Узбекистаном Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Узбекистаном и Европейским Союзом, что позволило иностранным партнерам Узбекистана уплотнить свое присутствие в стране [9]. В ознаменование годовщины дипломатических связей была также выпущена книга на итальянском языке, впервые полностью представляющая историю развития отношений между Узбекистаном и Италией. В ней Узбекистан описывался для итальянского читателя как молодая республика с тысячелетними культурными корнями и историческим наследием, отмеченным ЮНЕСКО как достояние человечества. А центральное расположение страны в Азии и нахождение на перекрестке Великого шелкового пути в книге характеризуются как факторы, делающие страну перспективной платформой с коммерческой точки зрения [10]. Такие замечания позволяют прийти к промежуточному выводу о том, что Италия видит в Узбекистане площадку для развития и продвижения своих брендов «Made in Italy» и «Italy» с перспективой закрепить свое положение и заявить о себе как стране,

готовой поделиться своими компонентами национальной культуры и технологиями и на территории Азии. Уже в 2023 году состоялось мероприятие «Uzbekistan – UE: State of Progress», где узбекской стороной выражалась признательность Италии в сотрудничестве в сферах экономики и технологий и в сфере культурного и образовательного обмена, было объявлено о намерении продолжать углубление связей между регионами, подчеркнут растущий сегодня интерес Италии к Центральной Азии и, в частности, к Узбекистану. Итальянская сторона подтвердила заинтересованность в Узбекистане как в партнере по культурному и экономическому обмену и как в стране, готовой меняться с целью прогрессировать и повышать свою привлекательность для сотрудничества, и отметила готовность продолжать развитие культурной дипломатии между странами [\[11\]](#).

Направления культурной дипломатии Италии в Узбекистане

Современная культурная дипломатия Итальянской Республики в Узбекистане реализуется одновременно по нескольким направлениям. Министерство иностранных дел Италии в качестве представительства в Узбекистане имеет посольство в Ташкенте, которое и отвечает за внешнюю культурную политику за рубежом. Итальянского института культуры на территории страны нет, поэтому за реализацию задач по продвижению национальных брендов страны в Узбекистане несет ответственность непосредственно Министерство иностранных дел. Всю актуальную информацию по продвижению Италии в стране можно получить из специально созданного для подобных целей портала «Italiana». Стоит отметить, что данная платформа является общей для всего мира и рассчитана на получение информации об Италии, итальянских культуре и языке, а также предстоящих мероприятиях по всему миру и об акторах, задействованных в реализации культурной дипломатии под эгидой Министерства иностранных дел Италии, и своей миссией видит продвижение итальянского языка, культуры и творчества в мире.

Несмотря на то, что согласие о культурном и научном сотрудничестве между странами было подписано еще в 1997 году, активное развитие наблюдается последние 2 года, что отразилось в составлении программы сотрудничества в 2023 году во время визита президента Узбекистана Шавката Мерзиёева в Рим [\[12\]](#). Основными целями, озвученными в документе, являются:

- распространение культурного и исторического наследия посредством организации выставок, обмена между музеями, мероприятий по продвижению итальянского и узбекского языков;
- сотрудничество в области сохранения, защиты и реставрации археологического и культурного наследия посредством обмена опытом и визитов экспертов.
- развитие сотрудничества в области распространения итальянских технологий и профессионального развития посредством открытия образовательных центров по передаче итальянских технологий с последующей возможностью их практического применения на территории Узбекистана под руководством итальянских специалистов.

Таким образом, что касается итальянской стороны, то по данным, полученным с портала «Italiana», в рамках культурной дипломатии Италия активно принимает участие в сотрудничестве в сферах науки, образования, технологий и культурного обмена. В связи с этим, представляется возможным провести изучение процесса реализации заявленных итальянской стороной целей относительно данных направлений.

Что касается научного сотрудничества, то данная сфера представлена главным образом крупными итальянскими археологическими миссиями в Узбекистане. Первый

археологический проект под названием «Samarcanda e il Suo Territorio» был начат еще в 2001 году в сотрудничестве с Болонским университетом и Итальянским институтом Ближнего и Дальнего Востока, действующего под эгидой Министерства иностранных дел Италии. Данный проект заключается в диахроническом изучении оазиса Самарканда с помощью итальянских ученых и археологов с целью провести геоархеологические исследования местности, в частности, античной ирригационной системы, а также изучить и проанализировать в лабораторных условиях в Италии, полученные материалы и передать итальянский опыт узбекским ученым в организации и проведении археологических экспертиз [\[13\]](#). С подобными целями в 2008 году уже в сотрудничестве с Университетом Востока (Неаполь) была открыта еще одна археологическая миссия «Imperi Irenici e L'Asia Centrale» под руководством итальянских специалистов, где также проводится сбор и анализ данных с целью изучения культуры и цивилизации [\[14\]](#). Более того, в 2023 году планируется начало еще одной археологической миссии уже в Каракалпакстане, суверенной республике в составе Узбекистана, также под руководством Итальянского института Ближнего и Дальнего Востока.

Еще одно крупное направление итальянской культурной дипломатии в Узбекистане – сфера образования. Здесь главной целью является продвижение итальянского образования, а вместе с тем и итальянских технологий в области дизайна, проектирования и обработки металла. Основной платформой для таких целей является открытый в 2009 году Туринский политехнический университет в Ташкенте на базе Туринского политехнического университета (Politecnico di Torino) [\[15\]](#). Студентам университета при выборе так называемого «итальянского трека» (направление образовательного процесса обучения) предлагается получить двойной диплом европейского образца с возможностью выездных стажировок в Туринский университет в Италии. Основные программы, реализуемые итальянцами, сосредотачиваются на дизайне машин, дизайне и проектировке двигателей, машиностроении и на энергосберегающих технологиях. Стоит отметить, что анализ описаний программ и направлений подготовки позволил прийти к выводу, что в Политехническом университете в Ташкенте итальянская сторона видит не только базу для продвижения своего образования и итальянских ноу-хау, но и площадку для распространения итальянского языка. Для этого студентам предлагается его изучение на базе университета (изначально для поступления необходимо только подтверждение владением английского языка), а в связи с ожидаемым растущим интересом узбекской стороны к итальянскому языку как части национальной культуры, преподавание итальянского языка на базе университета планируется не только на уровне университетского образования, но в рамках курсов для абитуриентов и всех интересующихся.

На данном этапе анализа становится понятно, что, как в области образования, так и в области науки, Италия предлагает Узбекистану с точки зрения культуры свои практические знания, умения, итальянские технологии и собственный опыт в тех областях, где Узбекистан только начинает свое развитие или не имеет достаточного опыта. Стоит отметить, что в данном контексте Министерство иностранных дел Италии тесно связывает культурную дипломатию с внешней экономической политикой. Интерес с узбекской стороны к Италии растет в первую очередь в области экономического сотрудничества, в связи с чем присутствие Италии на территории страны начинается в этой области. Непосредственно в этой сфере итальянской стороной и продвигаются так называемые ценности национальной культуры Италии под мегабрендом «Made in Italy», в список которых входят уникальные итальянские технологии машиностроения, производства комплексного оборудования, ноу-хау в области текстильной

промышленности, металлургии и сельского хозяйства. В последнем секторе Италия также отмечает себя лидером по оказанию услуг профессионального образования и наличию высококвалифицированных кадров, готовых поделиться своим многолетним и многовековым опытом с узбекскими специалистами [\[16\]](#).

Продвижение уже упомянутых компонентов бренда «Made in Italy» позволяет продвигать в рамках того же бренда и сотрудничество в области распространения итальянской национальной культуры в её классическом понимании. Анализ и обзор тематических мероприятий, проводимых Италией в сотрудничестве с Узбекистаном, показывает, что итальянская сторона преследует две основные цели: познакомить итальянскую публику, включающую также итальянские компании, со среднеазиатской страной и постепенно представлять современную Италию в Узбекистане. В таком контексте активное взаимодействие заметно в области моды, выставок современного искусства, и часто носит пока еще локальный характер, хотя за последнее время частота мероприятий увеличилась, и можно ожидать, что такой тренд сохранится в силу того, что была анонсирована более плотная работа обеих сторон над совместными мероприятиями, начиная с 2023 года.

Ярким моментом в продвижении итальянского компонента бренда «Made in Italy» – моды – было участие в 2019 году итальянских дизайнеров в Ташкентской неделе моды, где итальянский дизайнер Давид ди Иорио в лице собственного бренда «UNMOVED MOVER» представил свою женскую коллекцию [\[17\]](#). Это событие ознаменовало подписание Меморандума о сотрудничестве между Европейским университетом дизайна (EUD) в Пескаре и Ташкентским институтом текстильной и легкой промышленности, где стороны договорились об обмене знаниями в области современной моды со стороны Италии и в работе с такими материалами, как шелк и хлопок со стороны Узбекистана посредством программ студенческого обмена. В таком сотрудничестве Италия также преследует свой интерес в распространении собственных ноу-хау и опыта в мире моды на свою целевую аудиторию. В продолжение такой политики, итальянская сторона в рамках действия договоренностей Меморандума о сотрудничестве также откроет двери в 2024 году для узбекских выставок в Галерее Уффици во Флоренции и Университете Ка-Фоскари в Венеции, где будут представлены артефакты национального достояния Узбекистана в области культуры и искусства [\[18\]](#). Эти выставки ознаменуют начало плотной работы Италии и Узбекистана в области обмена компонентами национальной культуры и знаниями, а также опытом по консервации, реставрации и содержанию музейных ценностей, где Италия предстает экспертом, обладающим высоким уровнем компетенций.

Что касается остальных компонентов итальянской национальной культуры (кухня, классическое искусство), которые, хоть и разной интенсивностью, продвигаются Италией в остальном мире и зачастую отражаются в выборе тематик проводимых Италией мероприятий в стране присутствия, то анализ организованных за последние годы выставок и мастер-классов показал, что в случае с Узбекистаном выбор тематики тоже имеет свои особенности. Неделя итальянской кухни, мероприятие под эгидой Министерства иностранных дел Италии, организуемое ежегодно, например, в странах Европы и в России, последний раз проводилась в Узбекистане в 2021 году. В том году широкой огласки и освещения в СМИ данное событие не получило и проводилось на базе университетов, которые сотрудничают с Министерством иностранных дел Италии и занимаются изучением итальянского языка. Так, например, в Узбекском государственном университете мировых языков силами студентов при содействии Посольства Италии был записан короткий подкаст с итальянскими шеф-поварами, посвященный движению слоуфуд, возникшему в Италии в противовес культуре фастфуда

с целью популяризации здорового питания, сохраняющего национальные и региональные кухни и пропагандирующего культуру традиционного застолья ^[19]. Несмотря на то, что практика ежегодного проведения Недели итальянской кухни или Недели итальянского языка не прекращена до сих пор в остальном мире, итальянская сторона в Узбекистане такого характера мероприятий не проводит. Это позволяет сделать вывод о том, что, целевая аудитория, возможно, еще не готова к мероприятиям такого масштаба в силу устоявшейся схожей, но собственной традиционно богатой культуры питания в своей стране и, как следствие, недостаточной заинтересованности в итальянской кухне. Важно отметить, что в 2023 году формат «недели кухни», практикующийся во внешней культурной политике Италии, был предложен итальянцами узбекской стороне, но уже для продвижения культуры Узбекистана в Италии в знак ознаменования новых принятых стратегий сотрудничества. Так, в мае 2023 года в Пезаро в рамках Недели культуры Узбекистана в Италии были представлены узбекские песни, танцы, национальные музыкальные инструменты, а также организованы мастер-классы и выставки узбекских ремесел, изобразительного искусства, керамики, национального костюма, стеклодувного искусства. Также стоит обратить внимание на тот факт, что участие в Неделе культуры Узбекистана принимали не только узбекские мастера, но и итальянские, которые через свои работы показывали собственное видение узбекской культуры ^[20].

Такого типа практика по представлению того, как Узбекистан и его культуру видят итальянские художники, скульпторы, модельеры, прослеживается и в мероприятиях, которые Италия организует последние два года в Узбекистане. Так, с 15 декабря 2020 года до 5 февраля 2021 года в Ташкенте проводилась выставка итальянского современного искусства под названием «Шелковый путь. Современное искусство и художники Италии». По заявлению кураторов с итальянской стороны, выставка была призвана представить качество, многослойность и разнообразие тенденций итальянского современного искусства и воспроизвести современную интерпретацию Великого шелкового пути как символа торговли и культурного обмена между Востоком и Западом. В составе привезенных экспозиций находились произведения разных жанров: живопись, графика, инсталляции, фотографии, видеоарт, восемь работ из которых принадлежат коллекции Министерства иностранных дел Италии ^[21]. Направлением современного итальянского искусства, которое было решено представить в Узбекистане, является так называемое «arte povera» (бедное искусство), которое получило распространение во второй половине XX века и призывало отражать актуальные события, происходящие в обществе, и проблемы с использованием простых, привычных, «бедных» материалов типа земли, камней, растений, ткани, мебели ^[22]. Создатели выставки открыто заявляли, что её задачей является отвести взгляд зрителей от Италии классического искусства, которая уже знакома широкой аудитории, и представить им другую Италию, показывающую миру через современное искусство историю развития итальянского мировоззрения, актуального для сегодняшней эпохи ^[22]. В этом контексте также прослеживается идея внешней культурной политики Италии в продвижении образа страны как государства, хоть и обладающего богатым историческим наследием, но нацеленного также и на закрепление у целевой аудитории ассоциации Италии с культурными ценностями и культурными кодами, идущими в ногу со временем.

Стремление Италии представить переосмысление своей истории, показать исторические и культурное развитие в динамике и связать их с современностью прослеживается не только в области распространения музейных ценностей. В качестве подтверждения такого довода можно привести в пример организованную в 2022 году Посольством

Италии в Узбекистане выставку итальянских украшений «DIVA! Итальянский гламур в украшениях моды» [\[23\]](#). В Ташкентскую галерею изобразительного искусства была привезена экспозиция, включающая 200 наименований, в которые входили византийские короны Dolce & Gabbana, архивные украшения Versace, Armani, Gucci, Valentino, Fendi, Salvatore Ferragamo, Fiorucci, а также и работы современных молодых итальянских дизайнеров люксовой бижутерии и ювелирного искусства. По заявлениям кураторов, представленные украшения отражают не только модные тенденции определенного времени, но и являются культурными объектами, которые могут рассказать о творческом процессе, об истории развития того самого бренда «Made in Italy» и продемонстрировать, как итальянцы научились и сейчас могут превратить простой материал в искусство и прочитывать свое наследие по-новому, создавая тем самым новые е коды национальной культуры [\[23\]](#).

Помимо выставок современного искусства, ювелирных украшений, Италия уже не раз привозила в Узбекистан выставки фотографий. Годом таких мероприятий можно назвать 2021 год, когда в Ташкент были представлены сразу две экспозиции: «Взгляд из Рима: кино, культура и мода через объектив Элизабетты Каталано» в апреле [\[24\]](#) и «ItaliAE. От братьев Алинари до мастеров современной фотографии» в октябре [\[25\]](#). Выставка, проходившая в апреле, была призвана рассказать через яркие и живые портретные фотографии известных деятелей искусства, кино, моды и литературы про Рим – город, который в свое время стал центром художественного и культурного расцвета страны, что по мнению создателей поможет зрителю понять итальянский стиль и прочувствовать итальянский вкус жизни, её философию и italianità. Октябрьская выставка фотографий «ItaliAE. От братьев Алинари до мастеров современной фотографии» проводилась в Узбекистане уже после успеха первой и своей основной целью заявляла «представление калейдоскопического образа Италии в нестереотипной манере» [\[24\]](#), предлагая ознакомиться с путем страны к современной Италии по фотографиям, сделанным уже после её объединения в 1861 году. Вся экспозиция делилась на три раздела – «Пейзаж», «Труды» и «Лица», в которых создателям удалось собрать сделанные в разных стилях и жанрах фотографии, повествующие зрителю, через что проходила, чему радовалась, чему огорчалась, чем гордилась и на что опиралась сегодняшняя Италия, которая смогла достичь высот во многих областях и продолжает свое развитие в этой области. Выставка, по словам посла Италии в Узбекистане Агостино Пинна, сумела охватить все аспекты «истории и жизни: промышленность, культура, искусство, ремесла» и позволила, по словам ее куратора Риты Скартони «постичь через созерцание разнообразный набор знаний, очарований и противоречий, делающих Италию особенной страной» [\[25\]](#). Так, при анализе обоих мероприятий прослеживается одна закономерность: создатели стремятся на базе уже имеющихся знаний у аудитории через демонстрацию развития итальянского общества показать его особенную развитость.

Подводя итог проведенного анализа, можно отметить, что подход, используемый Итальянской Республикой во внешней культурной политике в Средней Азии, все же, отличается от подхода, используемого, например, в России. Основным направлением итальянской культурной дипломатии в Узбекистане является сотрудничество в области исследований и образования, где главной платформой распространения ресурсов итальянской национальной культуры в виде знаний, умений и навыков являются филиалы собственных университетов. Это может объясняться тем, что культурная дипломатия тесно связана с интересами страны в области экономического сотрудничества и призвана создавать образ Италии как эксперта, готового поделиться

своими технологиями с развивающимся в этом направлении государством, в сферах, где у нее есть свои собственные разработки на базе многолетнего опыта. Те самые технологии и ноу-хау и являются основными ресурсами брендов «Made in Italy» и «Italia», которые в свою очередь видятся Италией как фундамент для надстройки остальных их составляющих. Нацеленность Италии на создание образа современной развитой страны прослеживается и в мероприятиях по обмену культурными ценностями: итальянская история целевой аудитории преподносится в динамике, как будто актеры, при организации своих мероприятий пытаются дать ответ не на вопрос «что вы можете предложить миру?», а «как вы это создали или придумали?». Итальянская сторона также не спешит погружать узбекистанцев в классический набор ассоциаций с Италией как страной Микеланджело (классическое искусство), Колизея (история и культурно-историческое наследие), Кьянти (эногастрономия) и около 300 видов пасты (традиционная кухня). На базе фоновых знаний о классическом искусстве преподносится современное, история и культура показывается через новые средства, такие как фотографии, ювелирные украшения или модные показы молодых дизайнеров. При этом, эногастрономия активно не продвигается, что может объясняться тем, что на территории страны большинство населения исповедуют ислам, где употребление алкоголя запрещено, а итальянская традиционная кухня рискует не найти должного отклика широкой аудитории в силу наличия у Узбекистана собственной устоявшейся традиции национальной кухни и достаточной консервативности в выборе блюд для употребления. Отсюда и возникает набор продвигаемых культурных ценностей, в Узбекистане представляющий собой то, что ассоциируется у аудитории с современностью, а не классикой: итальянское современное искусство, мода XX-XXI веков, фотография. Ограниченность каналов продвижения национальной культуры обуславливается небольшим количеством мероприятий, проводимых итальянскими акторами в Узбекистане: отсутствует сеть институтов культуры, представительств туристического агентства, и вся работа по мероприятиям сосредотачивается в руках посольства Италии в Узбекистане на базе Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Итальянской Республики. Данный фактор открывает для Италии перспективы развития и расширения своего присутствия в стране за счет открытия филиалов организаций по культурной дипломатии и туризму, а также привлечения итальянского бизнеса в качестве спонсоров мероприятий в рамках политики «мягкой силы». Это может стать возможным уже в ближайшие несколько лет благодаря ряду подписанных в 2023 году меморандумов и соглашений о сотрудничестве между странами, что, как показывает анализ, упрощает процедуру организации мероприятий и, как следствие, увеличивает долю присутствия Италии в Узбекистане, что открывает для итальянской стороны перспективу распространения своего влияния в области культуры также и на соседние страны Средней Азии.

Библиография

1. Наумов А. О. Мягкая сила, «Цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 276 с.
2. Сахаров А. Г. «Мягкая сила» Италии. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 9. 2014. № 2. С. 59-71.
3. Аветисян А.А. Вербальные и невербальные средства в создании образа страны (на материале интернет-ресурсов Национального итальянского агентства по туризму «ENIT») // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. No 5-6А. С. 141-148.
4. Anholt S. Public diplomacy and place branding: Where's the link?. Place Brand Public Dipl 2, 2006. P. 271-275.

5. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*: Vol. 2: Iss. 1, Article 1, 2013. P. 6–7.
6. Cappelli F. *Il made in Italy: dalle origini alle nuove sfide*. // Roma: LUISS Guido Carli, 2015. 77 p.
7. Василенко Е. В. «Мягкая сила» имиджевой политики Италии. // *Мир и политика*. 2013. № 10. С. 222-232.
8. Nocerino D. L'Italia alla (ri)scoperta dell'Asia centrale // *Opinio Juris*, 2021. URL: <https://www.opiniojuris.it/litalia-alla-riscoperta-dellasia-centrale/>
9. О 30-летию дипотношений между Узбекистаном и Италией // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. 24.03.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://mfa.uz/31237>
10. Libro sulle relazioni uzbeko-italiane pubblicato in Italia // *Planet360.info*. 15.02.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.planet360.info/libro-sulle-relazioni-uzbeko-italiane-pubblicato-in-italia-2/>
11. Bruxelles, presentate prospettive di cooperazione tra Uzbekistan e Italia // *Il Messaggero*. 01.03.2023 // [Электронный ресурс] URL: https://www.ilmessaggero.it/mondo/relazioni_italia_uzbekistan-7261010.html?refresh_ce
12. Marino C. Partenariato strategico tra la Repubblica Italiana e la Repubblica Dell'Uzbekistan // *Il nuovo Panorama*. 2023. N. 39. URL: <https://www.nuovopanoramasindacale.it/partenariato-strategico-tra-la-repubblica-italiana-e-la-repubblica-delluzbekistan/>
13. Missione a Samarcanda (Uzbekistan) // ISMEO. [Электронный ресурс] URL: https://www.ismeo.eu/portfolio_page/missione-a-samarcanda-uzbekistan/
14. Missione italiana a Kojtepa (Uzbekistan) – Italiana – Lingua, cultura, creatività nel mondo. [Электронный ресурс] URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/sedi/imperi-iranici-e-lasia-centrale/>
15. Cooperazione culturale // Ambasciata d'Italia Tashkent. [Электронный ресурс] URL: https://ambtashkent.esteri.it/ambasciata_tashkent/it/i_rapporti_bilaterali/cooperazione%20culturale
16. Cooperazione economica // Ambasciata d'Italia Tashkent. [Электронный ресурс] URL: https://ambtashkent.esteri.it/ambasciata_tashkent/it/i_rapporti_bilaterali/cooperazione_economica
17. La UED di Pescara alla Tashkent Fashion Week // UED-Università Europea del Design. [Электронный ресурс] URL: <https://www.uedpescara.it/la-ued-di-pescara-alla-tashkent-fashion-week/>
18. Редкости из Узбекистана покажут в итальянских музеях // Газета «Биржа». 12.06.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazetabirja.uz/30522-06-12-redkosti-iz-uzbekistana-pokazhut-v-italyanskih-muzeyah.html>
19. La Settimana della Cucina nelle Istituzioni educative italiane all'estero // *Italiana – Lingua, cultura, creatività nel mondo*. 03.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/cultura/la-settimana-della-cucina-nelle-istituzioni-educative-italiane-allestero/>
20. Pesaro, la settimana della cultura dell'Uzbekistan: dall'arte alla musica alla moda // *Il Messaggero*. 05.06.2023 // [Электронный ресурс] URL: https://www.ilmessaggero.it/spettacoli/cultura/pesaro_settimana_cultura_uzbekistan-7444340.html

21. "La Via della Seta" inaugura a Tashkent // Italiana – Lingua, cultura, creatività nel mondo. [Электронный ресурс] URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/eventi/la-via-della-seta-inaugura-a-tashkent/>
22. Венера в лохмотьях и пейзаж из цифр. Что смотреть на выставке современного итальянского искусства // Новости Узбекистана // Газета.uz. 08.01.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/08/modern-art/>
23. Закрытие выставки итальянского ювелирного искусства // Национальный банк Узбекистана. 07.10.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://nbu.uz/gallery/events/zakrytie-vystavki-italyanskogo-yuvelirnogo-iskusstva/>
24. Кусочек Рима в Ташкенте // Yuz.uz. 30.04.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://yuz.uz/ru/news/kusochek-rima-v-tashkente>
25. Выставка «ItaliAE. От братьев Алинари до мастеров современной фотографии» // TheMag.uz. Доступ: <https://themag.uz/post/vystavka-italiae>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает специфика внешней культурной политики, проводимой Итальянской Республикой в постсоветских странах. Автор справедливо связывает актуальность своего исследования с новыми перспективами развития стран Востока и Азии, открывающимися в связи с перестройкой современной системы международных отношений, а также широкими возможностями сотрудничества с этими странами по мере роста их экономического и политического потенциала. В соответствии с этим, целью рецензируемой работы декларируется анализ деятельности ключевых акторов итальянской внешней культурной политики в Узбекистане, а задачами – выявление основных направлений итальянской культурной дипломатии в Узбекистане и оценка степени универсальности выявленной модели для продвижения национальной культуры за рубежом. Авторская гипотеза состоит в том, что конкретный состав набора ресурсов «мягкой силы», используемой государством на различных направлениях внешней политики, будет существенно варьировать в зависимости от характеристик объекта, на который направлена эта политика. К сожалению, сам автор не дал себе должного труда для тщательной рефлексии методологии собственного исследования, ограничившись общими фразами об «общенаучных методах анализа и синтеза...», но из контекста можно понять, что для проверки приведённой выше гипотезы применялись исторический и институциональный методы, а также некоторые элементы контент-анализа при исследовании итальянских брендов в Узбекистане. Вполне корректное применение указанной методологии позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленной в процессе исследования специфике внешней культурной политики Италии в Средней Азии и основных её направлений. Любопытна также подмеченная автором нацеленность Италии на создание образа современной развитой страны в формировании своего имиджа на внешнеполитической арене. Научный интерес представляет также выявленный в процессе анализа набор культурных ценностей, продвигаемых Италией во внешней культурной политике. В структурном плане работа также не вызывает серьёзных нареканий: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте статьи выделены следующие разделы:

- неозаглавленная вводная часть, где формулируются цели и задачи исследования, обосновывается актуальность выбранной темы, аргументируется теоретико-методологический выбор, а также раскрываются некоторые ключевые понятия;

- «История вопроса», где анализируется история межгосударственного сотрудничества Италии и Узбекистана, а также современное состояние отношений между этими двумя странами;

- «Направления культурной дипломатии Италии в Узбекистане», где собственно анализируются основные направления культурной внешней политики Италии в Узбекистане, хотя данный текстовый блок непропорционален другим блокам и мог бы быть разделён на несколько более меньших;

- неозаглавленная заключительная часть, где подводятся итоги проведённому исследованию, резюмируются результаты, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. С точки зрения стиля рецензируемая статья также может быть охарактеризована положительно. В тексте встречается некоторое незначительное количество стилистических (например, повторы слов в некоторых предложениях) и грамматических (например, пропущенная запятая между двумя предложениями в составе сложного: «...Актуальность исследований в данной области растёт и становится возможным рассмотреть деятельность официальных акторов...»; и др.) погрешностей, однако в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным применением научной терминологии. Библиография насчитывает 25 наименований, в том числе источники на нескольких иностранных языках, и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении концептуальных оснований проведённого исследования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию работу можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей всем основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты обладают признаками научной новизны, должным образом представлены в тексте статьи и будут интересны для политологов, социологов, культурологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Аварский Р.И., Джаббаринасир Х.Р. — Иранская концепция исламского университета (на примере места и значения Университета Имама Садика и его влияния на правительство президента Ирана Эбрахима Раиси) // Мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 82 - 95. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.69336 EDN: JMEUIA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69336

Иранская концепция исламского университета (на примере места и значения Университета Имама Садика и его влияния на правительство президента Ирана Эбрахима Раиси)

Аварский Роман Исмаилович

ORCID: 0009-0003-2310-112X

Старший переводчик, ООО "МТМ"

108811, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Хабарова, 29, оф. 11

✉ ravarskiy@gmail.com

Джаббаринасир Х. Р.

ORCID: 0000-0003-3181-6101

кандидат политических наук

старший преподаватель, кафедра Кафедра индоиранских и африканских языков, Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации

119454, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Вернадского, 76

✉ hjabbarinasir@gmail.com

[Статья из рубрики "Негосударственные акторы международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.69336

EDN:

JMEUIA

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Актуальной видится цель настоящего исследования, заключающаяся в том, чтобы определить особенности деятельности Университета Имама Садика и его влияние на правительство президента Исламской Республики Иран Эбрахима Раиси. Задачами данной работы выступает рассмотрение особенностей деятельности Университета Имама Садика и выделение специфических особенностей иранского концепта «исламского университета». Гипотезой исследования является предположение о том, что Университет Имама Садика оказывает существенное влияние на правительство президента Ирана Эбрахима Раиси и занимает ведущую роль в становлении иранской концепции исламского университета. Университет Имама Садика в таком случае становится лидером среди других исламских университетов, наиболее глобально влияющим на состояние социальной, экономической, культурной, политической и др. сфер в Иране. Методологической основой исследования выступили положения теории нового институционализма. Оно рассматривается с точки зрения функционирования институтов, которые способны оказывать воздействие на различные стороны социально-экономических процессов. Теория нового институционализма позволяет выделить принятые обществом способы взаимодействия, в которых действуют как формально установленные институтами законы и нормы, так и неформально выраженные составляющие. Задачами данной работы выступает рассмотрение особенностей деятельности Университета Имама Садика, выделение специфических черт исламского университета. Теоретико-методологической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, посвященные анализу деятельности Университета Имама Садика и его места в структуре современного политического курса Ирана. В исследовании определяются общие черты исламской концепции гуманитарного университета, заданные деятельностью Университета Имама Садика. Научно значимым вкладом авторов в исследование особенностей исламских университетов становится выделение общих черт концепции исламского университета на примере Университета Имама Садика, его деятельности и мнении духовных лидеров страны. В статье подчеркнуто, что некоторые из влиятельных выпускников Университета Имама Садика вносят весомый вклад в текущий курс правительства Ирана, поскольку образуют структуру высокопоставленных чиновников – в новом правительстве всё отчетливее проявляется влияние Университета Имама Садика, чьи выпускники проникли во все сферы высшей государственной власти Ирана.

Ключевые слова:

Иран, иранский университет, Правительство Эбрахима Раиси, исламизация университетов, Университет Имама Садика, Иранское правительство, Иранская система образования, Институциональные структуры Ирана, теория нового институционализма, Внутренняя политика

ИРАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСЛАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ МЕСТ ЗНАЧЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТА ИМАМА САДИКА И ЕГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕЗИДЕНТА ИРАНА ЭБРАХИМА РАИСИ)

Введение

Университетское образование обладает многосторонним значением для развития общества и экономики страны, укрепления её международных позиций и внешних связей, вступления в формирующиеся политические альянсы, поскольку обеспечивает

подготовку управленческих кадров и будущих лидеров, стоящих во главе развития. Опыт Ирана в построении университетской системы гуманитарного знания показывает, в какой траектории должна двигаться система университетского образования, чтобы сохранить собственную культурно-историческую идентичность под влиянием тенденций глобализации, и в то же время обеспечить независимый рост и подготовку новых управленческо-политических кадров для установления новых внешних контактов. Примечательной в этом контексте становится деятельность Университета Имама Садика, направленная на создание эталонного исламского университета.

Университет имени Имама Садика – это высшее учебное заведение Ирана, одной из важнейшей целей которого является проведение обширных исламских гуманитарных научных исследований для устранения разрыва между исламской и международной наукой. Исторические корни становления исламского управления восходят к 1960-м гг., когда менеджмент сформировался в самостоятельную дисциплину, постепенно проникающую на территорию Ирана с Запада. В то же время выдающийся иранский богослов и философ Мортаза Моттахари ввёл концепцию исламского роста, которая предполагала построение управления страной на основе норм ислама. За счет этого Мортаза Моттахари пытался выстроить параллель во взаимодействии с новой западной культурой и открытой цивилизацией.

Впоследствии после исламской революции в Иране происходила глобальная исламизация всех сфер государства, стоящая противоположно концепциям мироустройства Запада. Сторонники революции поднимали вопрос о формировании и развитии исламского менеджмента, в чем сталкивались с проблемами глобальной либерализации и проникновения западных ценностей, вступающих в прямое противоречие с исламской культурой.

Центральной темой настоящего исследования является определение общих черт исламской концепции гуманитарного университета, направленного на преодоление острых противоречий между ценностями западного и исламского мира при развитии гуманитарной науки [\[13; 21\]](#). Актуальность данной темы подчеркивается возрастающим конфликтом интересов западного и исламского сообщества под влиянием обострившегося Кризиса на Ближнем Востоке, очевидно усилившего разрыв и противоборство между двумя обширными культурами. Усиление траектории движения Ирана «на Восток» и укрепление отношений с Россией определяет прикладную ценность исследования иранского опыта и возможность его интерпретации с учетом российской специфики в будущем.

В отечественной научно-исследовательской практике вопросы развития исламских гуманитарных университетов затрагиваются косвенно. Например, в работе И.А. Васькина выделяются предпосылки к целенаправленной организации исламских гуманитарных университетов для устранения диспропорций между членами правительств Ирана с гуманитарным и техническим образованием. Автор указывает, что в 1979-1989 гг. в правительстве Ирана около 55-65% министров имели техническое образование с тенденцией на вытеснение специалистов с гуманитарным образованием [\[2\]](#). Данная проблема имеет корневой характер с точки зрения развития исламских гуманитарных наук и обеспечения государственного аппарата и элиты управленческими кадрами.

Отдельные аспекты институциональных структур Ирана, участвующих в системе развития внешних отношений, выделяются в работе М. Хагбина, который упоминает деятельность Университета имени Имама Садика в качестве углубляющей, противопоставляющей западной политике устремленные взгляды Ирана «на Восток». Автор также указывает на

явную связь между ветвями суверенных организаций и институтом власти правительства Эбрахима Раиси в Иране, подчеркивая, что университет Имама Садика играет ключевую роль в подготовке политических и управленческих кадров для действующего правительства в Иране [9].

В зарубежной литературе деятельность Университета Имама Садика и её влияние на институт правительства Эбрахима Раиси исследована более подробно. Особую роль при этом занимают исследования иранских авторов, таких как Алиреза Читсазиян, Керамат Махаммади [11], Мохаммад Саид Таслими, Халил Ноурузи, Надер Джафари-Хафтхани [22], Вахид Тарвирдизаде, Мохаммад Али Садики-Киа [23], и др. Исследования авторов сфокусированы на отдельных вопросах становления исламского университета на примере Университета Имама Садика и самостоятельных направлений его работы.

Актуальной видится цель настоящего исследования, заключающаяся в определении особенностей деятельности Университета Имама Садика и его влияния на правительство президента Ирана Эбрахима Раиси. Задачами данной работы выступает рассмотрение особенностей деятельности Университета Имама Садика, выделение специфических особенностей «исламского университета».

Гипотезой исследования является предположение о том, что Университет Имама Садика оказывает существенное влияние на правительство президента Ирана Эбрахима Раиси и занимает ведущую роль в становлении иранской концепции исламского университета. Университет Имама Садика в таком случае становится лидером среди других исламских университетов, наиболее глобально влияющим на состояние социальной, экономической, культурной, политической и др. сфер в Иране.

Методологической основой исследования выступили положения теории нового институционализма. Новый институционализм рассматривается с точки зрения функционирования институтов, которые способны оказывать определяющее воздействие на различные стороны социально-экономических процессов [10; 16]. Теория нового институционализма позволяет, оперируя историческим подходом, выделить принятые обществом способы взаимодействия, в которых действуют как формально установленные институтами законы и нормы, так и неформально выраженные составляющие [14; 15; 20]. Рассмотрение деятельности Университета Имама Садика с опорой на теорию нового институционализма позволит сфокусироваться и на формальной, и на неформальной составляющих. Причем, если формальные аспекты четко регламентированы уставом и прочими учредительными документами университета, то неформальные аспекты раскрываются в структуре правил, ценностей, идеологии и традиций, которые способны оказывать значимое воздействие на мысли, поведение и ход политической жизни в стране. Поскольку действующее правительство президента Ирана Эбрахима Раиси осуществляет подготовку кадров на базе университета (несмотря на то, что университет не является правительственным), деятельность Университета Имама Садика можно отнести к неформальному институту. Теоретической основой исследования послужили труды российских и зарубежных (иранских) авторов, посвященные анализу деятельности Университета Имама Садика и его места в структуре политики Ирана. Значимую роль в исследовании заняли методы сравнительного анализа и библиографического описания.

Университет Имама Садика – эталон исламского университета

Предпосылками на пути к становлению эталона исламского университета стали возникающие конфликты и проблемы, вызванные несовместимостью западных идей,

взглядов на управление, исламских ценностей. Некоторые из несовместимостей возникают в структуре психологических и социологических основ западной теории менеджмента, вступая в прямое противоречие с первоначальными религиозными принципами управления в Иране [\[11\]](#). Все это обусловило необходимость развития собственного исламского гуманитарного знания, с выделением особого места менеджмента в его структуре, для трансляции знаний обществу.

Среди всех гуманитарных университетов Ирана именно Университет Имама Садика считается источником исламских наук, ввиду уникальных целей и задач, которые заключаются в деятельности, посвященной изучению ислама, расширению границ исламских наук, развитию междисциплинарных исследований между исламскими науками и социально-гуманитарными науками, представлению достижений, а также постоянному укреплению отношений с другими научными центрами, в частности, с объединёнными научными центрами, университетами, институтами, учреждениями Ирана, с сообществами мусульманских народов и других мусульманских стран. Можно констатировать, что деятельность и структура Университета Имама Садика являются особенными, отличаются от других гуманитарных высших учебных заведений страны [\[23\]](#). Университет Имама Садика стал источником подготовки управленческих кадров для нужд страны, объединяя теорию менеджмента с исламскими ценностями и традицией.

Отметим, что определяющую роль в развитии исламского менеджмента заняли и духовые мыслители, академические деятели, причисляемые к элите. Они эффективно и быстро реагировали на потребности, возникающие в структуре управления Исламской Республикой Иран, руководствуясь исламскими ценностями. Так, интеграция гуманитарного и исламского знания в университете всегда сопровождалась острыми дискуссиями среди профессоров, отвечающих за подготовку и издание учебных материалов. Резюмируя итоги проведенной работы, несмотря на сложность и дискуссионный характер, профессорско-преподавательскому составу Университета Имама Садика удалось выполнить задачу, поставленную перед ними, на достаточно высоком уровне. Обращение внимания к деталям, отвечающим потребностям исламского государства, при интеграции исламских наук с другими академическими, сыграло ключевую роль в данных процессах, наряду с научно-управленческой деятельностью, комплексно осуществляемой на факультете исламоведения.

Основываясь на результатах исследования Алирезы Читсазиан и Керамата Махаммади, посвященного обзору магистерских диссертаций на факультете исламского образования и менеджмента, выделим, что по данному направлению уровень подготовки студентов факультета является одним из самых высоких: 48% диссертаций кафедры государственного управления и государственной политики и более 20% других образовательных кафедр факультета сосредоточены сугубо на исламских вопросах. Направление финансового менеджмента на факультете имеет наибольшую значимость, что подтверждается общим числом диссертаций на темы ислама. Вторым по преобладающему интересу к исламским исследованиям идёт направление бизнес-менеджмента. Дальнейшие позиции занимают такие направления, как: «Коммерческий менеджмент» с 39 диссертациями, «Промышленность» с 34 диссертациями и «Правительственная группа» с 11 диссертациями и др. Все это подтверждает соответствие научной деятельности Университета Имама Садика задачам, возложенным Верховным лидером страны: «Университет Имама Садика должен превзойти по уровню не только университеты Тегерана или других городов страны, но и стать исследовательской колыбелью для научных центров и университетов всего мира» [\[11\]](#).

Отметим, что исламоведение занимает особое значение в научной системе Ирана, поскольку его положения имеют фундаментальный характер. И в особенности это проявляется в деятельности Университета Имама Садика, его научной направленности. Как итог, исследование исламоведения оказывает влияние на социальную, экономическую и политическую систему страны, обладает реформаторским-развивающим характером. Одним из значимых центров проведения исследований исламоведения, в свою очередь, становится Университет Имама Садика.

Существующие подходы в области исламоведения можно разделить на две общие категории. Первый подход заключается в систематизации и создании нового научного знания. Он направлен на пересмотр места и характера деятельности базовых институтов. Второй подход, напротив, направлен на развитие существующих институтов, например, банковской системы, на основании пересмотра юридических принципов [\[11\]](#). Все эти подходы активно воспроизводятся в работе Университет Имама Садика его студентами и профессорско-преподавательским составом.

Не менее значимой отличительной особенностью Университета Имама Садика является направленность на научную дипломатию, чего нет во многих университетах Ирана. Научная дипломатия берет свои истоки из 2010-ых гг., когда Американская ассоциация содействия развитию науки провела встречу «Новые пионеры дипломатии», где было озвучено три принципиальных определения «научная и технологическая дипломатия»:

Во-первых, наука в дипломатии. Так, многие проблемы, с которыми сегодня сталкиваются страны, в основном глобальны по своей природе и масштабам. Можно проследить влияние науки/технологий как в причинах этих проблем, так и в путях их преодоления. В данном случае наука в дипломатии выделяет ту роль науки и техники, которую они играют при повышении уровня осведомленности, при достижении установленных внешнеполитических целей.

Во-вторых, дипломатия для науки. Данная составляющая означает содействие международному научному сотрудничеству, проведению исследований как на индивидуальном, так и на общественном уровне, благодаря стратегическим приоритетам и иерархической стратегии управления, при движении «сверху-вниз».

В-третьих, наука для дипломатии. Предполагает применение науки и научного знания для содействия в построении и развитии международных отношений, особенно в тех случаях, где эти отношения характеризуются критичностью и напряженностью [\[23\]](#).

Одним из важнейших направлений деятельности Университета Имама Садика является организация многостороннего международного сотрудничества. В такого рода взаимодействиях университетов (университетская дипломатия), Университета Имама Садика осуществляет поиск дополнительных внешних контактов для связи с университетами по всему миру. Университет Имама Садика на протяжении многих лет выполняет миссию первоисточника исследований для мировых университетов и научных центров, возложенную на него Верховным лидером Ирана. Именно достижение данной цели является приоритетной задачей в функционировании Университета Имама Садика и определяет его общую направленность [\[22\]](#).

Резюмируя особенности деятельности Университета Имама Садика, отметим, что они проявляются в: проведении и развитии междисциплинарных исследований (на стыке гуманитарных наук и исламского знания); поиске поддерживающих связей между научными и религиозными аспектами, при ответе на возникающие у общества вопросы;

улучшении фундаментальных принципов проведения исламских исследований; установлении новых дипломатических контактов с университетами для распространения полученных знаний; подготовке кадров по гуманитарным профессиям, отвечающих требованиям исламского социально-экономического и политического пространства. Университет Имама Садика в этом вопросе приобретает эталонный характер, становится образцом истинного исламского университета.

Особенности исламского университета

Как отмечалось нами ранее, процессы, связанные с Исламской революцией и исламизацией в Иране, стали соведущими и усиливающими друг друга факторами. Причем именно университетское образование заняло одну из ключевых позиций по продвижению исламизации, что было достигнуто за счет обучения элиты исламской вере на основе исламских наук и учения Ахль аль-Бейта, обеспечивая реализацию задачи сохранения и развития истинных ценностей Исламской революции. Университет Имама Садика не стал исключением, напротив, его деятельность считается одной из самых эффективных в представленной цели. Отметим, что сегодня Университет Имама Садика играет ключевую политическую и культурную роль в Иране.

Другим эффектом Исламской революции в Иране стал эффект изменения взятого духовного, культурного, социального и политического вектора развития страны в XX в. Революция также способствовала становлению, совершенствованию, непосредственной реализации идей исламского университета, и именно это стало одной из важнейших задач нового лидера страны Имама Хомейни. В 1980-ом г. Имам Хомейни был издан указ о формировании «Штаба Культурной Революции», направленного на решение задачи исламизации университетов. Как верно замечает С.Е. Вылцан, сегодня Высший совет Штаба Культурной Революции занимает квазизаконодательную нормотворческую деятельность в области культуры, а принимаемые в Высшем совете «законы» обладают большим юридическим весом, чем законы иранского парламента – Меджлиса исламского совета [\[4\]](#).

Указ Имама Хомейни положил начало значимым в развитии концепции иранского университета процессам, воспроизводимым в Университете Имама Садика, при привлечении профессоров и студентов, их прямом взаимодействии с Верховным лидером страны. На личной встрече Имам Хомейни высказался по отношению к Университету Имама Садика следующим образом: «Университет Имама Садика – это уникальное явление. Это не просто университет, подобный другим университетам, цель которых только обучать студентов и растить ученых. Такая цель, конечно, тоже есть. Однако, помимо этого, Университет Имама Садика стремится стать образцовым во всех аспектах исламским университетом» [\[18\]](#).

Причем эта цель, впоследствии, была отражена в уставе Университета Имама Садика. В частности, речь идет об «опорном исламском институте», миссия которого сводится к реализации трех основных аспектов [\[18\]](#).

- 1) Образование, направленное на передачу знаний;
- 2) Исследование, ориентированное на производство знаний;
- 3) Общественная деятельность, нацеленная на распространение и активную публикацию знаний в обществе.

Согласно общепризнанным трактовкам, целью института образования является передача

накопленных знаний от одного поколения к другому, удовлетворение потребности общества в образовании, обеспечение слаженного функционирования. Университеты, в то же время, осуществляют комплексную подготовку специалистов в своей сфере, формируя научное знание, новое мировоззрение, стимулируя положительные для развития общества (в частности, исламского) философские и социальные движения, формируя пространство для самовыражения, противодействия и выдвижения новых идей. Все это отражает содержание первой функции университетов в исламском обществе, которая заключается в направленности на продвижение и популяризацию культуры научного знания в устах молодого поколения, в неразрывной связи с исламскими ценностями.

Вторая функция, ориентированная на исследования, обуславливает динамичный и воспроизводственный характер деятельности университета. Университет становится местом стимулирования творчества и инноваций, объединяя коллективный дух, целенаправленно организуя его в культурном, историческом, социальном, экономическом и политическом значении. Именно творческий и инновационный характер деятельности университета способствует поиску ответов на остро стоящие в перечисленных сферах вопросы.

Содержание третьей функции университета, связанной с распространением полученных и накопленных знаний, предполагает передачу результатов научной деятельности от университета к обществу. Эти знания соответствующим образом связаны с основополагающими институтами и сферами функционирования государства (промышленность, сельское хозяйство, коммерция, культура, военное дело и военная промышленность, политика и т. д.). Значимым показателем в структуре оценки деятельности университета в таком случае становится степень использования и эксплуатации результатов научной деятельности на всех перечисленных уровнях. Именно это указывает на существование влияния между деятельностью университета, общественным прогрессом и устойчивостью общества, отражаясь на истории развития как государства, так и университета, усиливая имидж последнего.

Однако, чем обуславливается острая необходимость строительства и развития исламского университета в Иране? С точки зрения данного вопроса, исламский университет не просто аккумулирует перечисленные цель, миссию, задачи, функции и т. п., а в полной мере осуществляет поиск идеальной (желаемой) глобальной модели для достижения собственных целей в конкуренции, борьбе со светскими и неисламскими университетами, что требует особых усилий, внимания и точности.

Ввиду того, что исламская Умма определяет исламское мировоззрение, как систему ценностей, раскрывающих фундаментальные аспекты жизни человека ^[1], государству и обществу требуются университеты, которые будут в полной мере соответствовать исламским принципам и ценностям. Такие университеты при их эффективной организации способны изучать принципы и критерии самосознания и вырабатывать знания, необходимые для достижения более точных, углубленных результатов, подготовки новых активных деятелей и управленцев, которые будут обладать способностью продвигать исламские идеи в обществе, популяризируя, в частности, университетские принципы и стандарты ^[18].

Особенности исламского университета наиболее четко раскрываются в структуре сравнения исламского и неисламского университетов, что находит отражение в высказываниях иранских мыслителей, как активных участников системы развития концепции исламского университета.

Так, например, Имам Хомейни считает, что исламский университет не ограничивается преподаванием только исламских наук; однако, чтобы деятельность университета была самодостаточной и независимой (в частности, от Востока, и, в особенности, от Запада), требуется создать независимую страну, независимый университет и независимую культуру: «Смысл исламизации университета состоит в том, чтобы обрести независимость и уйти от зависимости от Запада и Востока, иметь независимую страну, независимый университет и независимую культуру» [\[18\]](#).

Верховный лидер Исламской Республики Иран дал следующее определение исламскому университету: «Исламский университет сочетает в себе науку и веру, науку и духовность, науку и мораль; Он преподаёт науку и руководит наукой, исходя из этики и веры» [\[5\]](#).

Также Аятолла Алам аль-Хади, пятничный имам города Мешхед, заявил, что фундамент и столпы исламского университета должны быть основаны на божественных, исламских и гуманистических принципах, ценностях и идеалах [\[8\]](#). Цели и программа исламского университета должны соответствовать исламскому учению, его содержание должно основываться на религиозных источниках, его руководство должно обладать высоким уровнем духовности и владеть колоссальными религиозными знаниями и этикой, а его сотрудники должны обладать духовной проницательностью и придерживаться божественных и исламских ценностей. Его опытные и преданные своему делу профессора должны рассматривать свою образовательную деятельность как выплату закята (налог) на знания, а обучение – как объективную обязанность, и всегда должны обучать проницательных, способных и преданных делу студентов, в соответствии с развитием и совершенствованием себя, своего университета и своего общества. Другими словами, исламский университет – это университет, в котором религиозные, духовные и научные принципы ислама становятся доминирующей ценностью [\[18\]](#).

Помимо приведённых выше точек зрения исламских экспертов, которые считаются научными авторитетами (первоисточником религиозных знаний), свое мнение о роли Университета Имама Садики также высказал Верховный лидер страны. По его мнению, идеальный исламский университет должен давать импульс развитию науке, должен создавать движение в мире образования и науки, вносить вклад в научное строительство страны. Его главная миссия заключается в том, чтобы сделать мусульман и мусульманских учёных экспертами в различных областях гуманитарных наук, чтобы в мире опирались на их мнение. Университет Имама Садики, в связи с этим, должен стоять выше по рейтингу, чем любой другой университет Тегерана или других городов. Этот университет должен стать исследовательским эталоном для мировых научных центров и университетов [\[3\]](#).

Таким образом, особенностями исламского университета на примере Университета Имама Садики является сочетание гуманитарного и исламского, с четким превалированием религиозной основы в структуре научного знания. Истинный исламский университет сочетает в себе исламскую этику, культуру, историю, принципы международного научного сотрудничества и модернизации, при этом сохраняя воспроизводственный потенциал влияния на подсистемы государства и общества. Исламские университеты ставят своей ключевой целью интеграцию современных научных и образовательных методов, знаний и подходов с традиционными исламскими учениями, дабы они отвечали обусловленным исламской религией ценностям. Кроме того, именно исламский университет осуществляет подготовку научных и политических кадров для страны – в этой структуре можно выделить определенные связи между

деятельностью отдельных университетов и её влиянием на институт государства. Так, деятельность Университета Имама Садика, как института, имеет четко обусловленные формальные черты, связанные с подготовкой, популяризацией и улучшением исламского научного знания. Однако, важно рассмотреть и неформальные аспекты деятельности университета, в частности, оказывающие значимое воздействие на правительство Эбрахима Раиси.

Роль Университета Имама Садика в правительстве Эбрахима Раиси

Ранее нами была затронута концепция исламского университета, а также роль и место Университета Имама Садика в Иране. Многочисленные высказывания мыслителей и научных авторитетов Ирана подтверждают важность данного вида университетов (исламский университет) для страны. Если проанализировать деятельность различных правительств, возглавляемых как реформистами, так и консерваторами, которые действовали со времен Исламской революции, можно заметить, что Университет Имама Садика играл немаловажную роль в них. Особенно важную позицию этот университет занял в нынешнем правительстве президента Исламской Республики Иран Эбрахима Раиси, в котором выпускники университета заняли важные посты.

Необходимо отметить, что при предыдущих правительствах наибольшую долю элиты представляли выпускники других университетов (например, Тегеранского, Шариф и Тарбиат Модарес). Правительство Хасана Роухани было сформировано на основе опыта и знаний специалистов, проходивших обучение за рубежом, преимущественно, в западных странах [\[19\]](#). Однако в правительство Эбрахима Раиси были выбраны несколько молодых министров, вице-президентов и заместителей министров из Университета Имама Садика, что указывает на высокую роль Университета Имама Садика в действующем правительстве. В частности, на различных уровнях в правительстве можно наблюдать выпускников университета [\[3\]](#):

Во-первых, министерства. Например, Эбрахим Раиси выбрал двух молодых и важных членов экономической команды своего правительства из числа молодых выпускников этого университета: Эхсан Хандози, министра экономики, и Ходжата Абдула Малики, министра кооперации, труда и социального обеспечения Ирана.

Во-вторых, должности вице-президентов. Эбрахим Раиси избрал вице-президентов из выпускников Университета Имама Садика. Так, Голамхоссейн Эсмаили является одним из доверенных лиц Эбрахима Раиси, который был одним из его близких людей в деятельности в судебной системе. Сейчас Голамхоссейн Эсмаили занимает важную должность главы администрации президента, а также является одним из профессоров права Университета Имама Садика.

Сейед Мохаммад Хоссейни, магистр университета Имама Садика, который долгое время изучал исламоведение и политическое право в этом университете, например, был назначен депутатом меджлиса Эбрахима Раиси.

Мейшама Латифи также можно выделить среди выпускников Университета Имама Садика, которых президент привёл в правительство. Латифи имеет степень магистра исламских исследований и промышленного менеджмента Университета Имама Садика, является членом профессорско-преподавательского состава этого университета, а также главой факультета менеджмента Университета Имама Садика. Сегодня он назначен вице-президентом и Главой Управления по административным и кадровым вопросам Ирана.

Али Багери, возглавляющий переговоры по Ядерной сделке с западными странами,

является одним из других членов 13-го правительства, выпускником Университета Имама Садика. Он прошёл все этапы образования в Университете Имама Садика, начиная с получения степени бакалавра, заканчивая доктором в области образования и экономики.

Отметим, что в 13-м правительстве выпускники Университета Имама Садика представлены не только в высшем руководстве. Они также занимают важную роль на нижних уровнях государственного аппарата. Мохаммад Дехган, заместитель Эбрахима Раиси по правовым вопросам, назначил Джалиля Мохеби на должность исполняющего обязанности заместителя, отвечающего за координацию и планирование юридических вопросов исполнительных органов. Господин Мохеби, который ранее был секретарем государственной организации по вопросам призыва к добру и порицанию зла, также окончил Университет Имама Садика со степенью доктора права. Он изучал уголовное право и криминологию, а также окончил духовную семинарию при этом университете [\[19\]](#).

Как уже упоминалось, политика Университета Имама Садика основана на принципе исламизации, сохранении исконных ценностей революции, учении Ахль аль-Байта. Студенты, окончившие этот университет, работают на важных государственных должностях в текущем правительстве. При этом, выпускники Университета Имама Садика продолжают оказывать поддержку «университетским друзьям», чтобы обеспечить их продвижение к трудоустройству в президентское правительство [\[6\]](#). Поэтому можно сказать, что студенты движутся в соответствии с политикой и ценностями революции, которых придерживается Университет Имама Садика и действующий Верховный лидер страны.

Университет Имама Садика является важным инструментом в правительстве Эбрахима Раиси, поскольку оказывает значительное влияние на выбор политических приоритетов и установление связи с исламскими странами и регионом. Университет функционирует согласно ориентирам в поддержании религиозной солидарности, при одновременном усилении конфронтации с Западом и внедрении исламского учения в иранское общество (популяризация гуманитарных наук в неразрывной связи с ценностями исламского общества). Исходя из слов Имама Хомейни, исламский университет вносит собственный вклад в независимость страны, обеспечивает возможность её автономного развития без опоры на Запад [\[12\]](#).

Как было сказано выше, одним из наиболее важных факультетов Университета Имама Садика является факультет исламских исследований и менеджмента, который в основном делает упор на исламские науки.

Ввиду того, что один из вице-президентов Эбрахима Раиси окончил данный факультет, можно сказать, что тенденция к исламским наукам, их популяризации и одновременному углублению, также возрастает. Если в предыдущих правительствах пытались сделать приоритетными отношения с Западом и сосредоточиться на науках, отличных от исламских, то теперь большинство высокопоставленных чиновников нынешнего правительства Ирана избраны из числа выпускников Университета Имама Садика, склонных включать исламские науки и их варианты интеграции с гуманитарными науками в актуальную повестку. В деятельности нового правительства всё отчетливее проявляется влияние университета Имама Садика, чьи выпускники проникли во все сферы высшей государственной власти Ирана, и это влияние основано на политике исламизации всех направлений в стране [\[17\]](#).

В тоже время, некоторые западные критики в Иране придерживаются позиции о том, что текущее правительство неспособно решить возникающие проблемы, и это напрямую связывается с отсутствием должного опыта у менеджеров, являющихся выпускниками Университета Имама Садика. Отметим, что следы менеджеров, которые известны под псевдонимом «имамы Садеги», присутствовали и в предыдущих правительствах, однако их количество было незначительным. В связи с этим, в иранском обществе сохраняются опасения, что в политические процессы активно интегрируются неопытные менеджеры, и это может привести к неоднозначным последствиям будущей иранской бюрократии [7].

Заключение

Таким образом, университет является местом производства науки и знаний, ядром культурного строительства. Университет Имама Садика можно считать первым и наиболее успешным университетом, возникшим в результате Исламской революции. Целью Университета Имама Садика является интеграция гуманитарных и исламских наук. Обладая полувековым опытом и методами, отличными от методов других университетов, и, в частности, методом интеграции гуманитарных наук с исламскими науками, Университет Имама Садика смог подготовить множество представителей элиты в различных областях, продвинуть их на ключевые государственные должности (причем как в высшем, так и низшем руководстве). Здесь можно проследить четкую параллель. В то время как правительство реформаторов старается отбирать высокопоставленных сотрудников из числа выпускников, обучавшихся в зарубежных университетах (их внимание сосредоточено больше на гуманитарных науках, чем на исламе), правительство консерваторов-фундаменталистов, которые уделяют много внимания исламской революции и ее идеалам, отдают предпочтение исламским наукам и их интеграции с гуманитарными. В связи с этим, большинство выпускников Университета Имама Садика занимают важные государственные должности именно в правительствах с консервативным большинством. Можно сказать, что политика Университета Имама Садика, являющаяся одной из задач воспроизводства целей Исламской революции, в большей степени реализуется в правительстве Эбрахима Раиси, которое является одним из постреволюционных правительств с консервативным большинством.

Библиография

1. Али-заде А.А. Умма // Исламский энциклопедический словарь. – М. : Ансар, 2007. – С. 789.
2. Васькин И. А. Рекрутирование элит в правительства Ирана в 1979-1989 гг.: биографический анализ // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2023. №. 1. С. 76-92. DOI 10.31857/S086919080023790-6
3. Взгляд на вхождение выпускников Университета Имама Садика (АС) в правительство. Переходим мост управления. Пер. с персидского. Режим доступа: <http://hamdelidaily.ir/index.php?post=24544>
4. Вылцан С.Е. Эволюция правового статуса высшего совета культурной революции Исламской Республики Иран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2022. №. 4. С. 5-15.
5. Выступления на встрече профессоров и студентов Университета Имама Садика (мир ему) Пер. с персидского. Режим доступа: <https://farsi.khamenei.ir/newspart-print?tid=1707>
6. Исследовательский центр является конкурентом Университета Имама Садика. Пер. с персидского. Режим доступа: <https://clck.ru/36pi8p>
7. Пастор во владении «Имама Садеги». Пер. с персидского. Режим доступа:

<https://www.pishkhan.com/news/295993>

8. Состоялась церемония начал учебного года студентов Хорасан Разави Аятолла Алам Эльхади: студенты являются движущей силой перемен в обществе. Пер. с персидского. Режим доступа: <https://shahraranews.ir/fa/news/189759/>
9. Хагбин М. Роль суверенных организаций Ирана в укреплении торгово-экономических отношений с Россией // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения, 2022. №. 1. С. 67-82. DOI 10.28995/2073-6339-2022-1-67-82
10. Campbell J. Mechanism of Evolutionary Change in Economic Governance, London, Edward Elgar, 1997. P self, 1993.
11. Chitazian Alireza, Mohammadi Keramat A meta-study of Islamic management research; A Case Study of Masters Theses in Faculty of Islamic Education and Management, Imam Sadegh University (PBUH) // Strategic management thought (management thought), 1398, Vol. 13, No. 2 (26 پیاپی), Pp. 19-48
12. Imam Khomeini's Message to Heads of Education Departments. Available at: <https://www.al-islam.org/educational-revolution-regarded-imam-khomeini/imam-khomeinis-message-heads-education-departments>
13. Luciano Zaccara Iran 2021: The year of Transition. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363270492_Iran_2021_The_year_of_Transition
14. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions. The Organizational basis of politics // Policy. 1990. Vol. 10, No. 3. pp. 349-351.
15. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984.Vol. 78. pp. 734-749.
16. Modema G., Steren Mercuo N., Samuels W.J. History Institutional Law Economics // Institutional Law and Economics. 1987. pp. 418-453.
17. Mohammad Ali Zohreei, Ali Akbar Rezaie, Mahmoud Reza Mohammad Taheri Presenting an Appropriate Model of Cultural Diplomacy Based On the Elite Capacity // Iranian journal of educational Sociology, 2018. Vol. 1. No. 9. Pp. 60-78
18. Mojtaba Jafarzadeh, Siamak Tahmasebi, Hossein Gholipor Identifying and Evaluating the Functions of Islamic University with Importance-Performance Approach (Case Study of Imam Sadegh University). Available at: https://www.bsrq.ir/article_118400.html
19. Saeid Golkar, Kasra Aarabi Raisi's Rising Elite. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363270492_Iran_2021_The_year_of_Transition
20. Sjoblom G. Some critical remarks on March and Olsen's Rediscovering Institutions // Journal of theoretical politics. 1993. No. 5 (3). pp. 397-407
21. Syed Qandil Abbas Iran's look east policy: a step towards countering western pressures // NDU Journal, 2023. No. 37. Pp. 59-72 DOI:10.54690/ndujournal.37.139.
22. Tarvirdizadeh V., Jafari Haft Khani N., Azarfar A. The Typology of Managers' Subjectivities about the International Interactions of Imam Sadiq University: Methodology Based on Q // Culture in the islamic university, 1398, Vol. 9. No. 4 (پیاپی 33). Pp. 527-542.
23. Taslimi Mohammadsaeed, Noruzi Khalil, Tarvirdizadeh Vahid, Sadeghikia Mohammad Ali Providing a framework for the development of science diplomacy of the Islamic Republic of Iran based on the capabilities of Imam Sadiq (AS) University and Prioritizing Its Strategies Based On the Mix Method // Management research in Iran

(Modares human sciences), 1397. Vol. 22. No. 1. Pp. 25-45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена иранской системе университетского образования, как модели призванной сохранить особую культурную и религиозную идентичность. Автора анализирует отличительные особенности построения системы передачи знаний в духе восточной традиции на примере университета Имама Садика, а также степень его вовлеченности в современную политическую систему страны. Предметом исследования выступает университет как место передачи знаний и производства науки. Также автор довольно четко обозначает как центральную тематик исследования, так и его ключевую целевую установку, выделяет ряд значимых задач, которые требуют решения. Однако не достаточно четко акцентирована методология исследования, не вполне ясно, какие методы использует автор. Но очевидно, что статья выполнена на стыки дисциплин, поставленных системе высшего образования и политологии. Актуальность данной проблематики с точки зрения столкновения западных и исламских ценностей не вызывает сомнения, автор стремится выявить те черты, которые преодолевают данные противоречия и позволяют выстроить гармоничную линию воспитания и образования новых поколений граждан в духе культурной идентичности своей стороны, абстрагируясь от модели глобализации. В структурном отношении публикация подготовлена очень качественно, имеется сильная вводная методологическая часть, содержание статьи логично разделено на тематические и смысловые блоки. Заключительная часть содержит выводы, которые свидетельствуют о высоком уровне научного потенциала данной публикации и ее теоретико-прикладной значимости. Сильной стороной исследования является представленный автором политологический анализ портрета выпускников исследуемого университета - так, автор отмечает, что исламский университет выступает эффективной моделью рекрутирования политической элиты. Анализируются компоненты и элементы внутри образовательной системы, что позволяет сделать весьма значимые выводы для понимания системы высшего образования внутри Исламской культуры. Список литературы представлен обширным количеством источников, включая зарубежные, статей и монографий, что свидетельствует о глубокой теоретической проработанности представленной автором проблематики. Подобных исследований, обстоятельно анализирующих исламский университет как институт высшего образования, способный выступить альтернативой доминирующей в западном пространстве модели университета, в отечественном обществоведении не много. Вместе с тем, автор мог бы отметить ряд российских наработок в данном направлении, а не только описывать степень разработанности данной проблематики в западной литературе. Но несмотря на наличие некоторых замечаний технического характера, представленная тематика однозначно вызовет высокий интерес читательской аудитории журнала Мировая Политика. Статья написана на хорошем научном языке и может быть рекомендована к публикации без внесения каких-либо значительных дополнений. Отдельно хочется отметить высокий уровень представлений статьи и не значимость для современного научного дискурса.

Англоязычные метаданные

Eternal return of the dragon: discursive power trap and decolonial critique of international relations theory

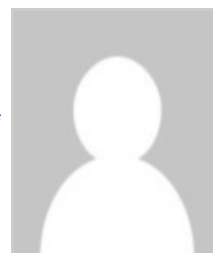
Kocherov Oleg Sergeevich

PhD in Politics

Research fellow, Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Associate professor, Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities

603064, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Lenin ave., 70, sq. 40

✉ netherdead@yandex.ru

Abstract. The paper explores discursive power and related concepts (institutional power, normative power, epistemic power) as an important part of contemporary PRC foreign strategy. As Westphalian identity carries certain risks for Beijing, China is actively trying to reconceptualize its identity through the development of epistemic power, its main manifestation being the emergence of the Chinese IR school. China's two main strategies of interaction with the Western IR theory are (1) transcending its parochiality through inclusion of Chinese concepts and research methods and (2) creating radical alternatives to Western IR theory. At a more fundamental level of theorizing about non-Western IR, the former strategy is broadly aligned with the project of "global IR" and the latter with a decolonial/postcolonial approach to IR. Decolonial hermeneutics allows for revealing the main shortcomings of "global IR" and the underlying epistemic culture, as well as for examining problems that arise from China's accumulation of discursive power. Based on the analysis, we can conclude that there are three potential strategies of the PRC: Westphalian discursivity, Westphalian discursivity with Chinese characteristics, and critical discursivity. The first two strategies can potentially lead China into the trap of discursive power: trying to resist Western discursive aggression through accumulation of discursive power, Beijing begins to internalize power structures and narratives inherent in the Western political model or romanticize alternative systems for the reproduction of power in imperial China, hence reinforcing international suspicions regarding its true intentions and taking a less advantageous strategic position. The paper proposes a number of ways out of this trap (development of cooperation with countries of the global South, interaction with their epistemic cultures, critical rethinking of modern Chinese concepts of international relations).

Keywords: global international relations, discursive power trap, Chinese IR theory, dichotomy of identity, colonial house of IR theory, non-Western IR theory, decolonial theory, epistemic power, discursive power, foreign strategy

References (transliterated)

1. Alekseenkova E.S. Diskursivnaya sila KNR protiv normativnoi sily ES: kazus Italii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 64. № 5. S. 62-72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
2. Ven' Tsyufan. Syueshu gotszi khuayuitsyuan' chzhun de yuiyan'tsyuan' ven'ti [Vopros o roli yazyka v mezhdunarodnoi akademicheskoi diskursivnoi sile] // Yuiyan' chzhn'lyue yan'tszyu [Issledovaniya yazykovoi strategii]. 2021. № 6. S. 76-85.
3. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. Ponyatie «poryadok, osnovannyi na pravilakh» i mezhdunarodnoe pravo // Moskovskii zhurnal

- mezhhdunarodnogo prava. 2021. № 2. S. 35-60. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>
4. Grachikov E.N. Stanovlenie kitaiskoi shkoly mezhhdunarodnykh otnoshenii: analiticheskie podkhody i metody issledovaniy // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 19. № 2. S. 187-200. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
 5. Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. SShA-KNR: «vlastnyi tranzit» i kontury «konfliktnoi bipolyarnosti» // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. № 2. S. 210-231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
 6. Denisov I.E. Kontseptsiya «diskursivnoi sily» i transformatsiya kitaiskoi vneshnei politiki pri Si Tszin'pine // Sravnitel'naya politika. 2020. T. 11. № 4. S. 42-52. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>
 7. Denisov I.E., Zuenko I.Yu. Ot myagkoi sily k diskursivnoi sile: novye ideologemy vneshnei politik KNR. M.: IMI MGIMO MID Rossii, 2022.
 8. Erokhov I.A. Gramshianskaya teoriya gegemonii v perspektive sovremennoi sotsial'no-politicheskoi kritiki // Politiko-filosofskii ezhegodnik. 2008. T. 20. № 8. S. 71-87.
 9. Konopii A.S. Tsifrovaya tekhnokratiya i diskursivnaya sila kitaiskogo gosudarstva: politiko-pravovoi aspekt // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. – 2022. T. 9. № 2. S. 65-71. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-7>
 10. Konfutsianskoe «Chetveroknizhie» («Sy shu») / pod red. L.S. Perelomova. M.: Vostochnaya literatura RAN, 2004.
 11. Korostikov M.Yu. Dinamika vneshnei politiki KNR cherez prizmu natsional'nykh interesov // Sravnitel'naya politika. 2016. № 4. S. 108-126. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-108-126](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-108-126)
 12. Krivokhizh S.V., Soboleva E.D. Drevnost' na sluzhbe sovremennosti: teoriya moral'nogo realizma Yan' Syuetuna i budushchee mirovogo poryadka // Mirovaya ekonomika i mezhhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. № 11. S. 76-84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
 13. Kuznetsov A.M. «Mirnoe razvitie Kitaya» i nekotorye problemy teorii mezhhdunarodnykh otnoshenii // Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo. 2013. T. 15. № 2. S. 21-40.
 14. Lomanov A.V. Tszin' i Chu vmesto Afin i Sparty // Mirovaya ekonomika i mezhhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 64. № 8. S. 127-132.
 15. Loshkarev I.D. Postkolonializm v mezhhdunarodnykh issledovaniyakh: dva lika teorii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 22. № 4. S. 659-670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>
 16. Portyakov V.Ya. Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi respubliki v XXI stoletii. M.: IDV RAN, 2015.
 17. Si Tszin'pin khueitszyan' Meigo gokhuei tsan'iyuan' doshudan linsyu Shumo isin [Si Tszin'pin vstretilsya s delegatsiei lidera bol'shinstva v amerikanskom Senate Chaka Shumera] // MID KNR. 9 oktyabrya 2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202310/t20231009_11158283.shtml (data obrashcheniya: 21.10.2023)
 18. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / per. s frants. S. Tabachnikovoi. M.: Kastal', 1996. S.

47-96.

19. El'muradov A. Postkolonial'naya/dekolonial'naya kritika i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2021. T. 14. № 3. S. 23-38.
<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>
20. Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // Ethics & international affairs. 2017. Vol. 31. № 3. Pp. 271-285.
<https://doi.org/10.1017/s089267941700020x>
21. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // International Studies Quarterly. 2014. Vol. 58. № 4. Pp. 647-659. <https://doi.org/10.1111/isqu.12171>
22. Acharya A., Buzan B. Why is there no Non-Western International Relations Theory? Ten years on // International Relations of the Asia-Pacific. 2017. Vol. 17. № 3. Pp. 341-370. <https://doi.org/10.1093/irap/lcx006>
23. Agathangelou A.M., Ling L.H.M. Transforming World Politics: From Empire to Multiple Worlds. New York: Routledge, 2009.
24. Babones S. From Tianxia to Tianxia: The Generalization of a Concept // Chinese Political Science Review. 2020. Vol. 5. № 2. Pp. 131-147.
<https://doi.org/10.1007/s41111-019-00139-9>
25. Bauder H., Mueller R. Westphalian Vs. Indigenous Sovereignty: Challenging Colonial Territorial Governance // Geopolitics. 2023. Vol. 28. № 1. Pp. 156-173.
<https://doi.org/10.1080/14650045.2021.1920577>
26. Behuria A.K. How Sri Lanka walked into a debt trap, and the way out // Strategic Analysis. – 2018. Vol. 42. № 2. Pp. 168-178.
<https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439327>
27. Chu S. Whither Chinese IR? The Sinocentric subject and the paradox of Tianxia-ism // International Theory. 2020. Vol. 14. № 1. Pp. 57-87.
<https://doi.org/10.1017/S1752971920000214>
28. Freyberg-Inan A. What Moves Man: The Realist Theory of International Relations and Its Judgment of Human Nature. New York: SUNY Press, 2004.
29. Hobson J.M. Un-veiling the Racist Foundations of Modern Realist and Liberal IR Theory // Globalizing International Theory: The Problem with Western IR Theory and How to Overcome It / Ed. by A. Layug, J.M. Hobson. New York: Routledge, 2023. Pp. 54-71.
30. Johnston A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // International Security. 2019. Vol. 44. № 2. Pp. 9-60. https://doi.org/10.1162/isec_a_00360
31. Joint statement of 69 countries at the Interactive Dialogue on High Commissioner's annual report at the 47th session of the Human Rights Council // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland. 2021. URL: http://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202106/t20210624_9103595.htm (data obrashcheniya: 21.10.2023)
32. Kinyondo A. Is China Recolonizing Africa? Some Views from Tanzania // World Affairs. 2019. Vol. 182. № 2. Pp. 128-164. <https://doi.org/10.1177/0043820019839331>
33. Kristensen P.M., Tickner A.B. Beyond a 'More International' International Relations // Globalizing International Theory: The Problem with Western IR Theory and How to Overcome It / ed. by A. Layug, J.M. Hobson. New York: Routledge, 2023. Pp. 33-53.
34. Mattingly D. et al. Chinese State Media Persuades a Global Audience That the "China

- Model" is Superior: Evidence from A 19-Country Experiment. 2023. URL: <https://files.osf.io/v1/resources/5cafd/providers/osfstorage/6307c019f706821e8cfa31fd?action=download&direct&version=3> (data obrashcheniya: 21.10.2023)
35. Mattingly D.C., Sundquist J. When does public diplomacy work? Evidence from China's "wolf warrior" diplomats // *Political Science Research and Methods*. 2023. Vol. 11. № 4. Pp. 921-929. <https://doi.org/10.1017/psrm.2022.41>
 36. Mignolo W. The Colonial Matrix of Power // *Talking About Global Inequality: Personal Experiences and Historical Perspectives* / ed. by Christian Olaf Christiansen, Mélanie Lindbjerg Machado-Guichon, Sofía Mercader, Oliver Bugge Hunt, Priyanka Jha. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. Pp. 39-46.
 37. Murphy D. China's Rise in the Global South: The Middle East, Africa and Beijing's Alternative World Order. Stanford University Press, 2022.
 38. Nearly 100 countries publicly express support for China on Xinjiang-related issues: Chinese FM // *Global Times*. September 21, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298584.shtml> (data obrashcheniya: 25.10.2023)
 39. Perez Mena F. The Trap of Diversity: What Constitutes 'Non-Western IR Theory'? // *E-International Relations*. 2020. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/08/the-trap-of-diversity-what-constitutes-non-western-ir-theory/> (data obrashcheniya: 25.10.2023)
 40. Sekin H.K.A. Arab States And The Unrest In China's Xinjiang Province // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2015. Vol. 19. № 3. Pp. 118-133. <https://doi.org/10.2307/48505459>
 41. Shih Chih-yu. The Plausible Asian Schools of International Relations: Hypothesizing Non-Interventionism // *Sovereignty and Humanitarian Intervention in the International Society of East Asia-Historical Legacies and New Dynamics*. 2010. URL: https://www.uni-heidelberg.de/md/zo/sino/research/2009_shih_chih-yu_east_asian_ir.pdf (data obrashcheniya: 25.10.2023)
 42. Viramontes E. Questioning the quest for Pluralism: How Decolonial is Non-Western IR? // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2022. Vol. 47. № 1. Pp. 45-63. <https://doi.org/10.1177/03043754211064545>
 43. Voskressenski A. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.
 44. Walt S. China Wants a 'Rules-Based International Order,' Too // *Foreign Policy*. March 31, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/china-wants-a-rules-based-international-order-too/> (data obrashcheniya: 02.11.2023)
 45. Witt A. et al. How to Problematize the Global? // *Millennium: Journal of International Studies*. – 2022. Vol. 51. № 1. Pp. 33-80. <https://doi.org/10.1177/03058298221139330>
 46. Wu W. China's Position towards UN Security Council Reform: Balancing Legitimacy and Efficiency // *Strategic Analysis*. 2020. Vol. 44. № 5. Pp. 502-509. <https://doi.org/10.1080/09700161.2020.1824453>
 47. Zhao T. All Under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order / translated by Joseph E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021.

Ideological Rapprochement of the Islamic Revolution and the Muslim Brotherhood

Eldeeb Amr Mohamed

PhD in History

Associate Professor, Institute of International Relations and World History, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University.

603070, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, bldg. 14, office 317

✉ amr_eldeeb88@yahoo.com

Abstract. The creation of the Sunni Muslim Brotherhood movement in Egypt in 1928, and the success of the Shiite Islamic Revolution in Iran in 1979, led by the Khomeini movement, are important events in the twentieth century for the Muslim world and the Middle East. The role of these two movements is clear and important in all the historical events that have taken place in the Middle East over the past 60 years. The two movements have converged in some ideology since the 1950s, despite the existence of a Sunni-Shiite conflict 1,300 years ago. In this article, we will try to answer the question of why there are strong relations between the Sunni movement and the Shiite movement by telling about the historical events between the Muslim Brotherhood and the Khomeini revolution in Iran, using an analytical approach to the events that took place in the Middle East that united these two movements, such as the Khomeini Revolution of 1979 The Iranian-Iraqi War of 1980-1988, the Palestinian crisis and the Egyptian Revolution of 2011. We will also clarify the relationship between the Muslim Brotherhood and the Turkish-Qatari-Iranian triangle. The article explains the long-standing relations between the Muslim Brotherhood and the Iranian revolution, and focuses on the continuation of these relations to the present, which has influenced the situation in the Arab region, especially in the Arab Republic of Egypt. This article proves the relationship between this group and Iran, even though Iran is a Shiite state and the Brotherhood is a Sunni group. The emphasis was placed on the fact that these relations had a great negative role on the events in Egypt after the Egyptian revolution of 2011, as well as on the form of relations in the Persian Gulf region with the union of Iran, Turkey and the State of Qatar.

Keywords: Qatar, Turkey, Middle East, Mohamed Morsy, color revolutions, The Egyptian Revolution, The Iranian Islamic Revolution, Egypt, Muslim Brothers, Iran

References (transliterated)

1. Intelligence Report. Centers of Power in Iran" (PDF). CIA. May 1972. P 9.
2. Sbornik poslanii imama Khasana Banna. Andalus Khaus. Beirut. 196, str. 112.
3. Akhmed Yusef. Brat'ya-musul'mane i islamskoi revolyutsii v Irane. Dom Khekma dlya issledovaniy i konsul'tatsii. Kair. 2010. str. 24.
4. Brat'ya-musul'mane v Egipte i Irane. Mekhdi Khaldzhi, Vashingtonskii institut blizhnevostochnykh issledovaniy, 12-02-2009, ssylka: <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/view/egypts-muslim-brotherhood-and-iran>
5. Sekret vzaimootnoshenii Brat'ev-musul'man «Kutb» i «Navvab» Khomeini, vorot islamskikh dvizhenii, 16-03-2017.URL: <http://www.islamist-movements.com/39472>
6. Biografiya Verkhovnogo lidera islamskoi revolyutsii. URL: <http://arabic.khamenei.ir/news/1506>
7. Iran-Brotherhood ties: rooted in history with eye on future. The National. January 15, 2013/ URL: <https://www.thenational.ae/opinion/comment/iran-brotherhood-ties-rooted-in-history-with-eye-on-future-1.575299#full>
8. Egiptskii zhurnal «Al'-Musavar», interv'yu s liderom Omarom Al'-Tlemisani, fevral' 1982

- g.
9. Rashid al'-Gannushi, Khasan al'-Turabi. Islamskoe dvizhenie i modernizatsiya, Dar al'-Dzhil, Beirut, Pervoe izdanie 1984, str. 17.
10. Zhurnal "Davat", № 19, interv'yu s Abu al'-Maududi, avgust 1979 g.
11. Iranskaya revolyutsiya v balanse, zhurnal «Obshchestvo», Kuveit, v marte 1979 goda.
12. Omar Al'-Tlemisani, shiity i sunny, zhurnal «Davat», № 105, iyul' 1985 goda.
13. Khamar Yar, Abbas, Iran i Brat'ya-musul'mane: faktory sblizheniya i razdeleniya, Tsentri strategicheskikh issledovaniy, issledovaniy i dokumentatsii, Beirut, 2001. S. 231.
14. Mezhdunarodnye otnosheniya "Brat'ev-musul'man" glazami Yusefa Nada ch 2, Aljazeera net, 11/08/2002. URL:
<https://www.aljazeera.net/programs/centurywitness/2005/1/10/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D9%8A%D8%A9-%D9%84%D9%84%D8%A5%D8%AE%D9%88%D8%A7%D9%86-%D9%83%D9%85%D8%A7-%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D9%87%D8%A7-3>
15. Prichiny tragedii. Zhurnal " Al'-ei tusam", № 1400-oktyabr' 1980, s.10.
16. Brat'ya-musul'mane i shiity mezhdunarodnykh videniy zakonnosti i politicheskoi praktikoi (chast' VII). Brat'ya viki. URL: [https://www.ikhwanwiki.com/index.php?title=الإخوان المسلمون والشيعة..بين الرؤية الشرعية والممارسة السياسية_\(الجزء السابع\)](https://www.ikhwanwiki.com/index.php?title=الإخوان المسلمون والشيعة..بين الرؤية الشرعية والممارسة السياسية_(الجزء السابع))
17. Mezhdunarodnye otnosheniya "Brat'ev-musul'man" glazami Yusefa Nada ch 2, Aljazeera net, 11/08/2002. URL:
<https://www.aljazeera.net/programs/centurywitness/2005/1/10/العلاقات-الدولية-للإخوان-كما-يراهها-يوسف-ندا-ح2>
18. Brat'ya-musul'mane v Egipte i Irane. Mekhdi Khaldzhi, Vashingtonskii institut blizhnevostochnykh issledovaniy, 12-02-2009, URL:
<https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/view/egypts-muslim-brotherhood-and-iran>
19. Mokhamed Abu El'rab. «Iran i KhAMAS: posle vyborov v politbyuro», kniga № 124 mai 2017 g. Tsentri issledovaniy i issledovaniy Al Maspar. Dubae. Str. 188.
20. Khaled Mashal' pribyl v Tegeran, informatsionnoe agentstvo Kuveita. 13.12.2009. URL:
<https://www.kuna.net.kw/ArticlePrintPage.aspx?id=2046657&language=ar>
21. Delegatsiya KhAMASa v Irane ... podtverzhdaet rol' Tegerana v podderzhke soprotivleniya. Al Alam TV. 22-10-2017. URL:
<https://www.alalamtv.net/news/3100396/ وفد-حماس-في-إيران-تأكيد-دور-طهران-في-دعم-المقاومة>
22. Neprevzoidennyye ozhidaniya: Iran i Brat'ya-musul'mane posle arabskikh vosstanii. Tsentri Karnegi na Blizhnem Vostoke. Valid Badavi, Usama El' Saiyad. URL:
<https://carnegie-mec.org/2019/03/28/ar-pub-78702>
23. Mukhammed Saied. Brat'ya-musul'mane i Iran. Khomeini-Khamenei. Dzhadavil. Beiru, 2013. Str. 103-104.
24. Reshenie po sudebnomu razbiratel'stvu M. Mursi i drugikh obvinyaemykh [Elektronnyi resurs] // Kairskii ugolovnyi sud, 16.06.2015,-Rezhim dostupa:
<http://www.sis.gov.eg/PDF/Ar/1/130.pdf>
25. Islamskaya konferentsiya po probuzhdeniyu v Irane kontrproduktivna iz-za Sirii. Youm 7. 3-2-2012. URL: <https://www.youm7.com/story/2012/2/3/نيويورك-تايمز-مؤتمر-الصحة-الإسلامية-في-إيران-يأتى-بنتائج-عكسية/593585>
26. Mursi poseshchaet Tegeran v zhestke normalizatsii mezhdunarodnykh Egiptom i Iranom.France 24

- 08-28-2012. URL: <https://www.france24.com/ar/20120828--الانحياز-إيران-عدم-الانحياز-السعودية-الخليج-علاقات-قطر-سوريا-السنة-الشيعة-الإخوان-المسلمين>
27. Akhmadinezhad pribyl v Egipte pervogo vizita iranskogo prezidenta. BBC. 5-2- 2013g. URL: http://www.bbc.com/arabic/middleeast/2013/02/130205_iran_egypt_nijad_visit
28. Neprevzoidennye ozhidaniya: Iran i Brat'ya-musul'mane posle arabskikh vosstanii. Tsentri Karnegi na Blizhnem Vostoke. Valid Badavi, Usama El' Saiyad. URL: <https://carnegie-mec.org/2019/03/28/ar-pub-78702>
29. Politicheskaya stsena 7 aprelya 2019 goda. Tsentri issledovaniy "Politicheskaya ulitsa". URL: <http://www.politicalstreet.org/political/1829/Default.aspx>
30. Iran i Turtsiya vystupili protiv vklyucheniya «Brat'ev-musul'man» v spisok «terroristicheskikh organizatsii» SShA. Ashark al'-Avsat 02-5-2019 g. URL: <https://aawsat.com/home/article/1703971/-الإخوان-«ترتب-لتصنيف-»Iran-وتركيا-ترفضان-تحرك-ترتب-لتصنيف-الإخوان-منظمة-إرهابية>

CERN's sanctions regime against Russian science: nature, features and consequences

Shugurov Mark Vladimirovich

Doctor of Philosophy

Professor of the Department of international law, Saratov State Law Academy

410028, Russia, Saratov, Volskaya str., 1

✉ shugurovs@mail.ru

Kolodub Grigori Vyacheslavovich

PhD in Law

Associate professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy

410028, Russia, Saratov region, Saratov, Volskaya str., 1, room 521

✉ kolodub-ssla@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the process of forming the CERN sanctions regime regarding Russia's participation in global scientific megaprojects in the field of theoretical physics. The purpose of the article is to reveal the content and organizational mechanism of CERN sanctions aimed at ending institutional cooperation with Russia. The objectives of the study include determining the algorithm of the long-term bilateral strategic partnership between Russia and CERN; revealing the grounds and logic of CERN's unilateral termination of promising cooperation with Russia, as well as predicting the negative consequences of sanctions. The authors pay special attention to testing the research hypothesis that CERN's anti-Russian sanctions policy is based on a combination of, on the one hand, politicized principles, and, on the other, extreme prudence, which resulted in the "stretching" of the measures taken over time and their focus on taking into account the current geopolitical situation. This indicates the incompleteness of the transition from the logic of scientific diplomacy to the rigid logic of sanctions, which makes it possible to predict the preservation of some elements of scientific diplomacy in relations between CERN and Russia. The methodological base of the research includes traditional methods and approaches (analysis and synthesis, abstraction and generalization; modeling; forecasting; the general scientific principle of dialectical development; a systematic approach), as well as new methods (meta-analysis, discursive analysis, stochastic factor analysis). It is concluded that CERN's sanctions policy, based on an appeal to value motivations, is characterized by flexible consideration of

the current geopolitical situation and the gradual nature of the restrictive measures taken. The research hypothesis about the preservation of a certain potential of scientific diplomacy in relations between CERN and Russia has been confirmed in the work. This is reflected in the continuation of cooperation and fulfillment of obligations under existing bilateral agreements. It is proved that, by their nature, CERN sanctions belong to an independent category of sanctions against Russian science, which are imposed by international structures operating in the field of megascience. The novelty of the research lies in the actualization of the need to develop a special direction of Russian scientific and technical policy aimed at mitigating the consequences of sanctions complications in relations with international organizational structures in the field of megascience.

Keywords: science diplomacy, global science, Russian science, institutional gap, strategic partnership, fundamental physics, scientific sanctions, CERN, megascience, science policy

References (transliterated)

1. Dezhina I.G., Egerev S.V. Dvizhenie k avtarkii v rossiiskoi nauke skvoz' prizmu mezhdunarodnoi kooperatsii // EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2022. № 1. S. 35–53. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-35-53.
2. Fomkin F.S. Rossiiskaya nauka v period sanktsii // Respublica Literaria. 2022. № 3. S. 106–117. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106-117.
3. Khanin G.I. Rossiiskaya nauka v period sanktsii v svete problemy modernizatsii rossiiskoi ekonomiki // Upravlenie nauko: teoriya i praktika. 2022. № 3. S. 69–84. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.6.
4. Nikonova A.A. Primenenie sistemnogo analiza dlya rekonstruktsii modeli mezhranichnykh resursopotokov i sotrudnichestva v NIOKR pod vliyaniem sanktsii // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2023. № 1. S. 8–26. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.1.8-26.
5. Noorden R. van Data Hint at Russia's Shifting Science Collaborations After Year of War // Nature. 2023. Vol. 615. Issue 7951. P. 199–200. DOI: 10.1038/d41586-023-00552-w.
6. Koonin E.V. Science in Times of War: Oppose Russian Aggression but Support Russian Scientists // EMBO. 2022. Rep 23: e54988. DOI: 10.15252/embr.202254988.
7. Gaind N., Else H. Global Research Community Condemns Russian Invasion of Ukraine // Nature. 2022. Vol. 603. Issue 7900. R. 209–210. DOI: 10.1038/d41586-022-00601-w.
8. Plackett B. The Future of Research Collaborations Involving Russia. As Sanctions Take Effect Following Its Invasion of Ukraine, Russia Risks Its Standing in the Research World // Nature 2022 (March 18). DOI: 10.1038/d41586-022-00761-9.
9. Cramer K.C. The Role of European Big Science in the (Geo)political Challenges of the Twentieth and Twenty-first Centuries // Big Science and Research Infrastructures in Europe / ed. by K.C. Cramer and O. Hallonsten. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2020. P. 56–75.
10. Kondzhakulyan K.M., Varfolomeev A.K. Normativno-pravovoe regulirovanie Bol'shogo adronnogo kollaidera // Nauchnye diskussii. 2022. № 4. S. 79–82.
11. Popov V.Ya., Voronina N.M. Dostizheniya v fizike elementarnykh chastits i ikh vliyaniye na predmet istorii i filosofii nauki // Chelovek. Obshchestvo. Nauka. 2023. T. 4. № 1. S. 15–23. DOI:10.53015/2686-8172_2023_4_1_15.
12. Kozlov G.A., Matveev V.A., Savrin V.I. O pol'ze uchastiya v programmakh po fizike

- elementarnykh chastits pri vysokikh energiyakh. – Dubna: OIYaI, 2014. 51 s.
13. Smirnov S. Russia – CERN Cooperation: Current Status and Perspectives // Journal of Physics: Conference Series. 2019. Vol. 1406. P. 1–11. DOI:10.1088/1742-6596/1406/1/012003.
 14. Maksimenko S., Makarenko V. Vklad otechestvennykh uchenykh i inzhenerov v eksperimenty CERN // Nauka i innovatsii. 2017. № 10. S. 16–18.
 15. Chetverikov A.O. Bol'shoi adronnyi kollaidier kak yuridicheskii fenomen (Ch. 2) // Lex Russica. 2019. № 5. S. 161–173. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.161-173.
 16. Teimurov S.E.o., Kozheurov Ya.S. Organizatsionno-pravovye modeli mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva po sozdaniyu i ekspluatatsii global'noi issledovatel'skoi infrastruktury v yadernoi sfere // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2020. № 3. S. 21–36. DOI: 10.7256/2454-0633.2020.3.33961.
 17. Shugurov M.V. Sanktsionnyi rezhim Evropeiskogo soyuza v otnoshenii rossiiskoi nauki // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2023. № 4. S. 22–45. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.4.69177.

The Impact of External Dynamics of the Pamir Crisis in 2018-2022

Chipizubova Polina Andreevna

Student, Global Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

119454, Russia, the city of Moscow, Moscow, Vernadsky str., 76, bldg. B

✉ chip-polina2002@mail.ru

Abstract. Despite the fact that the Pamir region has been experiencing turbulence for decades, experts agree that lately the central government's course towards Pamir has intensified to an unprecedented degree. The author's hypothesis is that one of the main reasons for this trend is a change in the configuration of external actors' interests. In this regard, the research question is: "What is the impact of key external actors on the dynamics of the Pamir crisis of 2018-2022?" The methodological basis of the study includes a critical analysis of primary and secondary sources, case studies and comparative analysis. The scientific novelty of the study lies in the fact that this topic remains marginal both in Russia and abroad, and in Tajikistan it is often taboo. Another factor preventing this topic from leaving the periphery of scientific knowledge is the inaccessibility of reliable information sources.

Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the Pamir crisis is an extremely multifactorial conflict that is becoming increasingly internationalized. Pamir is an extremely resource-rich and promising region, which borders on Afghanistan, ruled by a terrorist regime, and on the Chinese XUAR, where the problems of terrorism, separatism and extremism remain unresolved. All this makes the Pamirs a point of interest intertwining of various external players in economics, security and the military-industrial complex and makes the dynamics of the internal crisis in Pamir dependent on the configuration of these interests.

Keywords: NGO, European Union, USA, Russia, China, separatism, Central Asia, Pamir, Tajikistan, Post-Soviet Space

References (transliterated)

1. Margulis S.B. Faktory radikalizatsii islama v postsovetskom Tadzhikistane // Vestnik Omskogo universiteta. – 2020. – №4(28). – S. 121-130. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44420762> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
2. Russkaya sluzhba BBC News . Tadzhikistan: desyatki pogibshikh v boyakh u goroda Khorog. – 2012. – URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/07/120723_tajic_khorog_assault (data obrashcheniya: 27.11.2022).
3. IA Radio Azzatyk (priznano inoagentom na territorii RF). Chto proiskhodit v Gornom Badakhshane? – 2014. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/stolknovenia-v-gornom-badakhshane/25405422.html> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
4. Informatsionnyi portal Eurasianet. Tadzhikistan: vlasti delayut rezkie zayavleniya o GBAO, usilivaya napryazhennost'. – 2018. – URL: <http://surl.li/dvjbe> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
5. Portal petitsii Change.org. Obrashchenie vykhodtsev iz GBAO v podderzhku mira na Pamire. – 2018. – URL: <http://surl.li/dvjbh> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
6. IA Fergana. Sem' samuraev. Rakhmonu udalos' podtverdit' svoyu vlast' nad Pamirom. – 2018. – URL: <https://fergananews.com/articles/10257> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
7. IA Pamir Daily News. V Khoroge miting. Pryamo seichas tam idet perestrelka. – 2021. – URL: <http://surl.li/dvjxe> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
8. IA Mediazona (priznano inoagentom na territorii RF). Kogda u mira gorit krysha. Gornyi Badakhshan uzhe 30 let soprotivlyaetsya popytkam vlastei Tadzhikistana «navesti poryadok» v regione. – 2021. – URL: <https://mediazona.ca/article/2021/12/03/pamir> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
9. IA Mediazona (priznano inoagentom na territorii RF). Pamir vstal za zemlyaka. Vlastyam Tadzhikistana prishlos' otpravit' voiska i spetsnaz na podavlenie protestov v Gornom Badakhshane. – 2022. – URL: <https://mediazona.ca/article/2022/05/19/khorugh> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
10. Publikatsiya v telegram-kanale pamirdailynews. – 2022. – URL: <https://t.me/pamirdailynews/654> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
11. IA Kommersant". Tleyushchii tadzhikskii region zadymil protestami. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5356110> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
12. Media Group Asia-Plus Tajikistan. Zayavlenie redaktsii «Aziya-Plyus» o situatsii v GBAO – 2022. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20220517/zayavlenie-redaktsii-aziya-plyus-o-situatsii-v-gbao>
13. IA Pamir Daily News. Open Democracy: Ubiistvo, potryasshee Pamir do glubiny dushi. – 2022. – URL: <http://surl.li/dvjja> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
14. Media Platform OpenDemocracy. Suzanne Levi-Sanchez. The assassination that shook the Pamir Mountains to the core. – 2022.-URL: <https://inlnk.ru/ELMEJN> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
15. The International Crisis Group Report. Bor'ba za vlast' v GBAO. – 2018.-URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
16. Proekt instituta po osveshcheniyu voyny i mira CABAR.Asia. Rol' Rossii na Pamire: igrok ili nablyudatel'? – URL:<https://cabar.asia/ru/rol-rossii-na-pamire-igrok-ili-nablyudatel> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
17. Central Asia Expert Program. Expert Interview. The reasons behind a new wave of

- violence in the Pamirs. – 2022. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPYUgGurL8w> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
18. Proekt instituta po osveshcheniyu voyny i mira CABAR.Asia. Rezul'taty spetsoperatsii na Pamire: glavnye aktory i dal'neishee razvitiye. – 2018. – URL: <https://cabar.asia/ru/rezultaty-spetsoperatsii-na-pamire-glavnye-aktory-i-dalnejshee-razvitiye> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 19. Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Tadjikistan. Vstrecha s Prezidentom RF Vladimirom Putiny. – 2022. – URL: <http://president.tj/ru/node/28332> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 20. Ofitsial'nyi sait MID Rossii. Brifing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V.Zakharovoi, Moskva, 18 maya 2022 goda – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813888/#38 (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 21. Ofitsial'nyi sait OON. General'naya Assambleya OON prinyala rezolyutsiyu «Gumanitarnye posledstviya agressii protiv Ukrainy» – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1420532> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 22. Ofitsial'nyi sait OON. Genassambleya OON potrebovala ot Rossii «nemedlenno» vyvesti svoi voiska iz Ukrainy. – 2022. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419092> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 23. Ofitsial'nyi sait OON. UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council. – 2022. – URL: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 24. Russkaya sluzhba The Moscow Times. Gotovilis' k zashchite ot islamistov, a okazalis' v Ukraine. Kak «spetsoperatsiya» ogolyaet yuzhnyi flang Rossii. – 2022. – URL: <https://www.moscowtimes.ru/2022/05/05/gotovilis-k-zaschite-ot-islamistov-a-okazalis-v-ukraine-kak-spetsoperatsiya-ogolyaet-yuzhnii-flang-rossii-a20134> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 25. Nezavisimaya Gazeta. Pekin osvaivaet Gorniy Badakhshan. – 2019. – URL: https://www.ng.ru/cis/2019-10-31/5_7717_tajikistan.html (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 26. Ofitsial'nyi sait Natsional'nogo banka Tadjikistana. Platezhnyi balans Respubliki Tadjikistan. – 2022. – URL: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 27. United States Institute of Peace. Russia's Ukraine War Weighs Heavily on Tajikistan – 2022. – URL: <https://www.usip.org/publications/2022/05/russias-ukraine-war-weighs-heavily-tajikistan> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 28. IA Sary-Kol. Vostochnyi Pamir. Tainstvennyi Yakchilva. – 2019. – URL: <http://www.sary-kol.ru/stati/pamir/tainstvennyi-ak-zhylga-iakchilva--radio-ozodi-stali-izvestny-detali-sdelki-dushanbe-s-kitaiskoi-kompaniei.html> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 29. IA Pamir Daily News. Voennye ucheniya ne rezhe odnogo raza v god. Novoe soglasenie mezhdru Tadjikistanom i Kitaem. – 2022. – URL: <https://inlnk.ru/0QJeyz> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 30. Radio Free Europe (priznano inoagentom na territorii RF). U.S. Embassy In Tajikistan Concerned Over Internet Blockage In Gorno-Badakhshan. – 2022. – URL: <https://www.rferl.org/a/tajikistan-internet-gorno-badakhshan-us-embassy/31756611.html> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
 31. Ofitsial'nyi sait Posol'stva SShA v Tadjikistane. Sovmestnoe zayavlenie o sobyitiyakh v GBAO. – 2022. – URL: <https://clck.ru/32ng9z> (data obrashcheniya: 27.11.2022).

32. Ofitsial'nyi sait posol'stva Shveitsarii v Tadzhikistane. Internal tensions and violent clashes in the Gorno-Badakhshan Autonomous region. – 2022. – URL: <https://www.eda.admin.ch/countries/tajikistan/en/home/news/news.html/content/countries/tajikistan/en/meta/news/2022/May/internal-tensions> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
33. Ofitsial'nyi sait Evroparlamenta. The situation in Tajikistan's Gorno-Badakhshan Autonomous Province. – 2022. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0293_EN.pdf (data obrashcheniya: 27.11.2022).
34. Bezrukov Aleksei Eduardovich, Ivanov Konstantin Aleksandrovich, Chimiris Ekaterina Sergeevna. INTEGRATsIONNYE PROTsESSY V TsENTRAL'NOI AZII: STOLKNOVENIE INTERESOV VNESHNIKh AKTOROV // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2021. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-protsessy-v-tsentralnoy-azii-stolknovenie-interesov-vneshnih-aktorov/viewer> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
35. Toropygin A.V., Mendagaziev A.E. VZAIMOZAVISIMOST' INTERESOV SShA, KITAYa I ROSSII V TsENTRAL'NOI AZII // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2020. №3 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimozavisimost-interesov-ssha-kitaya-i-rossii-v-tsentralnoy-azii/viewer> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
36. Ofitsial'nyi sait OON. Daily Press Briefing by the Office of the Spokesperson for the Secretary-General. – 19.05.2022. – URL: <https://press.un.org/en/2022/db220519.doc.htm> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
37. Ofitsial'nyi sait OON. Ekspert OON vstrevozhnen repressiyami protiv pamirskogo men'shinstva v Tadzhikistane. – 20.05.2022. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1424272> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
38. Human Rights Watch (na territorii RF priznana inoagentom). Tajikistan: Stop Abusing Autonomous Region Protesters. – 2022. – URL: <https://www.hrw.org/news/2022/05/26/tajikistan-stop-abusing-autonomous-region-protesters> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
39. Human Rights Watch (na territorii RF priznana inoagentom). Tadzhikistan: Nesoglasnym iz Gornogo Badakhshana ne obespechivaetsya pravo na spravedlivyi sud. – 2022. – URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2022/08/23/tajikistan-autonomous-region-protesters-denied-fair-trials> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
40. Genocide Watch (na territorii RF priznana inoagentom). Genocide Watch:Tajikistan. – 2022. – URL: <https://www.genocidewatch.com/single-post/genocide-watch-tajikistan> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
41. Pravozashchitnaya gruppa NGO Civil Rights Defenders. NGOs Call on the Tajikistani Authorities to Respect International Law. – 2022. – URL: <https://crd.org/2022/05/24/ngos-call-on-the-tajikistani-authorities-to-respect-international-law/> (data obrashcheniya: 27.11.2022).
42. Sputnik Tadzhikistan (na territorii RF priznana inoagentom). Muki vybora: pochemu Tadzhikistan ne speshit vstupit' v EAES i chem eto grozit. – 2022. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220620/tajikistan-eaeu-vstuplenie-plyusy-minusy-1049353915.html> (data obrashcheniya: 27.11.2022).

Features of the external cultural policy of the Italian Republic

in the countries of the post-Soviet space (on the example of the relations between Italy and Uzbekistan)

Avetisyan Alvina Aleksandrovna

Postgraduate student, Department of Italian Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ alvinaavetisyan@yandex.ru

Abstract. The active development of international relations in the conditions of globalization provokes an increase of the interest towards the individual countries. In this context there occurs a shift in the emphasis within the framework of the state's foreign policy towards attracting political interest in the country through the mechanisms of "soft power". The author examines the features of the Italian external cultural policy and observes its resources which are promoted within the framework of creating a positive image of Italy in the Asian countries, in particular, in Uzbekistan as a post-Soviet space country. Novelty of the research consists in the necessity of an overview of activities of Italian official actors promoting a positive image of a country taking into consideration the apparent shift of the vector of international relations and cultural diplomacy towards the Central Asia region accrued with the arrival of a new decade of the XXI century. It also leads to the implementing different approaches of the "soft power" policy depending on the country of presence. With the use of general scientific methods such as analysis and interpretation of information and forecasting, it becomes possible to present a detailed consideration of the components of Italian national culture and the official events conducted by official actors of the Italian external cultural policy. The article is also aimed at finding out the approaches of choosing platforms for promoting the identified resources of the Italian "soft power". The study reveals the Italian culture components promoted in Uzbekistan, studies the directions and spheres they are present and evaluate the prospects for work in the furtherance of the Italian "soft power" resources promoted within the external cultural policy of the Italian Republic in the region of Central Asia.

Keywords: Uzbekistan, Central Asia, Soft power, Italian culture, Uzbek and Italian relations, national culture promotion, international cooperation, cultural diplomacy, External cultural policy, geo-branding

References (transliterated)

1. Naumov A. O. Myagkaya sila, «Tsvetnye revolyutsii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2016. 276 s.
2. Sakharov A. G. «Myagkaya sila» Italii. // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. T. 9. 2014. № 2. S. 59-71.
3. Avetisyan A.A. Verbal'nye i neverbal'nye sredstva v sozdanii obraza strany (na materiale internet-resursov Natsional'nogo ital'yanskogo agentstva po turizmu «ENIT») // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2023. Tom 13. No 5-6A. S. 141-148.
4. Anholt S. Public diplomacy and place branding: Where's the link?. Place Brand Public Dipl 2, 2006. P. 271-275.
5. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. Exchange: The Journal of Public Diplomacy: Vol. 2: Iss. 1, Article 1, 2013. P. 6-7.

6. Cappelli F. Il made in Italy: dalle origini alle nuove sfide. // Roma: LUISS Guido Carli, 2015. 77 p.
7. Vasilenko E. V. «Myagkaya sila» imidzhevoi politiki Italii. // Mir i politika. 2013. № 10. S. 222-232.
8. Nocerino D. L'Italia alla (ri)scoperta dell'Asia centrale // Opinio Juris, 2021. URL: <https://www.opiniojuris.it/litalia-alla-riscoperta-dellasia-centrale/>
9. O 30-letii dipotnoshenii mezhdu Uzbekistanom i Italiei // Ministerstvo inostrannykh del Respubliki Uzbekistan. 24.03.2022. [Elektronnyi resurs] URL: <https://mfa.uz/31237>
10. Libro sulle relazioni uzbeko-italiane pubblicato in Italia // Planet360.info. 15.02.2022. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.planet360.info/libro-sulle-relazioni-uzbeko-italiane-pubblicato-in-italia-2/>
11. Bruxelles, presentate prospettive di cooperazione tra Uzbekistan e Italia // Il Messaggero. 01.03.2023 // [Elektronnyi resurs] URL: https://www.ilmessaggero.it/mondo/relazioni_italia_uzbekistan-7261010.html?refresh_ce
12. Marino C. Partenariato strategico tra la Repubblica Italiana e la Repubblica Dell'Uzbekistan // Il nuovo Panorama. 2023. N. 39. URL: <https://www.nuovopanoramasindacale.it/partenariato-strategico-tra-la-repubblica-italiana-e-la-repubblica-delluzbekistan/>
13. Missione a Samarcanda (Uzbekistan) // ISMEO. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.ismeo.eu/portfolio_page/missione-a-samarcanda-uzbekistan/
14. Missione italiana a Kojtepa (Uzbekistan) – Italiana – Lingua, cultura, creatività nel mondo. [Elektronnyi resurs] URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/sedi/imperi-iranici-e-lasia-centrale/>
15. Cooperazione culturale // Ambasciata d'Italia Tashkent. [Elektronnyi resurs] URL: https://ambtashkent.esteri.it/ambasciata_tashkent/it/i_rapporti_bilateriali/cooperazione%20culturale
16. Cooperazione economica // Ambasciata d'Italia Tashkent. [Elektronnyi resurs] URL: https://ambtashkent.esteri.it/ambasciata_tashkent/it/i_rapporti_bilateriali/cooperazione_economica
17. La UED di Pescara alla Tashkent Fashion Week // UED-Università Europea del Design. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.uedpescara.it/la-ued-di-pescara-alla-tashkent-fashion-week/>
18. Redkosti iz Uzbekistana pokazhut v ital'yanskikh muzeyakh // Gazeta «Birzha». 12.06.2023. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gazetabirja.uz/30522-06-12-redkosti-iz-uzbekistana-pokazhut-v-italyanskikh-muzeyah.html>
19. La Settimana della Cucina nelle Istituzioni educative italiane all'estero // Italiana – Lingua, cultura, creatività nel mondo. 03.12.2021. [Elektronnyi resurs] URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/cultura/la-settimana-della-cucina-nelle-istituzioni-educative-italiane-allestero/>
20. Pesaro, la settimana della cultura dell'Uzbekistan: dall'arte alla musica alla moda // Il Messaggero. 05.06.2023 // [Elektronnyi resurs] URL: https://www.ilmessaggero.it/spettacoli/cultura/pesaro_settimana_cultura_uzbekistan-7444340.html
21. “La Via della Seta” inaugura a Tashkent // Italiana – Lingua, cultura, creatività nel mondo. [Elektronnyi resurs] URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/eventi/la-via-della-seta-inaugura-a-tashkent/>

22. Venera v loxmot'yakh i peizazh iz tsifr. Chto smotret' na vystavke sovremennogo ital'yanskogo iskusstva // Novosti Uzbekistana // Gazeta.uz. 08.01.2022. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/08/modern-art/>
23. Zakrytie vystavki ital'yanskogo yuvelirnogo iskusstva // Natsional'nyi bank Uzbekistana. 07.10.2022. [Elektronnyi resurs] URL: <https://nbu.uz/gallery/events/zakrytie-vystavki-italyanskogo-yuvelirnogo-iskusstva/>
24. Kusochek Rima v Tashkente // Yuz.uz. 30.04.2021. [Elektronnyi resurs] URL: <https://yuz.uz/ru/news/kusochek-rima-v-tashkente>
25. Vystavka «ItaliAE. Ot brat'ev Alinari do masterov sovremennoi fotografii» // TheMag.uz. Dostup: <https://themag.uz/post/vystavka-italiae>

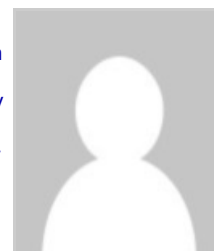
The Iranian concept of an Islamic university (on the example of the place and significance of Imam Sadiq University and its influence on the government of Iranian President Ebrahim Raisi)

Avarskii Roman Ismailovich

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

✉ ravarskiy@gmail.com

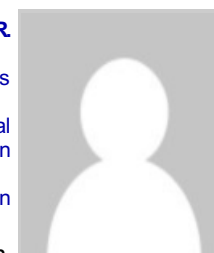
Dzhabbarinasir Kh. R.

PhD in Politics

Senior Lecturer, Department of Indo-Iranian and African Languages, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76 Vernadsky str., Moscow, 119454, Russia, Moscow region

✉ hjabbarinasir@gmail.com

Abstract. The objectives of this work are to consider the features of the activities of Imam Sadiq University and highlight the specific features of an Islamic university. The theoretical and methodological basis of the study was the works of Russian and foreign scientists devoted to the analysis of the activities of Imam Sadiq University and its place in the structure of the modern political course of Iran. The study identifies the general features of the Islamic concept of a humanitarian university, defined by the activities of Imam Sadiq University. The existence of significant contradictions that arise when the values of the Western and Islamic worlds collide during the development of the humanities is highlighted. The relevance of the topic under consideration is also emphasized by the growing conflict of interests of the Western and Islamic communities under the influence of the worsening Crisis in the Middle East, which has obviously increased the gap and confrontation between the two vast cultures. In the study, the authors note that today Iran is strengthening its course "to the East", making a significant contribution to the development of the activities of Islamic universities and strengthening the integration of Islamic and humanitarian knowledge. The authors' scientifically significant contribution to the study of the characteristics of Islamic universities is the identification of the general features of the concept of an Islamic university using the example of Imam Sadiq University, its activities and the opinion of the country's spiritual leaders. The article emphasizes that graduates of Imam Sadiq University make a significant contribution to the current course of the Iranian government, since they form the

structure of high-ranking officials - in the new government, the influence of Imam Sadiq University, whose graduates have penetrated into all spheres of the highest government power in Iran, is increasingly evident.

Keywords: Institutional structures of Iran, Iranian education system, Iranian government, Imam Sadiq University, Islamization of universities, Government of Ebrahim Raisi, Iranian university, Iran, theory of new institutionalism, Domestic policy

References (transliterated)

1. Ali-zade A.A. Umma // Islamskii entsiklopedicheskii slovar'. – M. : Ansar, 2007. – S. 789.
2. Vas'kin I. A. Rekrutirovanie elit v pravitel'stva Irana v 1979-1989 gg.: biograficheskii analiz // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost', 2023. №. 1. S. 76-92. DOI 10.31857/S086919080023790-6
3. Vzgl'yad na vkhozhdenie vypusknikov Universiteta Imama Sadika (AS) v pravitel'stvo. Perekhodim most upravleniya. Per. s persidskogo. Rezhim dostupa: <http://hamdelidaily.ir/index.php?post=24544>
4. Vyltsan S.E. Evolyutsiya pravovogo statusa vysshego soveta kul'turnoi revolyutsii Islamskoi Respubliki Iran // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, 2022. №. 4. S. 5-15.
5. Vystupleniya na vstreche professorov i studentov Universiteta Imama Sadika (mir emu) Per. s persidskogo. Rezhim dostupa: <https://farsi.khamenei.ir/newspart-print?tid=1707>
6. Issledovatel'skii tsentr yavlyaetsya konkurentom Universiteta Imama Sadika. Per. s persidskogo. Rezhim dostupa: <https://clck.ru/36pi8p>
7. Pastor vo vladenii «Imama Sadegi». Per. s persidskogo. Rezhim dostupa: <https://www.pishkhan.com/news/295993>
8. Sostoyalas' tseremoniya nachal uchebnogo goda studentov Khorasan Razavi Ayatolla Alam El'khadi: studenty yavlyayutsya dvizhushchei siloi peremen v obshchestve. Per. s persidskogo. Rezhim dostupa: <https://shahraranews.ir/fa/news/189759/>
9. Khagbin M. Rol' suverennykh organizatsii Irana v ukreplenii torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii s Rossiei // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2022. №. 1. S. 67-82. DOI 10.28995/2073-6339-2022-1-67-82
10. Campbell J. Mechanism of Evolutionary Change in Economic Governance, London, Edward Elgar, 1997. P self, 1993.
11. Chitazian Alireza, Mohammadi Keramat A meta-study of Islamic management research; A Case Study of Masters Theses in Faculty of Islamic Education and Management, Imam Sadegh University (PBUH) // Strategic management thought (management thought), 1398, Vol. 13, No. 2 (پیاپی 26), Pp. 19-48
12. Imam Khomeini's Message to Heads of Education Departments. Available at: <https://www.al-islam.org/educational-revolution-regarded-imam-khomeini/imam-khomeinis-message-heads-education-departments>
13. Luciano Zaccara Iran 2021: The year of Transition. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363270492_Iran_2021_The_year_of_Transition
14. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions. The Organizational basis of politics // Policy. 1990. Vol. 10, No. 3. pp. 349-351.
15. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life

- // American Political Science Review. 1984.Vol. 78. pp. 734-749.
16. Modema G., Steren Mercuo N., Samuels W.J. History Institutional Law Economics // Institutional Law and Economics. 1987. pp. 418-453.
 17. Mohammad Ali Zohreei, Ali Akbar Rezaie, Mahmoud Reza Mohammad Taheri Presenting an Appropriate Model of Cultural Diplomacy Based On the Elite Capacity // Iranian journal of educational Sociology, 2018. Vol. 1. No. 9. Pp. 60-78
 18. Mojtaba Jafarzadeh, Siamak Tahmasebi, Hossein Gholipor Identifying and Evaluating the Functions of Islamic University with Importance-Performance Approach (Case Study of Imam Sadegh University). Available at: https://www.bsrq.ir/article_118400.html
 19. Saeid Golkar, Kasra Aarabi Raisi's Rising Elite. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363270492_Iran_2021_The_year_of_Transition
 20. Sjoblom G. Some critical remarks on March and Olsen's Rediscovering Institutions // Journal of theoretical politics. 1993. No. 5 (3). pp. 397-407
 21. Syed Qandil Abbas Iran's look east policy: a step towards countering western pressures // NDU Journal, 2023. No. 37. Pp. 59-72 DOI:10.54690/ndujournal.37.139.
 22. Tarvirdizadeh V., Jafari Haft Khani N., Azarfar A. The Typology of Managers' Subjectivities about the International Interactions of Imam Sadiq University: Methodology Based on Q // Culture in the islamic university, 1398, Vol. 9. No. 4 (پیاپی 33). Pp. 527-542.
 23. Taslimi Mohammadsaeed, Noruzi Khalil, Tarvirdizadeh Vahid, Sadeghikia Mohammad Ali Providing a framework for the development of science diplomacy of the Islamic Republic of Iran based on the capabilities of Imam Sadiq (AS) University and Prioritizing Its Strategies Based On the Mix Method // Management research in Iran (Modares human sciences), 1397. Vol. 22. No. 1. Pp. 25-45.